

ISSN 0042-8779

ИВМ

**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**

4

2019

ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

4/2019 ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

12+

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ АРХИВ XX ВЕКА

Хроника Великой Победы (1941—1945)..... 3

СТАТЬИ

З.Р. Зиннатуллина, И.А. Попп — Волостная юстиция
в Российской империи после отмены крепостного
права..... 6

СООБЩЕНИЯ

С.В. Ткачёв — Этапы процесса колонизации 20

В.Д. Пузанов — Дети боярские и дворяне Западной Си-
бири в XVII в. 34

ДИСКУССИОННЫЕ ПРОБЛЕМЫ

А.Н. Нестеренко — Почему история не наука: размышле-
ния о специфике предмета, объекта и метода истори-
ографии..... 57

ДИПЛОМАТИЯ В ИСТОРИИ

М.М. Агазаде — Проблема статуса азербайджанских
тюрков в Иране..... 67

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

С.И. Мунжукова — История создания мемуаров Б.А. Эн-
гельгардта..... 76

Выходит
с 1926 года
ООО
ЖУРНАЛ
«ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ»
Москва

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

- С.Б. Борисов** — Занятия китайцев в России в 1890-е — 1950-е гг. 86

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

- Э.Я. Мадатли** — Вопросы формирования азербайджанского народа, его языка и культуры в иранской историографии. 96

НАРОДЫ РОССИИ

- А.И. Прищепа** — Формирование социальной инфраструктуры в новых городах севера Западной Сибири (1960—1980-е гг.) 106

ЛЮДИ. СОБЫТИЯ. ФАКТЫ

- М.Б. Щавелёва** — Особенности сельского хозяйства и положение крестьян Арзамасского уезда в 1779—1860 гг. 113

- М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев** — Аграханское казачье войско в планах Российской империи на Северном Кавказе (1722—1735 гг.) 120

- М.А. Гизбулаев** — Дагестан в арабских исторических источниках: «Китаб ал-Футух» ал-Куфи 129

ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИЙ

- А.Н. Андреев** — Миссионерская деятельность московских иезуитов в конце XVII в 148

ИСТОРИОГРАФИЯ

- Ж. Кундакбаева** — М.А. Терентьев. История завоевания Средней Азии 159

- Ф.Х. Соколова, А.Е. Шапаров** — В.И. Голдин. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. 164

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

- В.А. Бердинских** — Историческая паранаука и краеведение 172

- Возвращаясь к напечатанному 175

Хроника Великой Победы (1941—1945)

«Все делать без шума, твердо, спокойно» (19 июня 1941 г.)

Аннотация. В нынешнем выпуске рубрики — директива штаба Прибалтийского особого военного округа (ПОВО). Она была разослана в войска 19 июня 1941 года. Документ находится в Центральном архиве Министерства обороны Российской Федерации.

Ключевые слова. СССР, Великая Отечественная война, Красная армия, вторая мировая война, Германия, нацизм, Министерство обороны Российской Федерации, Прибалтийский особый военный округ

Abstract. “Voprosy Istorii” history journal presents the Directive of the Headquarters of the Baltic special military district. It was sent to the army units on June 19, 1941. The document is contained in Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.

Key words. USSR, Great Patriotic War, Red Army, World War II, Germany, Nazism, Ministry of Defense of Russian Federation, Baltic special military district

---

За несколько дней до нападения нацистской Германии на СССР штаб Прибалтийского особого военного округа (ПОВО) подготовил особую секретную директиву. Она была разослана в 21 час 19 июня 1941 г. военным советам 8-й и 11-й армий и командирам 10-го, 11-го и 16-го стрелковых корпусов. Документ подписали командующий войсками ПОВО генерал-полковник Ф.И. Кузнецов, начальник управления политпропаганды К.Л. Рябчий и начальник штаба генерал-лейтенант П.С. Кленов. В директиве говорилось:

«1. Руководить оборудованием полосы обороны. Упор на подготовку позиций на основной полосе УР (укрепленный район. — *П.И.*), работу на которой усилить.

2. В предполье закончить работы. Но позиции предполья занимать только в случае нарушения противником госграницы.

Для обеспечения быстрого занятия позиций как в предполье так и основной оборонительной полосе соответствующие части должны быть совершенно в боевой готовности.

В районе позади своих позиций проверить надежность и быстроту связи погранчастями.

3. Особое внимание обратить, чтобы не было провокации и паники [в] наших частях, усилить контроль боевой готовности. Все делать без шума, твердо, спокойно. Каждому командиру и политработнику трезво понимать обстановку.

4. Минные поля установить по плану командующего армией там он должен стоять по плану оборонительного строительства (так в тексте. — *П.И.*). Обратить внимание на полную секретность для пр-ка и безопасность для своих частей. Завалы и другие противотанковые и противопехотные препятствия создавать по плану командующего армией — тоже по плану оборонительного строительства.

5. Штарм (штаб армии. — *П.И.*), корпусу и дивизии на своих КП (командный пункт. — *П.И.*), которые обеспечить ПТО (противотанковая оборона. — *П.И.*) по решению соответствующего командира.

6. Выдвигающиеся наши части должны выйти в свои районы укрытия, учитывать участвовавшие случаи перелета госграницы немецкими самолетами.

7. Продолжать настойчиво пополнять части огневыми припасами и другими видами снабжения.

Настойчиво сколачивать подразделения на марше и на месте».

(Центральный архив Министерства обороны,
ф. 344, оп. 5564, д. 1)

* * *

Chronicle of the Great Victory (1941—1945)

**“All to do without noise, firmly, quietly”
(June 19, 1941)**

Central Archive of the Ministry of Defense of Russian Federation stores a document that was prepared a few days before the attack of Nazi Germany on the USSR. That is the Directive of the Headquarters of the Baltic special military district. It was sent to the military councils of the 8th and 11th armies and commanders of the 10th, 11th and 16th rifle corps at 21:00 on June 19, 1941. The document was signed by Colonel-General F.I. Kuznetsov, commander of the Baltic special military district troops, head of the political propaganda Department K.L. Ryabchiy and chief of Staff Lieutenant-General P.S. Klenov. The Directive said:

“1. To manage the equipment of the defense strip. The emphasis on training positions in the baseband of fortified area, the work on which to be strengthened.

2. To complete the work in the assumption. But to take the position of the penultimate only in case of violation of the enemy of the state border.

To ensure the rapid occupation of positions in assumptions and the main defensive zone corresponding part needs to be completely ready for battle.

In the area behind their positions to check the reliability and speed of communication border units.

3. Particular attention should be paid to avoid provocation and panic [in] our units, to strengthen the control of combat readiness. All to do without noise, firmly, quietly. Each commander and political officer should understand the situation soberly.

4. Minefields on the plan to establish an army commander there that he should stand on the defensive plan of construction. Pay attention to full secrecy for enemy and security for their parts. Blockages and other anti-tank and anti-personnel obstacles to create according to the plan of the commander of army — also according to the plan of defensive construction.

5. Army headquarters, corps and divisions in their command posts, which provide anti-tank defense by decision of the appropriate commander.

6. Our advancing units should go to their areas of shelter, take into account the frequent cases of flights of the state border by German planes.

7. Continues to replenish the units by firing supplies and other types of supplies.

To put hardly units together on the march and on the spot”.

Central Archive of the Ministry of Defense,
f. 344, op. 5564, d. 1

Волостная юстиция в Российской империи после отмены крепостного права

З.Р. Зиннатуллина, И.А. Попп

Аннотация. На материалах федеральных и региональных архивов авторы анализируют проблемы организации и деятельности волостной юстиции в Российской империи после отмены крепостного права. Сословная структура общества, размытая нормативно-правовая база в регулировании судопроизводства волостных и мировых судей, параллельное сосуществование обычного и позитивного права, архаичная система обжалования приговоров по крестьянским делам приводили к постоянным конфликтам в подсудности мелких судебных дел и их затягиванию, мягкости и полярности решений волостных судей по идентичным уголовным проступкам, отсутствию единого подхода в системе кассационного обжалования, казуистике, бюрократической волоките и подключению высших судебных инстанций к решению мелких проступков, а, следовательно, недоверию большей части населения страны к местному суду.

Ключевые слова. Волостной и мировой суды, Пермская губерния, уездные по крестьянским делам присутствия, Министерство юстиции, кассационные жалобы, кражи, крестьянское самоуправление, сословный суд.

Abstract. On the materials of federal and regional archives, the author analyzes the problems of organization and activity of volost justice in the Russian Empire after the abolition of serfdom. The class structure of society, the diluted legal and regulatory framework for regulating the judicial process of volost judges and magistrates, the parallel coexistence of ordinary and positive law, the archaic system of appeals of peasant cases led to constant conflicts in the jurisdiction of small court cases and their prolongation, softness and polarity of decisions of volost judges for identical criminal misconduct, the absence of a unified approach in the system of cassation appeal, casuistry, bureaucratic red tape and the involvement of higher court to resolve minor misconduct, and, consequently, distrust of a large part of the country's population to the local court.

Key words. Volost courts and magistrates, Perm province, county-level peasant affairs, Ministry of Justice, cassation complaints, theft, peasant self-government. class court.

В 1861 г., с отменой крепостного права, в России был введен сословный волостной суд, разбиравший в рамках обычно-правовых норм крестьянские споры по мелким уголовным (до 30 руб.) и гражданским делам (до 100 руб.). Практика волостной юстиции сразу вызвала общественный резонанс. Одни полагали, что «закон определил слабейшие наказания для крестьян по той причине, что сельское население не может иметь достаточно ясного понятия об идее справедливости, вследствие своего меньшего умственного развития»¹ и сетовали на законодательство, которое настолько «доверилось мудрости и способности простого

народа к своей гражданской самодеятельности, что решилось оградить его суд от вторжения в него высшего, интеллигентного сословия»².

Критики волостного суда и «неписанного» права отмечали, что «обычай так шатки и неуловимы, что трудно заранее определить, чего в данном случае придержится суд — обычая ли, или внушения свыше»³. В этом случае разнообразие решений волостного суда по однотипным делам они объясняли большой зависимостью судей от волостных старост и писарей. Наиболее реакционные представители этого направления вспоминали старые добрые времена, когда крестьяне «состояли в крепостном праве, потому что тогда вся забота о продовольствии, призрении и прочих нуждах вотчин лежала всецело на ответственности помещиков, коих было в каждом уезде по несколько десятков, и крестьяне, отдавая им известную долю труда или повинностей, были во всем обеспечены, при том и нравственное направление крестьян редко подвергалось вредным влияниям»⁴. Представители этого направления считали крестьянское сословие неспособным к самоуправлению и выступали за тотальный контроль сельских обывателей со стороны государства и «образованной» части общества.

Апологеты волостной юстиции обращали внимание на нормы обычного права, на основе которого действовало волостное судопроизводство, справедливо отмечая, что «как ни одинаковы юридические понятия народа, обычаи не представляют, однако той однообразности, которую имеет писанный закон. Тесно связанные с народной жизнью, — они являются различными при различных условиях самой жизни»⁵. Представители этого направления общественной мысли выдавали своеобразную индульгенцию на развитие крестьянского судопроизводства: «Пусть живут, распоряжаются и судятся они по своим обычаям и потребностям, сами собою, и пусть вырабатываются, таким образом, из этой самостоятельной жизни, сами собой, органически, формы местного суда»⁶. Главным аргументом защитников волостной юстиции являлись доступность, выборность и дешевизна крестьянского суда, который «менее всего способен мужичка обидеть, мужичка разорить, хотя в то же время не прочь и отодрать его»⁷. Все справедливые критические замечания недовольных деятельностью волостного суда объяснялись его «малолетством» и непониманием «образованным» сословием повседневной жизни крестьян.

Одним из ярчайших примеров перманентной дискуссии о деятельности волостных судов являлась проблема мелких уголовных преступлений, совершенных крестьянами. В конце 1867 г. на стол министра юстиции К. И. Палена легла записка председателя Весьегонского съезда

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна — кандидат филологических наук, доцент Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: zin-zulya@mail.ru; *Попп Иван Александрович* — кандидат исторических наук, доцент Уральского государственного педагогического университета. E-mail: popp82@mail.ru.

Zinnatullina Zulfya R. — PhD (Philology), associate professor of the Kazan Federal University. E-mail: zin-zulya@mail.ru; *Popp Ivan A.* — candidate of historical sciences, associate professor of the Ural State Pedagogical University. E-mail: popp82@mail.ru.

мировых судей Л. А. Кисловского (Тверская губерния), в которой он обратил особое внимание высокопоставленного чиновника на отсутствие равноправия в решениях волостного и мирового судов по делам о мелких кражах представителями крестьянского сословия, что «вредно действовало как на мнение народа о правоте и равноправности нового суда, так и на самые интересы сельского населения» ⁸.

Практик-судья из глубинки скрупулезно сравнил нормативную базу обеих ветвей местной юстиции по маловажным судебным делам. Оказалось, что если крестьянин совершал кражу у представителя своего сословия стоимостью до 30 руб., то волостные судьи выбирали лишь одно из четырех наказаний: 20 ударов розгами, семь дней ареста, шесть дней общественных работ или штраф до трех рублей, а «назначение меры наказания за каждый проступок предоставлялось усмотрению самого суда» ⁹. Однако за подобную же мелкую кражу у представителей других сословий крестьяне отправлялись в мировой суд, который руководствуясь «Уставом о наказаниях, налагаемых мировыми судьями», не имел права применять телесные наказания, но мог отправить в тюрьму на срок до одного года ¹⁰.

Кисловский озвучивал министру юстиции вполне справедливый вопрос: «Возможно ли крестьянину втолковать причины такой неравноправности, да вряд ли и кому-нибудь понятной, и неясно ли всякому, что при таком порядке имущество крестьянина не пользуется равной охраной суда с имуществом купца и дворянина?» ¹¹ и делал однозначный вывод, что «вообще всем крестьянским населением давно осознана положительная несостоятельность волостных судов... Народ ими гнушается, чем скорее их уничтожат, тем — лучше» ¹². В межведомственной переписке министр юстиции Пален частично соглашался с автором послания, отмечая, что «основная мысль господина Кисловского об ограничении занятий волостных судов заслуживает полного внимания» ¹³. Одновременно к министру внутренних дел обратились мировые судьи Лужского съезда мировых судей (Санкт-Петербургская губерния), сообщившие, что «судьи находят затруднение решать некоторые вопросы потому именно, что встречают противоречие между судебными уставами 1864 г. и относящимися к подобным вопросам прежними статьями закона, не отмененными и, следовательно, не лишенными законной силы» ¹⁴.

Проблема неравномерного наказания за один и тот же уголовный проступок брала свои истоки в конце 1830-х гг., когда П. Д. Киселёв провел реформу управления государственными крестьянами. В результате был создан сельский судебный устав, не потерявший свое значение после отмены крепостного права в 1861 г. и введения выборного волостного суда ¹⁵. В 1864 г. прошла знаменитая судебная реформа и появился выборный мировой суд, который «творит» судопроизводство по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями ¹⁶. Все это способствовало созданию целого комплекса противоречий в решении мелких уголовных проступков.

Так, на основании сельского судебного устава, крестьян наказывали до 30 ударов розгами за кражу и мошенничество, «когда цена похищенного или присвоенного обманом не превышает тридцати рублей

и когда сие учинено в первый или второй раз без всяких увеличивающих вину обстоятельств»¹⁷, однако на основании Общего положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, это наказание уже было ограничено двадцатью ударами розог, а женщины, престарелые, должностные лица и крестьяне, окончившие курсы в образовательных учреждениях, совершенно освобождались от телесного наказания¹⁸. Значит, за кражу до 30 руб. (иногда эта сумма была равна всему имуществу бедных крестьян, а «цена иска о покраденном имуществе весьма редко превышала 30 руб. серебром»¹⁹) волостные судьи осуждали виновных только до семи суток ареста, либо шести дней общественных работ, либо к штрафу до трех рублей, а «часто кражи между крестьянами на сумму менее 30 рублей оканчивались миром в присутствии волостного суда или старшины, не говоря уже о том, что часто вовсе ничем не оканчивались!»²⁰ Подобные мягкие судебные решения и даже примирения при совершении мелких уголовных преступлений, естественно, удивляли и настораживали общественность и юристов: «В виду сих обстоятельств, крайне неблагоприятных для ограждения собственности крестьян от посягательств и односельцев», лужские мировые судьи предложили вообще изъять дела о краже и мошенничестве из ведомства волостных судов и передать их судебным-мировым учреждениям, ведь содержание под стражей в течение нескольких дней «никак не может признаваться достаточным возмездием за кражу или мошенничество, которые, как выше заключено, должны влечь за собой тюремное заключение до одного года!»²¹

Такая явная несправедливость в вынесении решений волостными судами вызывала недоверие со стороны крестьян, иногда обращавшихся напрямую в мировой суд: «При вынужденном отказе — плач и рыдания, а за глаза — брань. Крестьяне говорят: видно, что законы-то составляли дворяне да купцы. Себя берегут, а про нас — и суда нет!»²² Некоторые мировые судьи поддавались уговорам, когда «тяжелое выпроваживание становилось окончательно невозможным, так как из объяснений просителя для вас становилось ясно, как день, что он, по своим отношениям к сельскому начальству и составу волостного суда, ни в каком случае не найдет защиты и беспристрастия», поэтому прошение принималось, но другие крестьяне уличали мирового в непоследовательности и задавали вполне справедливые вопросы: «Чем же я хуже людей? Положите гнев на милость! Как Бог, так и вы!» — умоляли мужики мировых судей принять и их дела к рассмотрению²³.

Путаница возникала даже в подсудности мелких проступков между разными сословиями. В 1892 г. в Казанской судебной палате разрешалось «пререкание», возникшее между мировым судьей 3-го участка Верхотурского округа Пермской губернии и Нейво-Алапаевским волостным судом о подсудности дела по обвинению крестьянина Василия Глухих в краже чугунных шестерней у купца Степана Самодурова, первоначально написавшего заявление в судебном-мировые учреждения и просившего привлечь крестьянина Глухих к ответственности. Мировой судья рассмотрел дело и «препроводил» его к волостному суду. Купец был явно возмущен тем, что «за принадлежностью его к купеческому, а не крестьянскому сословию» его отправили, несмотря ни на

это, судиться в сословный суд для крестьян! Конечно, судебная палата отменила несправедливое решение и еще раз отметила, что «дела, хотя и о маловажных кражах, но совершенных крестьянами у лиц не принадлежащих к крестьянскому сословию, изымаются из ведения волостного суда»²⁴, но длительная бюрократическая переписка и отложенное наказание за совершенное преступление плохо влияли на доверие к системе местного судопроизводства.

Подобного можно было избежать, если бы при введении судебных уставов 1864 г. прислушались к профессиональным замечаниям Высочайше учрежденной комиссии для начертания проектов законоположений о преобразовании судебной части. Большинство членов комиссии указало на «вред» продолжения деятельности волостных судов по мелким уголовным делам для общественной безопасности, так как «преступники избавляются, таким образом, от заслуженного им наказания»²⁵.

Реформаторы отмечали, что местные крестьянские суды «постоянно принимают к своему рассмотрению и решают окончательно дела о воровстве, иногда даже сопровождавшимся увеличивающими вину обстоятельствами. Отсюда возникает явное неправосудие: один признан виновным в краже и приговорен зато к заключению в тюрьме или рабочем доме, или же к отдаче в арестантские роты, а другой, виновный в том же самом, подвергается легкому лишь взысканию, единственное, по той причине, что судился не общим, а волостным судом». Комиссия предложила изъять все уголовные дела из ведомства волостных судей или, «по крайней мере, дозволить обжалование их приговоров мировым судьям»²⁶.

Это предложение позволило бы начать процесс объединения волостных и мировых судов в единый местный суд, но так и не было реализовано на практике, а жалобы на «разительную неравноправность относительно строгости наказания или слабости преследования при однохарактерности преступлений» подкрепляли фундамент основных недостатков пореформенной системы местного судопроизводства²⁷.

Вопрос о воровстве в крестьянской среде оставался на повестке дня на протяжении 1860—1880-х годов. В 1868 г. Правительствующий Сенат подтвердил, что незначительные проступки должны рассматриваться волостными судьями, поэтому и кража до 30 руб. без особо увеличивающих вину обстоятельств — как маловажное преступление — относилась к ведению волостной юстиции, но в провинции многие считали это положение ошибочным и предлагали министру внутренних дел передать все уголовные процессы общим судебным учреждениям²⁸.

В ноябре 1868 г. эта проблема внимательно рассматривалась новым министром внутренних дел Александром Егоровичем Тимашевым, который подтвердил, что, по отзывам губернаторов, волостные суды неудовлетворительно «разрешали» дела о крестьянских проступках, а «причины сего — отчасти самый состав этих судов, отчасти неопределенность правил, данных им в руководство»²⁹. А. Е. Тимашев даже признал «весьма желательным дела о проступках крестьян предоставить на общем основании разбирательству мировых судей, тем более, что расходы по их содержанию в уездах покрываются значительно сбором

с крестьян», но тут же обратил внимание, что подобное решение связано с рядом организационных проблем: а) из-за многочисленности крестьянских проступков «мировые судьи могут быть сильно затруднены в успешном разборе этих дел», а увеличение числа мировых участков приведет к возвышению денежных сборов с крестьян, «и без того обремененных разными повинностями»; б) в отличие от мирового суда, объединявшего несколько волостей, явка крестьян в близкий и доступный волостной суд не была сопряжена с затруднениями и расходами. «Поэтому прибытие к вызову мирового судьи для крестьян будет иногда соединено с издержками и значительной потерей времени столь дорогого для них в рабочую пору»; в) для приведения в исполнение наказаний по крестьянским проступкам, мировые судьи встретили бы затруднения, связанные с недостаточностью и неудовлетворительностью устройства большей части существовавших мест заключения. По мнению министра, «все высказанные соображения указывали на те важные препятствия, которые оказались бы при передаче в настоящее время дел по проступкам из волостных судов к мировым судьям»³⁰. Однако никаких реформ не последовало, волостные судьи продолжали разбирать мелкие уголовные преступления и «мягко» наказывать крестьян за присвоение чужого имущества.

Нерешенность вопроса о единой подсудности и одинаковых наказаниях за одни и те же проступки в крестьянской среде вызвали на практике огромное количество проблем, отражавшихся в кассационных жалобах на решения волостных судей и направлявшихся крестьянами с 1866 г. в съезды мировых посредников, а с 1874 г. — в уездные по крестьянским делам присутствия обширной Российской империи. В Государственном архиве Свердловской области сохранилось несколько книг «для записки решений» Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия Пермской губернии за период с 21 февраля по 25 ноября 1884 г. и с 22 января по 24 сентября 1888 года. По данным Министерства внутренних дел, на 17 января 1880 г. в Ирбитском уезде проживало крестьян обоего пола — 114422 и представителей «прочих сословий» — 6871. Уезд делился на 27 волостей и 170 сельских обществ³¹, при этом являлся наименьшим по площади в Пермской губернии³². Уезд можно отнести к сельскохозяйственным территориям с преобладанием крестьянского населения.

Из 252 дел, рассмотренных Ирбитским уездным по крестьянским делам присутствием в феврале-ноябре 1884 г., 138 дел (54%) касались волостного суда³³. Весь этот массив источников подразделялся на 71 гражданское дело (имущественные споры, возмещение убытков, нарушения хозяйственно-договорных отношений и др.) и 65 крестьянских «проступков» (кражи, оскорбления, драки, битье окон, «разбрасывание хлеба по полю» и даже «обрезание крыльев у гусей»). Из них 25 крестьянских проступков (38%) являлись разными «покражами» денег, вещей, овса, хлеба, леса, гороха, сена и др. В большинстве случаев за мелкое воровство волостные судьи Ирбитского уезда применяли одновременно и телесные, и денежные наказания: в 16 случаях из 25 краж виновные получали от 5 до 20 ударов розгами и с них взыскивали за причиненный ущерб до 30 рублей. Иногда к этому наказанию прибав-

ляли штраф в пользу свидетелей «за потраченное время» — от 25 коп. до 4 рублей³⁴. Например, в марте 1884 г. Зайковский волостной суд Ирбитского уезда приговорил крестьянина Семёна Речкалова к наказанию розгами (20 ударов) и денежному взысканию в пользу пострадавшего в размере 20 руб. за кражу денег у однодеревенца Ефима Кирина. Кроме того, за счет ответчика суд поощрил и шесть свидетелей в размере 1 руб. 20 коп. каждого³⁵. Общая сумма выплат С. Речкалова составила по тем временам огромную сумму в 27 руб. 20 копеек!

Неудивительно, что обвиненный Речкалов сразу принес кассационную жалобу в Ирбитское уездное по крестьянским делам присутствие с целым набором существенных жалоб: а) «не спрос» судом двоих свидетелей, «могущих удостоверить, что потерявшиеся у крестьянина деньги хранились у крестьянина Степана Савелина, дяди волостного писаря Худякова»; б) неподсудность дела волостному суду, «ибо кража денег совершена, по заявлению потерпевшего, в ночное время, каковое заявление в решении суда почему-то скрыто»; в) противозаконные действия сельского старосты Герасимова, «который требовал с него, просителя, вино в то время, когда он просил старосту сделать обыск потерянных Киприным денег»³⁶. Несмотря на неоднократные постановления Правительствующего Сената по крестьянским кассационным жалобам о том, что вызов, допрос или недопрос всех свидетелей, «на коих стороны при разборе дела ссылаются», полностью зависел от усмотрения волостного суда и не составлял поводов к отмене решений волостных судов³⁷, Ирбитское уездное крестьянское присутствие сделало исключение по вышерассмотренному делу и признало жалобу Речкалова справедливой³⁸. Видимо, члены уездного присутствия не сомневались, что кражу крестьянин Речкалов не совершал.

Книга решений Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия за период с 22 января по 24 сентября 1888 г. была полностью посвящена кассационным жалобам крестьян на решения волостных судов. Из 170 рассмотренных уездным присутствием жалоб 24 касались крестьянских краж, часто закамуфлированных под следующие формулировки: «самовольный увоз бревен», «взятие вещей», «порубка леса», «самовольный угон коровы», «порча огурцов» и др. Вероятно, такие формулировки зачастую способствовали смягчению наказаний в волостном суде. За рассматриваемый период по делам о кражах из 24 кассационных жалоб только в четырех случаях виновных пытались наказать розгами, причем два решения волостных судов уездное присутствие отменило³⁹. Количественное снижение применения розог наблюдалось в Пермской губернии в 1880 гг., но местные губернаторы ошибочно полагали, что это происходит из-за уменьшения числа уголовных проступков: «Так, в 1880 году оно составляло свыше 44%, в 1881 г. — 41%, а в 1882 г. — уже 38%. Имея в виду, что наказание это присуждается волостными судами преимущественно за кражу и другие противозаконные способы присвоения чуждой собственности, следует полагать, что эти проступки уменьшаются»⁴⁰.

Однако скрупулезное изучение кассационных жалоб крестьян в Ирбитском уезде приводит к выводу, что наблюдалось не снижение количества краж и грабежей, а зачастую применялось слишком мягкое

наказание в отношении воров из крестьянского сословия. В большинстве случаев волостные судьи приговаривали виновных к сроку от трех до семи дней ареста при волостном правлении и денежному взысканию в пользу потерпевших. Нами выявлено семь решений волостных судей, в которых фигурировало только финансовое наказание за совершение кражи леса, бревен, коровы и вещей⁴¹, а некоторые подозреваемые в присвоении чужого имущества и вовсе оставались безнаказанными.

Так, крестьянка Прасковья Кирсанова, отправляясь в г. Ирбит, завезла своей сестре Надежде и ее мужу Панфилу Мясниковым ящик с разным имуществом, который был «затворен висячим замком, а ключ взят с собой». После возвращения Прасковьи оказалось, что Панфил «вывернул из ящика кольца и, таким образом, отворил его», украв несколько ценных вещей. Верх-Ницинский волостной суд постановил лишь «отобрать и передать просительнице Крикалевой захваченные Мясниковым четыре рубашки и юбку. В случае утраты этих вещей, взыскать деньгами пять рублей!» Члены Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия увидели в этом деле кражу со взломом, что не соответствовало «маловажности» проступка, поэтому решение волостного суда было «уничтожено», а дело передано мировому судье 1-го участка Ирбитского округа⁴². Одновременно рассматривалась и жалоба крестьянина Александра Скутина «о самовольном угоне принадлежащей ему коровы крестьянами Лаврентием и Дмитрием Налимовыми и Ларионом Устьянцевым». Несмотря на то, что убытки от кражи коровы и ее поиск составили у истца более 23 руб., Шогринский волостной суд решил взыскать в пользу потерпевшего только по шесть рублей с Лаврентия Налимова и Лариона Устьянцева, а Дмитрия Налимова вообще освободил от ответственности. Из-за «пропуска» законного 30-дневного срока на обжалование вынесенного волостным судом решения уездное присутствие оставило жалобу истца «без рассмотрения»⁴³. Странно, но воровство группой лиц не рассматривалось ни волостным судом, ни его кассационной инстанцией как отягчающее обстоятельство, хотя в уставе о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, тюремное заключение увеличивалось вдвое, «когда кража учинена по уговору нескольких лиц»⁴⁴.

Повсеместно применялось и денежное взыскание в пользу истца как единственное наказание для совершивших кражу крестьян. Даже на уровне Пермского губернского по крестьянским делам присутствия не вызывал подозрений штраф в размере 15 руб. с крестьянина Столбикова в пользу крестьянки Курочкиной за кражу быка⁴⁵, хотя наблюдалось явное нарушение 102 статьи Общего Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, по которой волостной суд был «властен» приговаривать крестьян за проступки к более весомому наказанию⁴⁶. Система волостной юстиции была настолько запутанной и непредсказуемой, что за уголовные проступки зачастую полагалась ответственность, предусмотренная в рамках гражданского судопроизводства.

По некоторым делам о хищениях потерпевшие фактически оставались вообще без правосудия. В июле 1888 г. крестьянин Иван Емельянов заявил Белослудскому волостному суду жалобу на кражу 29 руб. крестьянином Осипом Жуковым, вину которого подтвердил его пасынок,

якобы, видевший деньги у приемного отца. Волостные судьи не придали «достоверного значения» этим показаниям и признали иск Емельянова неосновательным. Подобное решение, естественно, не устроило истца, и он обратился «за правдой» в уездное по крестьянским делам присутствие, которое просто разъяснило, что «оценка данных свидетелями показаний и суждение о их достоверности принадлежит волостному суду, а не крестьянским учреждениям» и оставило жалобу Емельянова без последствий⁴⁷. Подобное дело рассматривалось и в Киргинском волостном суде, где свидетель Егор Алексеев удостоверил, что «он видел, как Фёкла Ларионова дергала огурцы с гряд Льва Зверева», но суд, сославшись на «неприятные отношения» Егора и Фёклы и «сомневаясь в справедливости этого показания», не признал жалобу Зверева «основательной». Члены Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия повторили положение о невмешательстве в суждение и оценку свидетельских показаний волостным судом и вынесли следующее определение: «Жалобу Зверева оставить без последствий, о чем ему и объявить без права обжалования»⁴⁸. За эти совершенные кражи никто не оказался наказанным, а потерпевшим некому было предъявить иски на возмещение убытков.

Если виновные в уголовных проступках зачастую просто возмещали убытки или вообще оставались безнаказанными, то в рамках гражданского судопроизводства в пермских волостных судах практиковали наказание розгами. Так, в решениях Знаменского волостного суда Ирбитского уезда в 1870 г. за нарушение трудового договора крестьян постоянно наказывали 10—19 ударами розог⁴⁹. На такие решения волостных судей некоторые крестьяне приносили жалобы сначала в уездные съезды мировых посредников, а затем — в уездные по крестьянским делам присутствия, члены которых, видя несправедливость наказания розгами в трудовых спорах, частично отменяли подобные приговоры. В 1884 г. по решению Иленского волостного суда было присуждено денежное взыскание в пользу крестьянина Ильи Ляпунова «за недожитое Ефремом Нищевым время в срочной у Ляпунова работе» в размере 10 руб. 52 копеек. Кроме того, Нищев был приговорен к наказанию 15 ударами розог. Члены Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия обратили внимание, что «неисполнение договора о срочной работе составляет лишь одно гражданское правонарушение, не заключающее в себе уголовного проступка», и частично «уничтожили» решение волостного суда, оставив в силе денежное взыскание с Нищева в пользу Ляпунова⁵⁰. В 1888 г. Ирбитское уездное присутствие также частично отменило идентичное решение Чубаровского волостного суда в отношении Матвея Бессонова, с которого хотели взыскать не только 8 руб. 70 коп., но и наказать 10 ударами розог за «неисполнение условия о работе»⁵¹. Итак, ирбитские волостные судьи вставали на защиту крепких хозяев-кулаков и жестоко наказывали нанятых крестьян за любое нарушение даже устных трудовых договоров. Нарушение рабочего режима в страду считалось более серьезным проступком, чем воровство и мошенничество.

Анализ крестьянских кассационных жалоб позволяет сделать вывод, что некоторые ответчики специально указывали на увеличивавшие

вину обстоятельства совершенных ими преступлений (кража ночью или со взломом жилого помещения), пытаясь добиться отмены решений волостных судов и передать дела в мировой суд⁵², который осуждал за подобные преступления на срок до одного года⁵³. Причинами подобных жалоб были либо стремление крестьян добиться справедливости любой ценой, либо недоверие некоторых из них к волостной юстиции, либо желание затянуть решение дел с помощью мирового судопроизводства, в котором действовала понятная процедура апелляции и кассации решений, основанных на фиксированной нормативно-правовой базе.

В Ирбитском уезде в 1884 г. в пяти случаях кассационных жалоб крестьяне указали, «что волостной суд принял к своему рассмотрению неподсудное ему дело, так как, по заявлению истца, кража совершена в ночное время»⁵⁴. Однако уездное присутствие лишь в одном процессе учло вышеозначенное обстоятельство в качестве справедливого повода к отмене решения волостного суда, но не передало его в судебно-мировые учреждения, а предложило судьям «рассмотреть дело вновь»⁵⁵. Напротив, в 1888 г. все пять жалоб на отмену решений волостных судей, в которых наблюдались признаки ночных краж, были кассированы уездным присутствием и направлены мировым судьям на повторное рассмотрение: «Правительствующий Сенат в многократных указах своих разъяснял, что дела о крестьянах между крестьянами, совершенных в ночное время, то есть при увеличивающих вину обстоятельствах, изымаются из волостной подсудности, хотя бы цена похищенного не превышала суммы в 30 рублей, и подлежит ведению судебно-мировых учреждений»⁵⁶.

Несмотря на то, что «оценка свидетельских показаний и суждение о их достоверности принадлежало волостному суду», члены уездного присутствия нарушали это правило и основывали свое решение на свидетельских показаниях, указанных в выписке из решения волостного суда: «Из рассматриваемого дела оказывается (показание свидетеля Авдея Лукоянова), что хлеб в снопах, в краже коего заподозрен солдат Никифор Сединкин, последним вожен из поля в ночное время, т. е. при одном из увеличивающих вину обстоятельств»⁵⁷. Только на этом основании жалоба признавалась справедливой и дело передавалось в мировой суд.

Такие решения уездных по крестьянским делам присутствий еще не гарантировали быстрого и справедливого окончания судопроизводства по мелкому воровству в крестьянской среде. Отсутствие четких границ подсудности в системе местного судопроизводства, неясная система нормативно-правовой базы, повсеместная безграмотность волостных судей и юридическая неграмотность большинства мировых судей — все это затягивало решение с виду простых проступков. Казуистика в простых делах порой достигала таких масштабов, что судопроизводство длилось месяцами и доходило до высших судебных учреждений.

В Казанской судебной палате 30 мая 1888 г. рассматривалось «пре-рекание» между мировым судьей 4-го участка Камышловского округа и Щербаковским волостным судом о подсудности дела группы юных крестьян от 13 до 22 лет, обвиненных в краже репы, моркови и мака у однодеревенца Андрея Пестерева. Молодые воришки объяснили, что

они «ходили ночью рвать морковь и мак у Пестерева». Ввиду этого, волостные судьи приняли решение передать дело в мировой суд, однако, мировой судья Иван Иванович Рябухин нашел, что кражу совершили в «сумерках», поэтому она «не может рассматриваться как ночная», и направил ее сначала в съезд мировых судей, а впоследствии — в Казанскую судебную палату, которая признала дело «подсудным судебно-мировым установлениям»⁵⁸. Сложно понять, чем руководствовался судья Рябухин, когда определял, что летние «сумерки» на Урале не соответствуют «ночному времени»? Вероятно, по тем же соображениям в 1888 г. Рябухин активно выступал и за недалновидное решение по сокращению одного судебно-мирового участка в Камышловском судебно-мировом округе и ставил в пример свой участок, в котором «не решенных дел почти не осталось»⁵⁹. Скорее всего, судья принимал быстрые, но не всегда взвешенные решения.

Аналогичная проблема возникла и в Красноуфимском уезде Пермской губернии, где 13 ноября 1887 г. крестьянин Пётр Сиринов украл бобровую шапку стоимостью три рубля у крестьянина Ивана Озорни-на. Дело было раскрыто сельским старостой «по горячим следам», но из-за несогласия между потерпевшим и воришкой во времени кражи донесение «переправили» мировому судье 3-го участка Красноуфимского судебно-мирового округа, который возвратил его обратно в волостное правление для передачи в местный волостной суд «в виду того, что кража совершена не ночью, а вечером». При разбирательстве дела в Манчажском волостном суде Озорнин объяснил, что кража шапки «совершена была у него 13 ноября не вечером, а ночью». Вследствие такого заявления потерпевшего суд признал дело подсудным мировым установлениям и направил дело в Казанскую судебную палату «для решения возникшего о подсудности одного пререкания». 30 мая 1888 г. особое присутствие палаты признало необходимым рассмотреть кражу в волостном суде: «Озорнин в первоначальном своем заявлении местному сельскому старосте объяснил, что кража шапки сделана у него была вечером 13 ноября 1887 г. Вечернее же время в ноябре месяце нельзя признать тождественным с понятием о ночи, так как в то время года день кончается рано, и с наступлением вечера не прекращается тот час же всякая деятельность»⁶⁰.

Спорное решение приняла Казанская судебная палата и по идентичному делу об «отнятии» сарафана Илларионом Суворовым у односельчанки Ульяны Забарилловой. Иргинский волостной суд Красноуфимского уезда справедливо нашел увеличивающие вину обстоятельства и принял решение передать дело в судебно-мировые учреждения, так как обвиняемый «уже пять раз по приговорам волостного суда был наказан розгами, причем один раз за кражу». Судьи правильно обосновали это решение довольно весомыми причинами: 1) они должны разбирать лишь крестьянские «маловажные проступки», 2) в краже сарафана проявился явный рецидив, а законодательство обращало пристальное внимание на повторяемость преступлений: «Наказание увеличивать также и в том случае, когда кто замечен будет в одном и том же проступке два раза или более, в течение короткого времени»⁶¹ и «когда кража совершена лицом уже однажды осужденным за кражу или мошенничество»⁶².

В судебной палате решили, что «отнятие» сарафана не соответствует ни грабежу, ни краже и «если можно извлечь признаки какого-либо проступка, то лишь простого насилия, подсудного между лицами крестьянского сословия волостному суду»⁶³. К сожалению, члены судебной палаты совершенно не обратили внимания на то, что обвиняемый уже в шестой раз привлекался к ответственности за серьезные проступки и наказания розгами было явно недостаточно, чтобы остановить произвол в этом крестьянском обществе.

Таким образом, после введения волостной юстиции в 1861 г. в общественно-политической мысли стала набирать обороты перманентная дискуссия по проблемам организации и деятельности крестьянского суда. Одним из острых вопросов являлась подсудность волостным судьям дел по присвоению чужого имущества стоимостью до 30 рублей. Многие современники считали грубой несправедливостью неравномерность в наказании крестьян за одни и те же мелкие уголовные проступки, совершенные в отношении представителей разных сословий. Политическая элита понимала актуальность проблемы, но не могла ее решить в течение 30 лет в связи с необходимостью реформирования всей системы волостного самоуправления. В практике волостной и мировой юстиций наблюдались следующие проблемы, снижавшие эффективность местных судов:

1) волостные суды в отношении мелкого воровства применяли достаточно мягкие решения. В Пермской губернии происходило постепенное снижение количества приговоров с использованием розог — самого сурового наказания для крестьян по уголовным проступкам. Некоторые подозреваемые вообще оставались безнаказанными, но, в большинстве случаев, кражи в крестьянской среде карались арестом до семи дней при волостном правлении, незначительными общественными работами и/или мелким штрафом, причем общепризнанной нормой стало погашение затрат на вызов свидетелей по делу за счет ответчика. Одновременно в гражданском судопроизводстве розги использовались в качестве наказания, например, за нарушение трудового договора.

2) отсутствие четких законодательных норм и ограничений приводило иногда к полярности в решениях волостных судей по идентичным уголовным проступкам. В процессе кассационного обжалования также выявлены явные противоречия по одинаковым делам: в одних случаях уездные присутствия могли отменить решения волостных судов, в других — оставляли все «без последствий». В рамках судопроизводства можно найти прямые противоречия в решениях волостных судов и кассациях Ирбитского уездного по крестьянским делам присутствия.

3) сословная структура общества, параллельное существование обычного и позитивного права, архаичная система обжалования приговоров по крестьянским делам, отсутствие инкорпорации в деятельности волостной и мировой юстиций — все это приводило к постоянному конфликту в подсудности дел, их затягиванию, казуистике, бюрократической волоките и подключению высших судебных инстанций к решению мелких проступков, а, следовательно, недоверию со стороны большей части населения страны к местному судопроизводству.

Примечания

1. Свод замечаний о применении на практике судебных уставов (1864—1870 гг.). Б.м. Б.г., с. 39.
2. ДАШКЕВИЧ Г.А. О волостном суде и его реформе (из наблюдений над крестьянским самоуправлением). Вильна. 1885, с. 7.
3. По вопросу о преобразовании волостных судов. — Отечественные записки. 1873, № 1, с. 86.
4. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 1282, оп. 2, д. 12, л. 40.
5. ЯКУНИН Е. Волостные суды в Ярославской губернии. — Юридический вестник. 1872, № 3, с. 2.
6. Крестьянские волостные суды. — Русский вестник. 1862, т. 41, с. 367.
7. МОРДОВЦЕВ Д. Как народ сам себя судит. — Дело. 1874. № 1, с. 243.
8. РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482а, л. 5.
9. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ-2), т. 36 (1861), ч. 1, № 36 657, ст. 102, с. 156—157.
10. ПСЗ-2, т. 39 (1864), ч. 2, № 41 478, ст. 169—172, с. 416—417.
11. РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482а, л. 6об. —7.
12. Там же, л. 7.
13. Там же, л. 12об.
14. Там же, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 21, л. 6.
15. См.: ПСЗ-2, т. 36 (1861), ч. 1. № 36 657. Примечание к ст. 102, с. 157 («Впредь до издания общего сельского судебного устава волостные суды, а также волостные старшины и сельские старосты, при определении, на точном основании статей 64, 86 и 102 сего Положения, меры наказаний за маловажные преступления и проступки, применяются к правилам, по сему предмету установленным в уставе сельском судебном для государственных крестьян»).
16. ПСЗ-2, т. 39 (1864), ч. 2, № 41 478, с. 401—418.
17. Сельский судебный устав для государственных крестьян. Свод законов. Т. XII. Ч. II. СПб. 1857, ст. 436, 533.
18. ПСЗ-2, т. 36 (1861), ч. 1. № 36 657. Примечание к ст. 102, с. 157.
19. Свод замечаний о применении на практике судебных уставов (1864—1870 гг.), с. 33.
20. Там же, с. 37.
21. РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482а, л. 26об. —27.
22. Там же, л. 8об.
23. НАЗАРЬЕВ В.Н. Современная глушь (из воспоминаний мирового судьи). — Вестник Европы. 1879, № 5, с. 142.
24. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ), ф. 51, оп. 2, д. 139, л. 1—3.
25. РГИА, ф. 1405, оп. 66, д. 3482а, л. 31об. —32.
26. Там же, л. 32об., 255.
27. Свод замечаний о применении на практике судебных уставов (1864—1870 гг.), с. 37.
28. РГИА, ф. 1291, оп. 36, 1868 г., д. 21, л. 20—25.
29. Там же, л. 27об.
30. Там же, л. 28—29.
31. Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива (НСБ РГИА). Печатная записка № 986 «Статистические материалы по волостному и сельскому управлению тридцати четырех губерний, в коих введены земские установления», с. 140—141.
32. Площадь Ирбитского уезда была равна 8887 кв. верстам. См.: НСБ РГИА. Печатная записка № 985 «Об упразднении должности мировых посредников в Пермской губернии», с. 5.
33. Государственный архив Свердловской области (ГА СО), ф. 655, оп. 1, д. 65, л. 1—296, д. 66, л. 1—242.
34. Подсчитано автором. См.: ГА СО, ф. 655, оп. 1, д. 65, л. 1—291; д. 66, л. 1—242.
35. Там же, д. 65, л. 215.
36. Там же, л. 215об.

37. Сборник решений Первого департамента Правительствующего Сената по крестьянским делам 1862—1879 гг. СПб. 1879, с. 169—172.
38. ГА СО, ф. 655, оп. 1, д. 65, л. 217.
39. Там же, д. 182, л. 81об. —82об., 88об. —90, 95об. —97об., 189об. —191.
40. Государственный архив Пермского края (ГА ПК), ф. 65, оп. 1, д. 48, л. 24.
41. ГА СО, ф. 655, оп. 1, д. 182, л. 116об. —117об., 128—130об., 150об. —151об., 162—163об., 203—204об., 206об. —208об., 272—273об.
42. Там же, л. 206об. —207.
43. Там же, л. 116об. —117об.
44. ПСЗ-2, т. 39 (1864), ч. 2, № 41 478, с. 416.
45. ГА ПК, ф. 41, оп. 1, д. 16, л. 9.
46. ПСЗ-2, т. 36 (1861), ч. 1, № 36 657, ст. 102, с. 156—157.
47. ГА СО, ф. 655, оп. 1, д. 182, л. 257—258об.
48. Там же, л. 291об. —292об.
49. Там же, ф. 729, оп. 1, д. 15, л. 5об. —6, 11об. —12.
50. Там же, ф. 655, оп. 1, д. 66, л. 185об. —187.
51. Там же, д. 182, л. 279об. —280об.
52. Там же, ф. 655, оп. 1, д. 65, л. 18об., 215, 218об.; д. 66, л. 210об.
53. ПСЗ-2, т. 39 (1864), ч. 2, № 41 478, ст. 169—170, с. 416—417.
54. ГА СО, ф. 655, оп. 1, д. 66, л. 210.
55. Там же, д. 65, л. 219.
56. Там же, д. 182, л. 29об.
57. Там же, л. 74об. —76об.
58. ГА РТ, ф. 51, оп. 3, д. 105, л. 1—2об.
59. Журналы Камышловского уездного земского собрания XIX очередной сессии и доклады управы собрания 1888 г. Камышлов. 1889, с. 15.
60. ГА РТ, ф. 51, оп. 3, д. 107, л. 2—3.
61. Сельский судебный устав для государственных крестьян. Свод Законов, т. XII, ч. II, ст. 448.
62. ПСЗ-2, т. 39 (1864), ч. 2, № 41 478, ст. 170, с. 417.
63. ГА РТ, ф. 51, оп. 2, д. 57, л. 3—4об.

Этапы процесса колонизации

С.В. Ткачёв

Аннотация. В данной публикации рассматриваются различные интерпретации понятия «колонизация» и его отличия в российской и зарубежной научной литературе от понятия «колониализм», а также от часто используемых в качестве синонимов терминов «миграция», «заселение», «освоение». Предложено авторское понимание этого термина. Также на основании сравнительных исследований колонизационных процессов на юге Российского Дальнего Востока и Хоккайдо разработана периодизация процесса колонизации по адаптационным особенностям переселенческих когорт. Был сделан вывод, что исторические колонизации имеют одни и те же этапы с возможным изменением лишь специализации групп переселенцев. Предложенный подход позволяет учитывать в анализе демографические особенности, мотивации, адаптационные технологии, практикуемые различными группами мигрантов и, в конечном итоге, разрабатывать наиболее приемлемые решения вопроса массовых миграций в будущем.

Ключевые слова. Колонизация, колониализм, периодизация, ландшафты, адаптация, переселенцы.

Abstract. In this article the author considers different interpretations of the concept of “colonization” and its difference in Russian and foreign scientific literature from the concept of “colonialism”, “migration”, “peopling”, “land development”. The author gives his understanding of this term. In addition, based on comparative studies of colonization processes in Hokkaido and in the South of the Russian Far East the periodization of colonization process has been proposed by adaptive characteristics of migrant cohorts. It was concluded that historical colonizations have the same stages with possible change just of specialization of the migrant groups. The proposed approach allows taking into account the demographic characteristics, motivation, adaptation technologies practiced by different groups of migrants and in the last analysis to develop the most acceptable solution of the question of mass migrations in the future.

Key words: colonization, colonialism, periodization, landscapes, adaptation, migrants.

Исторически так сложилось, что термин «колонизация» у русскоязычной аудитории не вызывает негативных коннотаций. Возможно, из-за того, что, по словам В.О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется»¹. Мы привыкли к этому слову, живем в этом процессе, понимая его как постоянное явление, связанное и с необходимыми финансовыми и моральными издержками, и просто как необходимость. Наша обширная география, конечно, накладывает свой, весьма весомый, отпечаток.

Ткачёв Сергей Викторович — кандидат политических наук, зав. политехническим музеем Учебно-научного музея Дальневосточного федерального университета. Владивосток. E-mail: sertk@mail.ru.

Tkachev Sergei V. — PhD (political sciences), head of Polytechnic Museum of Teaching and Scientific Museum. Far Eastern Federal University. Vladivostok. E-mail: sertk@mail.ru.

Однако не так все просто с этим термином в иностранной научной литературе. Так, например, в Японии меня постоянно просили заменить это слово на «land development» (освоение земель) при описании ситуации на Хоккайдо в периоды Мэйдзи и Тайсё. Термин «colonization» используется в сейчас все реже именно из-за его политически негативной окраски. Мои оппоненты обращали внимание на интерпретацию этого понятия в англоязычных словарях, и здесь ситуация действительно получается неоднозначной.

Положение усложняется тем, что сегодня ряд зарубежных авторов описывают современную исламскую миграцию в Европу, как процесс колонизации. Таким образом, казалось бы устаревший концепт, описывавший, с нашей точки зрения, сугубо исторические явления, постепенно возвращает к себе и чисто практический интерес.

В New Oxford American Dictionary мы не находим понятия «колонизация», но видим производный глагол: «колонизировать» (страну или ее жителей) — посылать группу поселенцев (на какую-либо территорию), чтобы установить политический контроль над ней; поселиться среди аборигенов (какой-либо территории) и установить политический контроль (над аборигенами и этой территорией); присваивать (земли или владения) для собственных нужд (дано в переводе на русский язык) ².

В авторитетном The Dictionary of Human Geography объяснение термина «колонизация» находится в статье о «колониализме»: «Установление и поддержание верховенства в течение длительного периода времени суверенной власти над подчиненными людьми другого гражданства, которые не допускаются к государственному управлению. Колониализм ассоциируется с колонизацией, которая включает в себя физическое переселение людей (т.е. поселенцев) от имперского центра к колониальной периферии (например, древние греческие колонии и британские поселенцы в Кении). Характерные черты колониальной ситуации включают в себя политическое и правовое господство над обществом колонии, отношения экономической и политической зависимости и эксплуатации между имперской властью и колонией, а также расовое и культурное неравенство» ³.

Для сравнения дадим определение известного российского демографа Л.Л. Рыбаковского: «Колонизация — исторически определенный процесс заселения и освоения малозаселенных и слаборазвитых окраинных земель» ⁴. В «Демографическом понятийном словаре» дана более расширенная трактовка: «Колонизация — элемент государственной политики, осуществляемый с привлечением разнообразных материальных ресурсов и имеющий целью заселение и освоение слаборазвитых и малонаселенных окраинных земель своей страны, а также — создание поселенческих и производственных структур за ее пределами, находящихся часто в других частях света» ⁵:

В двух последних определениях совершенно отсутствует вопрос эксплуатации и экзистенциального конфликта между поселенцами и местным аборигенным населением. И действительно, на российской почве, как справедливо отмечает Рыбаковский, «История колонизации соседних территорий Россией не знает подобных примеров, несмотря на разнообразие присоединения к ней разных местностей» ⁶.

Рыбаковский особо настаивает на том, что в определении колонизации необходимо учитывать социально-исторические условия, в которых она проводилась. Иначе «колонизация — это и переселение народов в античном мире, и передвижение народов в Киевской Руси, и колонизация восточных районов во второй половине XIX в., и, наконец, заселение новых территорий в советские годы. Но эти процессы коренным образом отличаются»⁷. Однако, на наш взгляд, продуктивнее давать определение более широкое, но с четкими границами.

В целом такой же точки зрения придерживаются авторы известного издания *Colonization of Unfamiliar Landscapes*. Колонизация здесь рассматривается как исторически широкое явление, свойственное человечеству со времен первоначального расселения по планете до современности. Соответственно, и позиция авторов по отношению к этому процессу совершенно нейтральна, впрочем, как и должно быть в науке. Однако в обширной теоретической части данного издания места определению термина «колонизация» также не нашлось. Авторы указывают, что в основном исследования в этой области сконцентрированы на рассмотрении двух аспектов: мотивации (психологической, социальной, экономической) к колонизации и способам (паттернам) ее осуществления⁸.

Попробуем разобраться. Само слово произошло от латинского глагола *colo* (*coluī, cultum, ere*), имеющего следующие значения: 1) обрабатывать, возделывать; 2) разводить, взращивать; 3) обитать, жить, населять; 4) иметь попечение, заботиться, окружать вниманием; 5) усердно заниматься, деятельно осуществлять, насаждать или изучать; 6) украшать; 7) почитать, чтить, оказывать внимание; 8) обходиться, обращаться, поступать (с кем-либо). То есть слово относилось не только к сельскому хозяйству, крестьянству (колонам), но и имело социальный оттенок господства-подчинения. Производные: *colōnia* — 1) земельная собственность, сельскохозяйственный участок; 2) выселки, поселение (граждан какого-л. государства) на чужой территории, основанной переселенцами (*colonos deducere in colonias*), город, колония, *coloniā collocare, deducere, constituere (condere, ponere)* — основать колонию; 3) выходцы, переселенцы, колонисты, *coloniā mittere in locum aliquem (aliquo)* — отправить куда-л. переселенцев; *colōnus* — 1) земледelec, крестьянин, крестьянин-арендатор; 2) житель колонии, переселенец, колонист⁹.

Чтобы точнее охарактеризовать этот термин, прежде всего, надо отличать «колонизацию» от «колониализма». Последнее является проявлением политики относительно колонии и всегда характеризуется эксплуатацией. Последствием процесса колонизации может быть установление колониализма, но для этого должны существовать определенные условия, как в метрополии, так и в колонии. Не вдаваясь в подробности, можно сказать, что в данном случае захваченная территория (будущая колония), как минимум, должна быть широко заселена, а аборигены — иметь или производить ликвидный для метрополии товар. При этом во властные структуры колонии инкорпорируются представители метрополии, которые и осуществляют реальную власть.

Колонизация же — нечто совсем иное. Например, у нас не возникает сомнения, что, строя планы освоения Марса (или другой планеты), пустыни или дна океана, мы можем говорить об этом как о колонизации, но

ни как о колониализме, потому что отсутствует эксплуатируемый. Вообще колонизация в качестве объекта предполагает terra nullius (пустую, ничейную землю), однако в условиях нашей планеты это практически недостижимый идеал. Колонистам в любом случае приходится контактировать с аборигенным населением. Но если они сосуществуют в параллельных экологических и экономических нишах, а соотношение численности аборигенов и колонистов в пользу последних, то о колониализме здесь говорить неуместно.

Кроме того, термин «колонизация» имеет выраженную пространственную характеристику. То есть, при анализе, например, «миграции» достаточно рассматривать движение населения в конкретное время в конкретном регионе; при анализе же «колонизации» нельзя обойтись без включения в исследование данных о распределении населения по ареалу, в конкретных ландшафтах, а также учитывать состояние коммуникации между местами исхода и прибытия. Причем стоит отметить, что «колонизация» не соотносится напрямую с термином «заселение», предполагающим, по сути, наполнение новой территории новыми жителями — мигрантами и их потомками. «Освоение» также лишь отчасти описывает «колонизацию», концентрируясь на процессе изменения новых ландшафтов под требования и вкусы поселенцев. «Освоение» предполагает активное воздействие человека на природу, при этом остается нераскрытой тема адаптации переселенцев к новым ландшафтам, то есть воздействия новых социальных и географических условий на изменение поведения и самоидентификации человека. И в этом отношении термин «колонизация» шире, чем «освоение».

Наконец, «колонизация» невозможна без проявления долговременной целенаправленной политической воли. Такую волю может проявлять государство (полис, империя), но также в качестве политического субъекта колонизации (бенефициара) может выступать и поддерживаемый государством бизнес (например, коммерческие предприятия — Ост-Индская и Вест-Индская компании, Русско-Американская компания и др., отдельные магнаты-инвесторы ¹⁰) и религиозные общины ¹¹. При этом колонизация — процесс массовый и поэтому достаточно открытый для того, чтобы бенефициар оставался известным. Впрочем, и колонизацию с «серым» бенефициаром вполне можно себе представить.

Если мы имеем дело с колонизацией, то переселение, ее сопровождающее, является в значительной степени добровольным. Это означает, что, как минимум, колонисты свободны в выборе конечной точки своего поселения. Превратиться в колонистов могут ссыльные, но именно в тот момент, когда у них появится возможность выбора легальной сферы деятельности, а также поселения в наиболее привлекательном для них месте даже в пределах ограниченной территории. Конечно, в различных условиях можно наблюдать различные степени свободы колонистов, но, как правило, ее уровень на периферии повышается. Это просто целесообразнее экономически. Хотя все зависит от цели колонизации.

Этими целями могут быть: 1) снижение социально-экономической напряженности в метрополии; 2) расширение и укрепление окраин империи; 3) получение экономической выгоды; 4) все вышеперечисленные пункты либо их комбинации. Соответственно, для колониста цель — кар-

динальное улучшение условий для жизни и воспроизводства. Степень этого улучшения может варьироваться от естественной попытки избежать смерти из-за стихийных природных бедствий, голода или геноцида до стремления повысить свой материальный, социальный или политический статус. Однако нельзя называть колонизацией неконтролируемый поток беженцев на уже заселенные земли и при отсутствии видимого бенефициара. Следует особо подчеркнуть это положение, так как в последнее время получает развитие точка зрения на поток мигрантов из Африки и Ближнего Востока в Европу как на колонизацию. Несмотря на то, что данный подход в современной науке носит явно маргинальный характер, все же он, возможно, имеет свои перспективы. Здесь опять же важно определиться с терминологией, а также четко представлять, что собой представляет беженец (в демографическом и социальном плане), и какую степень риска он пытается нивелировать с помощью бегства с родины. Является ли причиной признания статуса беженца война, или природный катаклизм, а, может быть, — просто низкая продолжительность жизни на его родине? Чем отличается он от колониста? А от колонизатора?

Впрочем, рамки данного исследования гораздо уже. Из соображений, высказанных выше, можно выдвинуть предположение, что колонизация — это длительный по времени и поддержанный политически процесс массового, относительно добровольного переселения людей на территории, малозаселенные и неосвоенные с точки зрения господствующей в метрополии экономической парадигмы, а также освоение этой территории с приобретением колонистами собственной локально ориентированной идентичности.

Колониализм — это политика извлечения материальной или статусной прибыли из окраинных территорий путем эксплуатации местного населения и ресурсов.

Говорить, что эти два понятия ассоциируются друг с другом, не корректно. Они в значительной степени являются двумя различными методами использования окраинных земель. При этом возможно их совместное протекание на одной территории или смена одного другим.

Кроме того, нужно отметить, что эти два исторических феномена имеют различные экономические основания. Так, подавляющую часть человеческой истории колонизация носила сельскохозяйственный характер, была переселением «крестьян». И только в XX в. можно говорить и о появлении промышленных колонизаций. Впрочем, разновидностью такой колонизации является, например, «золотая лихорадка», имеющая гораздо более ранние исторические примеры. Колониализм же опирается на торговые фактории, поддержанные бюрократическим и военным аппаратом метрополии.

Этапы колонизации. Рыбаковский считает, что многочисленные исторические примеры переселений, начиная с античных времен, «коренным образом отличаются, ибо они совершаются в различных социально-исторических условиях». С этим трудно не согласиться, но простая констатация того, что колонизация — это явление, свойственное только эпохе капитализма (или империализма — в трактовке В.И. Ленина ¹²), малопродуктивна в научном плане. Изучая только один локальный случай, мы будем искать объяснения любым отклонениям только локальными же при-

чинами, пускай даже национального уровня. Важнее сравнить подобные процессы из разных эпох или регионов и в нахождении общего и различий понять суть этого явления.

Сравним два процесса, проходивших параллельно во времени и близко географически, — российскую колонизацию Южно-Уссурийского края и японскую колонизацию Хоккайдо во второй половине XIX — начале XX века. Оба этих процесса проводились по инициативе, под контролем и при мощной финансовой поддержке государства. На первоначальном этапе наблюдалось обязательное присутствие на новых землях колонистов со смешанным полувоенно-полусельскохозяйственным статусом: казаков в Южно-Уссурийском крае, экс-самураев и тонденхэй на Хоккайдо. Поселенцам предоставлялись субсидии, освобождение от налогов и некоторых повинностей, различные права собственности на землю.

На Хоккайдо государство участвовало в акционерных обществах, занимавшихся бизнесом на новых землях, приветствовалось привлечение крупного бизнеса к развитию и промышленности, и сельского хозяйства¹³. В Южно-Уссурийском крае, скорее, поощрялся местный локальный бизнес, и власть с недоверием относилась к развитию здесь крупного бизнеса общероссийского масштаба, особенно в области сельскохозяйственного производства.

Историки этих колонизаций пытались сформулировать их этапы. Так, например, относительно Южно-Уссурийского были выработаны следующие периодизации¹⁴:

1) основанная на принятии законодательных актов и правительственных распоряжений с соответственным делением на хронологические периоды и категории переселявшихся крестьян (старожилы и новоселы);

2) деление переселенческого движения по способам передвижения на три вида: сухопутное (1858—1882), морское (1883—1901) и железнодорожное (1901—1917);

3) деление переселенческого движения на два основных периода: до революции 1905 г. и после;

4) переселение крестьян согласно экономическим циклам развития России.

Подобная ситуация сложилась и в историографии освоения Хоккайдо. Традиционно это — периодизация по правившим императорам¹⁵, либо по изменению системы администрирования острова¹⁶, либо — по изменению способов стимуляции миграции¹⁷. Это — также периодизации, базирующиеся на причинах национального уровня.

Мы сконцентрировали свое внимание на двух характеристиках колониального процесса — числе мигрантов, а также на количестве и пространственном распространении новых поселений, а затем сравнили их.

Результаты оказались, во многом, неожиданными: все-таки процессы проходили независимо друг от друга, и организаторы этих мероприятий практически не интересовались опытом друг друга. Пересечение процессов закономерно произошло лишь во время русско-японской войны 1904—1905 годов. Кроме того, весьма существенна цивилизационная дистанция между двумя странами. Однако полученные результаты заставляют задуматься о существовании неких общих естественных правил во время проведения колонизации, зависящих скорее не от конкретных национальных

особенностей, а от экономической стратегии различных по времени когорт мигрантов.

Конкретные результаты говорят о следующем ¹⁸:

1. Процесс освоения Хоккайдо (основание новых поселений) проходил примерно в два раза быстрее, чем в случае Южно-Уссурийского края, что связано, в первую очередь, с принципиальной разницей между расстояниями выхода и входа переселения.

2. График основания новых поселений на Хоккайдо с 1871 по 1897 г. (26 лет) по форме практически совпадает с графиком, описывающим тот же показатель в Южно-Уссурийском крае, — с 1858 по 1907 г. (49 лет). Показатели трех лет из данных исследований, когда переселение в Южно-Уссурийский край было запрещено в связи с войной (1904—1906 гг.), были удалены. Результаты показали чрезвычайно высокие значения корреляции ($R^2 = 0,831$). Конечно, трудно предположить, что один из процессов напрямую влиял на другой, однако можно говорить о существовании неких общих правил или условий колонизации (колонизационного поведения).

3. Подтверждает эту мысль и высокая корреляция ($R^2 = 0,726$) между изменением численности поселенцев по годам заселения на Хоккайдо и в Южно-Уссурийском крае.

4. Кривые численности мигрантов имеют большую зависимость от внешних событий (природных и социальных возмущений, правительственных и транспортных решений), чем кривые появления новых поселений.

Что следует из полученных результатов? Во-первых, периодизации процесса колонизации, учитывающие только местную национальную специфику, должны быть пересмотрены. Во-вторых, можно сделать предположение о существовании универсального «закона» колонизации, базирующегося, например, на психологии переселенца вне зависимости от его национальной принадлежности. Возможно, дихотомия «захват — освоение» является наиболее естественным способом колонизации, поэтому получилось практически совпадение кривых.

Мы исходим из того, что в разные периоды в процесс колонизации могли привлекаться разные переселенцы — из различных мест, с разным социальным и экономическим статусом, и, наконец, имевшие разные хозяйственные стратегии. Даже если предположить, что в течение всего периода в колонизируемый район прибывал один и тот же контингент переселенцев, то и в этом случае не стоило бы ожидать, что распределение их по территории будет соответствовать их количеству. Где бы то ни было: в Америке, Сибири, на Хоккайдо, в Южно-Уссурийском крае — везде новосел стоял перед непростым выбором: какое место занять для поселения? Новое, потенциально более выгодное, но более рискованное с точки зрения хозяйствования и требующее больших усилий на освоение, или уже обжитое, «приселившиеся» к другим, что, разумеется, безопаснее, менее трудоемко, но и сулит меньше выгод в будущем? Уже просто поставив этот вопрос, можно ожидать, что первый путь в меньшей степени будут выбирать слабосильные хозяева, с большим количеством женщин и детей в семье и, если их движущим мотивом к переселению было простое желание не умереть с голоду на родине. И наоборот: крепкие семейства, с деньгами, с взрослыми сыновьями и желанием еще больше укрепить свое положение могут рискнуть на освоение целины.

Однако не стоит забывать, что и уже основанные селения способны иметь потенциал для успеха новоселов. И только когда этот потенциал будет исчерпан, крепкие хозяева начнут основывать новые поселения¹⁹. На этих основаниях можно предложить некую общую периодизацию подобного процесса.

В первую очередь, любая колонизация, как процесс, может быть разбита на множество этапов попеременной смены «захвата» территории (по преимуществу географический фактор) и ее «освоения» (по преимуществу демографический и экономический факторы). Причем по мере развития и интенсификации данного процесса временной промежуток между этими этапами уменьшается, постепенно их становится все труднее отделять друг от друга.

Кроме того, периодизация должна учитывать стратегию адаптации переселенцев, тесно связанную с их социальным положением, а также с уровнем освоенности местности, на которую они прибыли. То есть с их возможностью выбора либо потенциально более перспективных, но и более рискованных и более трудоемких целинных земель («апойкия»²⁰, выселки), либо менее рискованное, но и менее перспективное оседание внутри уже существующих крестьянских сообществ (приселение, квартиранство). По мере освоения территории первая стратегия становится все более рискованной из-за уменьшения количества удобных земель и возможностей для экономического маневра. Вторая при этом усиливается из-за повышения транспортной доступности уже достаточно освоенных территорий при сохраняющемся шансе для новых переселенцев улучшить свое экономическое положение, что привлекает к колонизации массу слабосильных хозяйств. Впрочем, через некоторое время потенциал приселения также исчерпывается, переселенцы не могут закрепиться на новых землях и возвращаются на родину. Фаза экстенсивной колонизации заканчивается.

Таким образом, общая периодизация колонизации будет выглядеть следующим образом.

I. Экстенсивная колонизация

1. Захват и освоение лучших ландшафтов незначительным числом колонистов (мало колонистов — много основанных поселений)

2. Расширение захваченной территории и ее освоение массово прибывающими колонистами (много колонистов — много основанных поселений)

3. Приселение к уже существующим сообществам и/или освоение территорий с более сложным для хозяйственной жизни ландшафтом (много колонистов — мало основанных поселений). Исчерпание возможностей для колонизации.

Уже на третьем этапе в случае успешной колонизации начинается поиск новых источников освоения территории (модернизация колонизации, ее интенсификация).

Новый виток процесса может начаться с реколонизации, например, при внедрении новых сельскохозяйственных машин и культур. Однако этот новый виток колонизации имеет такие же по смыслу этапы, но с более короткими периодами:

II. «Интенсивная» колонизация

1. Реколонизация и освоение технически доступных территорий незначительным числом колонистов

2. Расширение реколонизированной территории и ее освоение массово прибывающими колонистами

3. Приселение к уже существующим сообществам и/или освоение территорий с более сложным для хозяйственной жизни ландшафтом. Истощение возможностей для колонизации

Если и этот виток оказался успешным, начинается поиск новых источников освоения ландшафтов. И так далее.

Такое понимание колонизации не предполагает наличия конкретных исторических границ между этапами. Да, в значительной степени в естественный процесс колонизации часто вмешиваются политические интересы, и наступает нарушение плавного течения событий. Но это происходит не всегда при смене этапов, а сам процесс обладает большой инерционностью. И это видно на практике.

Этот процесс может быть длительным и даже бесконечным, ведь мы постоянно что-то меняем вокруг себя с целью сделать пространство более эффективным и удобным. В этом смысле источниками новой «реколонизации» могут быть не только технические нововведения, но и, например, новые психологические или ментальные установки.

Колонизационные когорты. Каждому этапу колонизации соответствуют определенные когорты переселенцев, весьма отличающиеся по количеству, экономическому положению и стратегии, гендерному балансу, целям и т.д. Их можно разделить на «волны». При этом необходимо сделать несколько замечаний.

Во-первых, предложенная группировка по большей части базируется на двух вышеозначенных примерах — Южно-Уссурийский край и Хоккайдо в период активной колонизации XIX—XX веков. Поэтому в других случаях можно ожидать других исторически сложившихся наименований переселенцев.

Во-вторых, как и этапы колонизации не имеют четких границ, так и когорты переселенцев, описание которых приводится ниже, не являются «чистыми». Можно говорить только о преимущественном характере того или иного типа на каждом этапе.

Первая волна. «Пионеры». Соответствует первому этапу колонизации. Когорта очень немногочисленна и имеет ярко выраженный гендерный дисбаланс (мужская колонизация). В составе этой волны можно обнаружить следующие группы:

— полувоенные организации (казаки, экс-самураи и тонденхэй на Хоккайдо, китайские пограничные караулы и военные поселения в Маньчжурии);

— промысловики (трапперы);

— преступники и бывшие преступники;

— религиозные группы (пуритане, старообрядцы, молокане и мн. др.)²¹;

— поддержанные бенефициаром крестьянские общины (или семьи);

— просто «искатели приключений» — энергичные люди, неудовлетворенные потенциалом своих перспектив и существующим в обществе уровнем социальной мобильности.

Решение о переселении может носить спонтанный характер, быть вынужденным или случайным. В значительной мере это способствует высокой смертности в данной когорте до появления следующей²².

Характерные черты представителей данной когорты: предприимчивость, неприхотливость, независимость, склонность к риску, хищническое отношение к аборигенному населению и окружающей среде, часто (если противоположное не регламентируется специфическими религиозными установками) конфликтность и агрессивность; особую значимость приобретает самоидентификация по религиозным и национальным признакам, причем они приобретают максимально широкую трактовку. Например, в Южно-Уссурийском крае — не православные, католики, лютеране, а «христиане»; не великороссы, малороссы, поляки, немцы, финны, молдаване, белорусы, а просто «русские», как во многих переписях того времени там же.

Группа в новом ландшафте расселяется дисперсно, чтобы минимизировать конфликты друг с другом. С другой стороны, такое расселение всячески поддерживается властями, так как позволяет использовать крайне ограниченный человеческий резерв максимально продуктивно, учитывая первоначальную цель государства в этом вопросе — захватить («застолбить») территорию²³. Поэтому поселений мало, но они раскинуты по большой площади. Первопоселенцы занимают наиболее продуктивные, как подсказывает им имеющийся опыт, ландшафты. Впрочем, этот опыт часто в новых условиях не работает, и люди могут несколько раз менять место основного поселения²⁴.

Переселение на первом этапе чрезвычайно рискованно, но возможность быстрого обогащения реально существует. Зачастую присутствие «пионеров» на новой территории носит сезонный характер (как, например, на Хоккайдо). Знания о территории постепенно накапливаются, системы коммуникации развиваются. Этот этап наиболее продолжителен и в ряде случаев не переходит в другие фазы. Он инертен и уязвим: его очень трудно ускорить и очень легко вообще прервать. Поселенцы из этой когорты подвергаются максимальному риску не реализовать свои первоначальные ожидания от переселения и просто лишиться жизни.

Вторая волна. «Экономические переселенцы». Эта волна соответствует второму этапу колонизации, которая приобретает массовый характер. Переселяющиеся семьи имеют средний достаток и гендерно сбалансированы. В основном это крестьянские общины, фермеры. Решение о переселении является обдуманым и окончательным шагом, основанным не только на слухах, но уже и на авторитетной для потенциального переселенца информации. Часто это переселение не одномоментное, а носит пошаговый характер: семья сначала отправляет группу, в которой преобладают мужчины, затем прибывают остальные.

Государство поддерживает эту волну и не заинтересовано в возвращении переселенцев на родину. Поэтому стимулируется переезд из наиболее отдаленных в транспортном отношении районов (из Малороссии в Южно-Уссурийский край гораздо больше, чем из Сибири; из районов Чюгоку, Чюбу и Кюсю в Японии больше, чем из Тохоку, который непосредственно примыкает к Хоккайдо; в Китае правительство анонсирует программы по переселению в Маньчжурию в первую очередь для крестьян Южного Китая)²⁵.

Эта волна становится наиболее успешной: риски снижены, возможности быстро организовать высоко прибыльное хозяйство максимальны. Представитель этой группы предприимчив, но расчетлив. Хозяйства ориентированы на многочисленные виды деятельности, и зачастую трудно выделить основную.

Третья волна. «Беженцы». Эта волна наиболее многочисленна по числу переселенцев и практически неизбежно следует за второй. Средства коммуникации уже отлажены, однако лучшие ландшафты оказываются занятыми. Остается возможность либо разрабатывать неудобные земли, либо на худших условиях присоединяться к старым поселениям. На этом этапе возникают неизбежные конфликты между старожилами и новоселами. Новые поселения образуются редко. Прибывающие семьи бедные и большие. Зачастую цель такого переселения — простое выживание: люди спасаются от голода и социальных потрясений на родине.

Если система коммуникаций и государство позволяют им вернуться на родину, то ежегодный отток неудавшихся поселенцев может превзойти приток. Но такие семьи на родину возвращаются нищими. Соответственно, уровень социального протеста неизбежно повышается уже в метрополии.

Тем временем на колонизируемой территории постепенно наступает миграционное равновесие: количество населения и появление новых поселений начинают зависеть по преимуществу от естественного прироста и изменяются с низкой интенсивностью. Через какое-то время, если появятся новые возможности для интенсификации освоения тех же самых ландшафтов, — новые машины и технологии, культуры, полезные ископаемые, — можно ожидать последовательного повторения всех предыдущих миграционных волн, но уже на новом уровне.

Что данный подход дает в понимании процесса колонизации (и — более широко — миграции)? Именно — в понимании, так как он не поможет в определении четких временных границ между периодами. Так в случае Южно-Уссурийского края на процесс колонизации безусловно оказывало влияние и развитие транспортной системы, и регулирование законодательной базы, что позволяло государству в какой-то мере контролировать миграционный поток, и состояние национальной экономики, как раз в это время переживавшей драматические трансформации. Предложенный подход позволяет «объединить» эти (и многие другие) факторы через их влияние на специфичного индивидуума — человека, решившегося на переселение. То есть совокупность факторов (стимулирующих или тормозящих колонизацию, целенаправленных или случайных) формирует потребность в конкретной когорте переселенцев, особой на каждом этапе этого процесса.

С этой точки зрения становится понятным, что, например, критика властей по поводу слишком долгого освоения территорий на первоначальном этапе колонизации, которая была очень громкой и в случае Южно-Уссурийского края, и Хоккайдо, по сути, была незаслуженной. Попытка использовать в качестве «колонизационного элемента» финнов в первом случае, как и ставка на привлечение богатых переселенцев на Хоккайдо на начальном этапе колонизации оказались просто преждевременными, обернувшись излишними тратами. Предложенная периодизация позволяет также понимать сущность конфликтов между разными когортами переселенцев, а также между переселенцами и местными жителями, что даст шанс адекватно

разрешать эти проблемы и, в конечном итоге, способствовать адаптации мигрантов на новом месте.

По-видимому, исторические колонизации имеют одни и те же этапы, могут меняться лишь специализации групп переселенцев. Политика проведения колонизации способна либо ускорить, либо затормозить ее, но не может просто отменить какой-либо этап, перейдя сразу на следующий. С другой стороны, понимая сущность и движущие силы каждого этапа колонизации, возможно разработать эффективные способы ее предотвращения. То есть предложенная периодизация является не просто описанием исторической ситуации *post factum*, а может использоваться и в чисто практическом ключе.

Заключение. Вопрос колонизации, на первый взгляд, сегодня кажется не столь актуальным. Действительно, этот термин связывается в нашем сознании с историческими процессами, отстоящими от нас как минимум на сто лет. По словам Х. Маккиндера, произнесенным им еще в 1904 г., мы оказались в «послеколумбовой эпохе», когда уже «едва ли найдется место, где можно за столбить участок земли». Не осталось пустующих земель, требующих колонизации. Однако это лишь на первый взгляд. Этот термин настолько объемён, что без него трудно обойтись для описания многих современных процессов, а также того, что может произойти уже завтра. Да, современный мир имеет весьма ограниченные условия для сельскохозяйственной колонизации, хотя и ее потенциал еще далеко не исчерпан, более того, глобальные климатические изменения и рост населения актуализируют этот вопрос уже сейчас. Но наибольшие перспективы имеет «производственная колонизация» и реколонизация. На самом деле этот процесс практически неизбежен.

Также особое значение сегодня приобретает вопрос понимания существенных различий между колонизацией и колониализмом. Слабо контролируемый процесс миграции из стран Ближнего Востока и Африки в Европу трудно интерпретировать как колонизацию в нашем понимании этого термина: переселение идет не на пустующие земли, а, наоборот, — на сильно заселенные, в города; пока не виден бенефициар и вообще не наблюдается серьезной экономической причины для организации такого предприятия; попытки изменить самоидентификацию по новой родине носят единичный характер; производственные (трудовые) перспективы мигрантов не просто неопределенные, а вообще не имеют для них реального значения и т.д. Однако в данном случае нельзя исключать проявления колониализма. Конечно, современного и, в значительной мере, идеологического и имеющего много общего в технологии распространения с Арабским Халифатом VII—IX веков. На наш взгляд, весьма реальный сценарий естественного и ненасильственного развития ситуации показал Мишель Уэльбек в романе «Покорность». Но в любом случае, неопределенность термина «колонизация» и его прямое ассоциирование с колониализмом чрезвычайно запутывает понимание не только процессов, отдаленных от нас столетиями, но и современной ситуации. Кроме того, мы попытались представить колонизацию как процесс, задействующий естественные механизмы и подчиняющийся универсальным законам, где и когда бы она не проводилась.

И, конечно, предложенное определение и связанная с ним периодизация носят дискуссионный характер. Человечество имеет огромный коло-

низационный опыт, а научная фантастика пролонгирует этот опыт в будущее. Мы попытались выделить общие черты данного процесса, но он очень гибок, и каждый отдельный случай специфичен. Поэтому мы сознательно не стали определять те или иные процессы как колонизация или колониализм, оставляя право каждому самому составить собственное представление, используя предложенное понимание термина и вообще практическую возможность его применения. Мы предлагаем посмотреть с этой точки зрения на такие, например, явления, как дорийское вторжение, исход евреев из Египта, древнегреческая колонизация, завоевания Александра Македонского, Римская империя, Великое переселение народов в IV—VII вв., Арабский халифат VII—IX вв., монгольские завоевания XIII в., испанская колонизация Америки, образование США, Британская и Российская империи, «холодная война» и др.

Мы надеемся, что предложенный подход позволит несколько иначе посмотреть на эти и многие другие значимые исторические процессы и выработать наиболее приемлемые решения для их осуществления в будущем.

Разумеется, данный подход является дискуссионным, и мы будем рады, если он послужит дополнительным источником широкого обсуждения такого важного современного явления как глобальные переселения. В том числе и на страницах этого журнала.

Особую признательность автор выражает профессору Хорие Норико из университета Тояма (Япония), в дискуссиях с которым было сформировано общее понимание терминологических особенностей предмета данного исследования и его значимость.

Примечания

Статья выполнена при поддержке РФФИ (проект № 18—009—00393)

1. КЛЮЧЕВСКИЙ В. О. Сочинения в 9 томах. Т. 1. М. 1987, с. 49.
2. New Oxford American Dictionary. Oxford University Press. 2005.
3. The Dictionary of Human Geography. MA. USA. 2000.
4. РЫБАКОВСКИЙ Л. Л. Миграция населения. Вып. 5: Стадии миграционного процесса. (Приложение к журналу «Миграция в России».) М. 2001, с. 128—140. <http://rybakovsky.ru/migracia2p.html>
5. Демографический понятийный словарь. М. 2003.
6. Там же.
7. Там же.
8. Colonization of Unfamiliar Landscapes. The Archaeology of Adaptation. London. 2003, p. 8—9.
9. ДВОРЕЦКИЙ И. Х. Латинско-русский словарь. М. 2005.
10. Как, например, Католические короли или купцы Строгановы
11. В данном контексте, прежде всего, вспоминаются крестовые походы, организованные римскими папами. Однако вопрос здесь гораздо сложнее. В некотором смысле колонизацией можно считать и прозелитизм, то есть не физическое переселение людей на новые территории, а перенесение туда некоторых идей. Для организации, осуществляющей такую «колонизацию», это гораздо более эффективный и менее затратный метод. Это относится не только к религиозным концепциям, но и к идеологиям вообще. И здесь также возможен «идеологический колониализм».
12. ЛЕНИН В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Полное собрание сочинений. Т. 22. М. 1969, с. 173—290.
13. Хоккайдо: история и современность. Владивосток. 1992, с. 38—39.

14. ОСИПОВ Ю.Н., ТЮТЮННИКОВ В.Т. О периодизации переселения крестьян на Дальний Восток России (1855—1917 гг.): историография вопроса. — Вестник ДальГАУ. 2007, № 4, с. 98—104.
15. См., напр.: Meiji Taisho Zushi 5 Hokkaido (Periods of Meiji and Taisho in graphics, Part 5. Hokkaido). Chikuma Shobo. Tokyo, 1978.
16. См., напр.: SEKI H., KUWABARA M. et al. Hokkaido no Rekishi (History of Hokkaido). Sapporo. 2006.
17. См., напр.: HIRAI S. Kindai Hokkaidō no Kaihatsu to Imin no Sōshutsu Kōzō (The method of development and resettlement to Hokkaido in modern times). — Sapporo Daigaku Keizai Gakubu Fuzoku Chiiki Keizai Kenkyūjo Booklet. № 6. 2006.
18. Более подробно об этом см.: ТКАЧЕВ С., ТКАЧЕВА Н., RIAZANTSEV S. The Beginning Stage of the Japanese Colonization of Hokkaido (1869—1919). — Mediterranean Journal of Social Sciences, vol. 6, № 6, s. 3. November 2015, p. 269—281.
19. Данное явление в значительной степени мы находим в Южно-Уссурийском крае. Например, история селения Гродеково Ивановской волости, Никольск-Уссурийского уезда, основанного в 1898 году. «Первые жители селения были старожилы края, хорошо знакомые со всеми условиями, и с первых годов особенно не бедствовали. За время существования селения не было затопления ни покосов, ни посевов». (МЕНЬЩИКОВ А. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области. Старожилы стодесятинники. Т. 4. Переселенческое управление Главного управления землеустройства и землеустройства. Саратов, 1911, с. 357). Стоит отметить, что именно наводнения были самой большой проблемой колонизации края.
20. «...полис, основанный за границей материнского полиса (метрополи), вдали от дома». The Oxford Classical Dictionary. 2012. <http://www.oxfordreference.com>.
21. Развитое учение порождает оппортунизм и, соответственно, появление групп, ратующих за чистоту веры, которую можно достичь только вдали от мирской суеты и соблазнов. Поэтому история имеет массу примеров участия этой группы в колонизациях.
22. Где зашевелилась жизнь, там сейчас же напоминает о себе и смерть. Тут новое, еще недостроенное селение, а недалеко от него, среди пустыря, деревянная ограда, внутри которой виднеются два или три деревянных креста. Это смерть начала свою жатву среди людей, едва только приступивших к посевам. Жатва смерти опередила первую жатву хлеба. ВОРОНОВ Ф. Хроника: К переселенцам. Из путевых заметок. — Вестник Европы. СПб. 1887, т. 3, с. 767.
23. Вот как описывается данная стратегия начальником переселенческого управления в Уссурийском крае в начальный период его колонизации Ф.Ф. Буссе: «Остается в силе другое из первоначальных предположений, а именно необходимость занять русскими поселениями возможно обширный район, чтобы устранить вредное влияние манз, возможно быстро и на возможно большей площади. Для достижения этой цели необходимо увеличивать число мест, заселенных русскими, хотя бы на первый раз и с незначительным населением, что можно достигнуть запрещением новоселам приселяться к уже существующим деревням, а при учреждении новых наблюдать, чтобы расстояние между ними было не меньше 10 верст и чтобы в каждой было не более 25 дворов». БУССЕ Ф.Ф. Переселение крестьян морем в Южно-Уссурийский край в 1883—1893 годах. СПб. 1896, с. 34—35.
24. Так, новоселы из Астраханской губернии в 1866 г. основали село Нижне-Романовское на левом берегу р. Усури, но место оказалось неудобным и болотистым, пашни заливались рекой. Крестьяне на следующий год перешли на новое место, но и здесь наводнение унесло урожай, поэтому они, чтобы не искушать судьбу, расселились по уже существующим деревням. Другой пример. Поселок Тарубаровский, основанный в 1867 г. недалеко от оз. Ханка пятью семьями из Амурской области (38 душ), «на следующую весну был упразднен, вследствие весьма характерной местной причины, именно зимою поселился в окрестности тигр и передушил много скота у новоселов; это соседство заставило их перейти в селение Троицкое». БУССЕ Ф.Ф. Ук. соч., с. 26.
25. БЕЛОГЛАЗОВ Г.П. Русская земледельческая культура в Маньчжурии (середина XVII — первая треть XX в. Владивосток. 2007, с. 40—41.

Дети боярские и дворяне Западной Сибири в XVII в.

В. Д. Пузанов

Аннотация. Первые дети боярские появились в гарнизонах городов Сибири уже в 80-х — 90-х гг. XVI века. В XVII в. дети боярские Сибири формировались из разных групп населения: присланных на службу из Москвы служилых людей, ссыльной шляхты из Польши, потомков этих пришлых русских и иноземцев, детей боярских из других городов, представителей ряда групп служилых людей — казаков, стрельцов, гулящих людей, крестьян и посадских людей. В 80-х — 90-х гг. XVII в. в Тобольске и других городах Сибири часть детей боярских была пожалована в дворяне.

Ключевые слова. дети боярские, дворяне, казаки, стрельцы, город, уезд.

Abstract. The first children of the boyars appeared in the garrisons of the cities of Siberia as early as the 80s — 90s. 16th century. In the 17th century the children of Boyar Siberia were formed from different groups: of military men sent to the service from Moscow, deportees from Poland, descendants of these newcomers, Russians and foreigners, boyar children from other cities, representatives of other service groups — kossacks, archers, people walking, peasants and townspeople of people. In the 80—90 years. 17th century in Tobolsk and other cities of Siberia, part of the boyars' children was granted to the nobles.

Key words: boyar children, nobles, cossacks, archers, city, county.

Дети боярские и позднее дворяне Сибири играли очень большую роль в административной, военной, социальной, экономической и культурной жизни восточного края. Они руководили строительством многих городов и острогов, командовали военными отрядами, сидели приказчиками в слободах, ездили в качестве посланников в соседние государства, где вели дипломатические переговоры. В городах Сибири они под началом присланных на несколько лет воевод руководили жизнью края, а иногда бывали и сами на воеводстве в сибирских уездах, часто превосходивших размером крупные европейские государства.

Вопрос о происхождении дворян и детей боярских Сибири интересовал русское общество уже в XVIII веке. В 1767 г. в Москве на заседании Уложенной комиссии, созванной Екатериной II, депутат от Енисейска Степан Самойлов отметил, что дворяне и дети боярские в Сибири появились в процессе присоединения восточного края к Русскому государству — «по

Пузанов Владимир Дмитриевич — доктор исторических наук, профессор Шадринского государственного университета. E-mail: alan1971@bk.ru.

Puzanov Vladimir D. — doctor of historical sciences, professor of the Shadrinsk State University. E-mail: alan1971@bk.ru.

завоевании Сибири... во всех городах этой страны узаконено было для всяких городских нужд быть дворянам детям боярским»¹. По мнению депутата, именно верховная власть создала эту социальную группу в Сибири, определила ее численность и положила для нее жалование.

Однако, по словам С. Самойлова, сибирские дворяне по своему социальному положению серьезно уступали своим российским собратьям — «сибирские дворяне не имея уравнивания с российскими дворянами в получаемом жаловании и не будучи удовлетворены землями, занимая при том места, которые обыкновенно поручаются штаб-офицерам, или, по крайней мере, обер-офицерам, находятся в совершенном упадке духа и терпят большое разорение». Самойлов предложил исправить подобное положение и «дать в вечное потомство подлинное и равное с здешним дворянство», заслуженных лиц наградить повышением в чины, предоставить им в Сибири поместья с «людьми».

Это мнение сибирских дворян было подвергнуто резкой критике знаменитым русским консервативом, представителем старой родовой знати князем М. М. Щербатовым, который выступил с замечанием о «так называемых сибирских дворянах и детях боярских». По словам Щербатова, войска, завоевавшие Сибирь, «по большей части» состояли из казаков, которые и основали первые русские поселения в Сибири. При этом князь довольно критически оценивал деятельность первых русских служилых людей — казаков — в Сибири, говоря: «... мы знаем, что эти казаки там учинили»². По мнению Щербатова, остальные поселения основали в Сибири группы населения, которые стояли еще ниже казаков по социальному положению в государстве, — ссыльные из России, купцы и беглые крестьяне. Щербатов, уже в то время увлекавшийся изучением прошлого России, а позднее ставший одним из крупнейших русских историков XVIII в., отмечал, что в источниках — разрядных книгах и грамотах — нет сведений о посылке в Сибирь дворян «для заведения там шляхетства».

В целом, Щербатов отметил, что он не знает, когда государи повели воеводам для службы жаловать казаков в дворяне, но сибирские дворяне — это совсем не то, что знатные роды Российской империи: «... понятие Сибирский дворянин не есть состояние, но чин, который и от отца к сыну не переходит». Так, по данным князя, чин жаловали и в других губерниях России, но «сходство названий не может быть обстоятельною причиною, чтобы быть присоединенным к правам и преимуществам» дворянского сословия. В итоге, по его мнению, сибирские дворяне представляли особую сословную группу — «они ни званием, ни делом не суть дворяне»³.

Один из офицеров Сибирского корпуса второй половины XVIII в., происходивший из местной русской элиты служилых людей Иван Андреев не случайно начал записки о своей жизни подробным экскурсом в историю сибирского дворянства: «... по времени взятия в 1585 г. Сибирского царства, и по распространении в оном российской власти, к совершенному покорению оставших еще непокоривых по Сибири народов от государей, царей и великих князей, как то довольно летописи и грамоты доказывают, командированы бывали из Российских городов на службы разные люди, и при оных командирами определяемы были из российских дворян молодых людей, которые по тогдашним временам назывались из детей бо-

ярских, смотря по количеству врученных им войск под именем сотников и пятидесятников...»⁴

По мнению И. Андреева, дворяне, попадая в Сибирь не только по назначению государства, но и в рядах «народной колонизации», позднее теряли свои сословные права — «...довольно из Великой России, ведая пространство и изобилование богатствами Сибирской страны, переходило по данной вольности разных поколений людей, в том числе и из числа российских дворян, кои и поселялись в разных местах Сибири, где оным выгоднее быть казалось, по чему оные привилегии дворянства своего растратили, так что, наблюдая свой покой, многие уклонились в хлебопашество и разные звериные промысла, а чрез то наложили на себя иго крестьянства, положився в подушный оклад, и в духовенство, и в разныя степени жизни, от чего многие по родам их жизни переменяли свои и фамилии, по чему потомки их о приобретении себе прежняго дворянства не старались, иль до сего не доходили, да и сведения ни какого не имели»⁵.

Главную роль среди конных служилых людей Тобольска играли дети боярские. Они обычно назначались в качестве командиров отрядов служилых людей для выполнения разных поручений администрации. Кроме того, часто воеводы Тобольска посылали отряды детей боярских в походы на юг Сибири. Первые дети боярские появились уже в первых гарнизонах городов Сибири в 80-е — 90-е гг. XVI века. В эпоху Смуты, особенно в ее последние годы, произошло значительное увеличение этой группы служилых людей Сибири. В восточный край были сосланы многие активные участники Смутного времени, иностранцы — поляки, литовцы, немцы — и русские люди, многие из которых были профессиональными военными, происходили из шляхты. В Тобольске и других городах Тобольского разряда — военно-административного округа с центром в Тобольске, которому до 1629 г. были подчинены все уезды Сибири, — в это время десятки ссыльных людей зачислялись в дети боярские, которым поручались командные должности в административной и военной службе в Сибири.

Как отмечал С.В. Бахрушин, «правительство Михаила Фёдоровича, благоразумно удаляя из центра государства бывших участников интервенции, охотно использовало их в далекой колонии, где их зачисляли в службу с денежным и хлебным жалованием»⁶. Так, в январе 1614 г. из Москвы в Тобольск по государеву указу был послан среди «изменников литовских людей» Павел Хмелевский с наказом заключить его в «крепкую тюрьму» с кормом на 2 деньги на день⁷. В августе 1614 г. в Тобольск был сослан «новокрещен» Савва Французанин, которого указом было приказано зачислить в службу с «литвой» Тобольска и следить за ним, чтобы не сбежал.

В июне 1621 г. в Тобольск были посланы литовские люди и поляки из полка Лисовского — Самсон Навацкий с женой, Ян Ржицкий, Остафей Михалевский, трубач Матьяш Хозинский и с ними 5 пахолков (слуг). По указу, их надо было верстать в Тобольске в службу и отправить на восток в Томский город, откуда никуда не отпускать⁸. За ними были отправлены в Тобольск литовцы и поляки Ян Павлоцкий и его племянник Якуб Кордацкий и Матьяш Высоковский также для отправки на службу в Томск. Однако воеводы Тобольска на 10 лет оставили ссыльных литовских людей в городе, поверстав в дети боярские по Тобольску под тем предлогом, что «в Томском городе и так в твоей государевой службе иноземцев много,

а Томский, государь, город стоит на степи, и орды, государь, сидячие и кочевные прилегли к Томскому городу блиско»⁹.

В Сибири сосланные в край поляки и литовцы быстро заняли особое положение среди служилых людей города. В Тобольске воеводы верстали их в состав элиты служилых людей — детей боярских, причем величина окладов ссыльной «литвы» показывала важную роль пленной шляхты даже среди начальных людей города. В списке детей боярских города Тобольска 1627/1628 г. были отмечены ссыльные Павел Хмелевский с высоким годовым окладом 20 руб., Ян Павлоцкий и Самсон Новацкий с окладом 18 руб., Савва Французанин, Остафей Михалевский, Пётр Сабанский, Павел Рыхлевский, Ян Ржицкий с окладом 17 руб., трубач Матьяш Хозинский с окладом 14 рублей. Лишь один Якуб Кордацкий получил оклад в 12 рублей¹⁰.

Только в августе 1631 г. Самсон Навацкий, Павел Рыхлевский, Ян Ржицкий, Остафей Михалевский, Пётр Сабанский и трубач Матьяш Хозинский прибыли из Тобольска в Томск, где были зачислены в состав детей боярских города¹¹. В списке 1627/1628 г. по Тобольску отмечен только один сын боярский — Данило Мартынов, оклад которого в 25 руб. превосходил содержание ссыльной литвы. Еще один старый представитель детей боярских Тобольска Богдан Аршинский имел высокий оклад 20 руб., как и П. Хмелевский. Все остальные тобольские дети боярские по окладам уступали представителям недавно сосланных шляхтичей. По данным окладной книги 1629/1630 г., оклад 25 руб. из детей боярских получал только Данило Мартынов, а оклад 20 руб. — Павел Хмелевский, Меньшой Ремезов и Богдан Аршинской. В целом, значительная часть детей боярских Тобольска в эпоху Михаила Фёдоровича версталась из ссыльных военнопленных. В 1630 г. Михаил Фёдорович указал, чтобы все ссыльные иноземцы Сибири, принявшие православие, верстались в дети боярские¹².

Кроме ссыльных иноземцев, в годы Смуты в Тобольск ссылали и русских детей боярских. В июле 1614 г. сюда, по государеву указу, были отправлены «на житье дети боярские стародубцы» Максим Трубчанин и Михаил Ушаков. По указу, их надо было зачислить в список детей боярских Тобольска, чтобы «быть на нашей службе в детях боярских» с окладом каждому в 10 руб. 9 чет. ржи, 1 чет. с осьминою круп, 1 чет. с осьминою толочна, 3 пуда соли». На новой службе, по указу, требовалось их беречь, «чтоб они с Тобольска никуда не сбежали»¹³.

В марте 1626 г. воевода Тюмени Иван Плещеев писал, что приказчики Ницынской слободы Борис Толбузин и Чубаровской слободы Дружина Полозов присланы из Тобольска — это «украинные дети боярские, которые сосланы в Сибирь в государевой опале». В России Толбузины — это известный дворянский род, служивший в «выборе» по Белой¹⁴.

В списке детей боярских города Тобольска 1627/1628 и 1629/1630 гг. были отмечены дети известного деятеля Смуты в Казанском крае, ссыльного дьяка Никанора Шульгина — Иван Шульгин с окладом 16 руб. и Яков Шульгин с окладом 15 руб., Борис Толбузин, Максим Егонской (возможно его прозвище и было Трубчанин), Михаил Ушаков с окладом 14 руб., Дружина Полозов с окладом 12 рублей¹⁵.

И позднее в города Сибири отправляли в ссылку детей боярских из России и верстали их в службу. В 1639 г., по государеву указу, из Москвы

на Тару был сослан высокопоставленный служилый человек — «жилец» Государева двора Пётр Пивов. Причиной ссылки стало «корчемное продажное питье». На Таре Пётр Пивов был зачислен в дети боярские, оклад ему был назначен 9 руб., 9 чет. ржи, 4 чети овса. Пётр Пивов умер на Таре около 1645 года ¹⁶.

В январе 1676 г. в Тобольск в ссылку из Москвы были привезены два брата, Тихон и Авраамий, — дети Дорофея Елчанинова, которые должны были служить в Тобольске в дворянах с высоким окладом по 20 руб. и 40 чет. хлеба. Однако служба этих дворян в Тобольске оказалась короткой. 3 марта 1676 г. пришла государева грамота, по которой их следовало отпустить назад в Москву. Государь пожаловал их, простив ¹⁷.

Кроме ссыльных людей в состав детей боярских Тобольска поступили и дети боярские Софийского архиерейского дома, прибывшие в Сибирь с первым архиепископом края Киприаном в 1621 году. В 1626 г. к царю Михаилу Фёдоровичу и патриарху Филарету обратились дети боярские Софийского архиерейского дома Козьма Ефремов, Василий Мудров, Кондратий Бавыкин, Иван Бавыкин, Спиридон Шелехов, которые сообщили, что были посланы в Сибирь с архиепископом Киприаном в 1621 году. На службе в Тобольске они «ставили дворы» и завели свое хозяйство. Дети боярские просили после отъезда Киприана из Сибири пожаловать их и велеть из Сибири отпустить в Москву. В июне 1626 г. Михаил Фёдорович разрешил детям боярским архиепископа Тобольска вернуться в столицу ¹⁸.

Однако в Россию возвратились далеко не все дети боярские Софийского дома, некоторые перешли на службу государству «по городу». В списке детей боярских города Тобольска 1627/1628 г. из них были отмечены в службе Кондратий Бовыкин, Иван Бовыкин с окладом 12 руб., и Спиридон Шелехов с окладом 8 рублей ¹⁹.

В 1627/1628 и 1629/1630 гг. в Тобольске служили в детях боярских Михаил Байкашин, Герасим Оболянинов, Василий Демьянов, Даниил Низовцов с окладом 15 руб., Михаил Можаров, Дмитрий Черкасов с окладом 14 руб., Василий Лутовников, Михаил Харламов (оклад 13 руб.), Иван Рукин (оклад 11 руб.), Фёдор Ергонской (оклад 10 руб.), Филипп Оболянинов, Иван Брянцов, Сергей Тырков, Владимир Клепиков с окладом 6 рублей. В списке детей боярских 1629/1630 г. отмечены Томила Петров с окладом 11 руб. с четью, представители известных служилых семей Тобольска Данило Аршинский, Гаврила Грозин с окладом в 11 руб., Иван Мокринской с окладом 10 руб., Дмитрий Мокринской с окладом 7 рублей. Ранее по списку 1627/1628 г. Иван Мокринский с тем же окладом служил в детях боярских в северном городе Березове, а затем был переведен в Тобольск ²⁰.

Дмитрий Черкасов с окладом 14 руб. — это, видимо, сын Черкаса Александрова, ездившего с посольством дружины Ермака в Москву, а позднее татарского головы Тобольска. Иван Брянцов — скорее всего, сын старого казака Никиты Брянцева ²¹. В списке города 1627/1628 г. также отмечены начальные люди — ротмистр литовский Бартош Станиславов с окладом 14 руб. с четвертью, голова конных казаков Гроза Иванов с окладом 17 руб., атаман новокрещенов Корнило Петров с окладом 14 руб. с четвертью, атаман пеших казаков Третьяк Юрлов с окладом 13 рублей ²². По обоснованной догадке Н.И. Никитина, атаман Иван Гроза — это го-

лова конных казаков Гроза Иванов, отмеченный в тобольских списках в 20-х — 30-х гг. XVII в., который умер в 1634/1635 году. Иван Гроза был одним из атаманов казаков Ермака, который «взял Сибирь», громил Кучума, а затем ставил Тобольск, Тару и Томск²³. В 1640 г. головой конных казаков стал сын Ивана — Гаврила Грозин, который служил в этом чине 17 лет. Род Грозиных и позднее играл важную роль в жизни Тобольска и в целом Сибири XVII века²⁴. В 1654 г. по приговору воеводы Тобольска князя Хилкова в дети боярские был зачислен сын Гаврилы Борис Грозин с окладом из выбылого оклада его отца 12 руб. денег, 10 чет. ржи, 10 чет. овса. Борис Грозин служил прапорщиком в полках «иноземного строя» Тобольска, участвовал в походах Полуехтова на восставших башкир, был ранен в руку. Позднее Грозин стал головой конных казаков Тобольска и участвовал в походе сибирских служилых людей городов Сибири на киргизов под командой Ивана Суворова в 1681 году. В 1689 г. Борису Грозину было 65 лет, у него имелся сын 20-и лет Никита, который еще не служил, а также два брата Василий и Иван, которые служили в детях боярских Тобольска. Василию Грозину в 1689 г. было 50 лет, он начал службу в рейтарах Тобольска, а в 1675 г. воевода Салтыков зачислил его в дети боярские²⁵.

Одним из первых детей боярских Тобольска стал Василий Тырков — представитель известного рода русских служилых людей. В 1628 г. в списке детей боярских города Тобольска отмечен Сергей Тырков, видимо, сын Василия, с небольшим окладом в 8 рублей²⁶.

Однако и в это время в Тобольск приезжали на службу в дети боярские не только ссыльные. В 1620 г. здесь оказались воеводы Матвей Иванович Годунов и кн. Иван Фёдорович Волконский, а с ними дьяк Иван Афанасьевич Шевырев. По данным сибирского летописного свода, приехал Михаил Осипов сын Байкашин, зять Ивана Шевырева — известного участника событий Смуты. Покровительство дьяка Ивана Шевырева позволило М. Байкашину занять видное положение среди детей боярских Тобольска. В списке 1628 г. Михаил Байкашин отмечен среди детей боярских Тобольска с довольно высоким окладом в 15 рублей. По данным летописи, он умер в Тобольске 27 июня 1645 года²⁷.

Для детей боярских из старых русских городов Сибирь казалась краем, где можно было не только разбогатеть, но и изменить свое положение в обществе. По данным Бахрушина, сын боярский Торопца Воин Шахов в 1626 г. бил челом царю отправить его в Тобольск и зачислить там в дети боярские «кому он в версту». В 1622 г. Воин Шахов был посажен в тюрьму Разбойным приказом за «татевное дело», в 1623 г. государь выпустил его на поруки, но этой поруки не нашлось, так как Шахов был человек «бесплеменный». Как отмечал Бахрушин, в Тобольске Воин Шахов занял почетное положение и в 1633 г. возглавил отряд, посланный на р. Лену, в котором было 39 годовальщиков из Тобольска и Берёзова. Однако служба на востоке Сибири была делом очень рискованным. Так, например, в 1642 г. якуты во время восстания перебили в улусах весь отряд Воина Шахова²⁸.

Кроме денежного и хлебного жалования дети боярские городов Сибири обладали крупными земельными наделами. К 1623 г. наделы служилых людей, в том числе и детей боярских, в Тобольском уезде составляли от 3 до 121 десятины. Обычным считался надел от 12 до 36 десятин земли,

удобной для пашни²⁹. Служилые люди имели земли в личном владении, в редких случаях отмечалось совместное владение³⁰. Величина пашни колебалась от 0,25 десятин в поле до 12 десятин³¹. Однако преобладала пашня от 1 до 3 десятин в поле на хозяйство.

Многие города и остроги Сибири были построены детьми боярскими Тобольска и первых русских городов края. В 1604 г. посланный из Тобольска сын боярский Василий Тырков с письменным головой Гаврилой Писемским с отрядом из служилых людей Тобольска, Тары, Березова и других городов ставил Томск и управлял городом два года до назначения воевод из Москвы³². В 1617 г. из Тобольска для строительства Енисейского острога был отправлен отряд под командованием сына боярского Петра Албычева из Пелыма и сотника стрелецкого Черкаса Рукина, которые должны были быть приказными людьми в новом остроге и собирать ясак. Первые годы после строительства Енисейским острогом управляли дети боярские Тобольска. В 1619 г. в Енисейский острог — центр нового формирующегося уезда по р. Енисей — был послан на приказ тобольский сын боярский Максим Трубчанинов, в 1620 г. ему на смену прибыл тобольский сын боярский Михал Ушаков, а в 1621 г. — сын боярский Михаил Байкашин. В 1622 г. на приказ в Енисейский острог был назначен тобольский сын боярский Павел Хмелевский. Только в 1622 г. в Москве был назначен первый воевода в Енисейский острог выборный дворянин по Ржеву Яков Хрипунов³³.

Борис Толбузин, на службе в Тобольске выполнявший важные поручения воевод, был назначен командиром — головой в походах из городов Сибири на кочевников. В 1635 г. головы тобольские дети боярские Борис Толбузин и Михаил Байкашин возглавили отряд из военных Тобольска в походе из Тобольска, Тюмени и Тары на юг и разбили кочевников, «писали ис походу в Тоболеск головы Борис Толбузин с товарищи, что Божию милостью а государя царя и великого князя Михаила Фёдоровича всеа Руси счастьем колматцких многих людей побили и полон поймали...»³⁴ В 1625 г. Борис Толбузин служил приказчиком Нижней Ницынской слободы, в 1636 г. был на приказе в Вагайском остроге. В 1638 г. он вновь отмечен приказчиком Нижней Ницынской слободы.

В 1660 г. сын Бориса Толбузина Ларион был послан воеводой из Тобольска в даурские остроги, после первого воеводы Даурии Афанасия Пашкова, «на службу их, великих государей, в Сибирь, в новую Даурскую землю, на великую реку Шилку, в Нерчинской острог, воеводе Офонасью Пашкову на перемену»³⁵. В 1667 г. Ларион Толбузин отправил в Москву челобитную, прося разрешить ему вернуться в Тобольск: «... будучи на вашей великих государей дальней службе, оскудал и одолжал великими долгами. А женишко мое и детишка в Тобольску скитаютца промеж двор, помирают голодною смертью... Велите, великие государи, меня, холопа своего, с своей великих государей з дальней службы из нерчинских острогов переменить»³⁶. 1 марта 1668 г. из Тобольска «в Дауры, в Нерчинские остроги» на смену Толбузину был послан представитель другой семьи тобольских служилых людей — ротмистр литовского списка Тобольска сын боярский Данила Аршинский. Он прибыл в Тобольск в 1675 г., а затем в Москве государь пожаловал сына боярского за даурскую службу серебряным ковшом и сорока соболями.

В 1673 г. на воеводство в Даурию из Тобольска был послан Павел Шульгин — представитель еще одной авторитетной семьи детей боярских Тобольска. В 1670-е гг. Ларион Толбузин и его сын Фаддей были посланы воеводами в города Тобольского разряда. Так, 1 июня 1670 г. на место князя Петра Гагарина в Березов был послан сын боярский Тобольска Фаддей Ларионов сын Толбузин, который служил там по 1672 год. В 1672 г. из Тобольска в Березов на место Фаддея был послан тобольский сын боярский Яков Шульгин. В 1671 г. в Тюмень был отправлен воеводой сын боярский Ларион Толбузин³⁷. Назначение воеводами в эти города Сибири решалось Сибирским приказом и производилось обычно дворянами из городов Европейской России, случаи занятия данных постов детьми боярскими Сибири были довольно редкими. Можно сказать, что дети боярские Толбузины пользовались большим доверием среди воевод Тобольска, руководства Сибирского приказа, утверждавших подобные назначения, и занимали особое место среди детей боярских и служилых людей Тобольска и всей Сибири. В 1682 г. из Москвы приехал на Пелым воеводством голова тобольских пеших казаков Иван Михайлов сын Ушаков³⁸.

В северных городах Западной Сибири количество детей боярских было небольшим, составляя от 3 до 13 человек. Только гарнизон Сургута обходился без детей боярских. Правда, еще в конце XVI — начале XVII в. дети боярские командовали в гарнизоне Сургута. Однако после Смуты эта группа служилых людей в городе не встречалась. В 1609 г. сын боярский Иван Пушин получил разрешение на перевод из Сургута в Томск, где был назначен сотником стрельцов. По данным сибирского летописного свода, позднее атаман Иван Пушин год был воеводой в Томске перед Гаврилой Хрипуновым.³⁹

В Берёзове число детей боярских на протяжении XVII в. постепенно росло. В 1625 г. в городе служили 6 начальных людей, 4 детей боярских и 2 атамана. Об этом говорится в списках 1633 и 1638 годов⁴⁰. По данным окладной книги 1627/1628 г., в детях боярских служили Фёдор Игнатъев с окладом 18 руб., Иван Мокринский с окладом 10 руб. и Иван Лихачёв с окладом 8 рублей. Надо отметить, что ранее Игнатъев и Лихачёв служили в Берёзове казаками. В 1647 г. в город был прислан еще один сын боярский, и их стало 5. В списке 1649 г. отмечается наличие шести детей боярских и двух атаманов⁴¹. К 1660 г. в Берёзове служили 8 детей боярских, 2 атамана казачьих и 1 городничий. К 1672 г. в городе служили 12 детей боярских. В 1689 г. в Берёзове служили 11 детей боярских, из которых 5 человек принадлежало к семье Лихачёвых⁴². К 1696 г. количество детей боярских составило 13 человек. Правительство стремилось уменьшить количество служилых людей в Сибири и средства на их содержание. В 1701 г. Сибирский приказ распорядился, чтобы в Берёзове служили только 8 детей боярских⁴³.

Количество детей боярских в Пелыме было небольшим, составляя 5 чел. (1620-е гг.), 4 чел. (1630—1640 гг.), 3 чел. (1660—11680 гг.). В 1632 г. в городе служили представитель местной знати князь Андрей Пелымский с окладом 13 руб., Исаак, Перфилий и Константин Албычевы с окладом по 7 рублей. В конце XVII в. численность детей боярских Пелыма дошла до 5 чел., причем все они принадлежали к роду Албычевых (1695 г.) Видимо,

члены этого рода пользовались в городе большим влиянием. В 1706 г. сын боярский Иван Албычев служил в городе за воеводу ⁴⁴.

В гарнизоне южного Туринского острога численность детей боярских была также небольшой. Разрядные книги 1625—1631 гг. и список 1633 г. отмечают в Туринском остроге всего трех детей боярских. В 1632 г. в остроге служили дети боярские Михаил Тюхин и Андрей Шарыгин с окладом 20 руб. и Семён Шарыгин с окладом 7 рублей. К 1635 г. количество детей боярских уменьшилось до двух чел., в 1638 г. — до одного чел., в 1640—1650 гг. служило два человека. Список 1660 г. отмечает, что из двух детей боярских 1 был верстан по государевой грамоте за даурскую службу, а 1 в 1660 г. умер. В 1692 г. в городе служили трое детей боярских, а в 1698 г. — четверо ⁴⁵.

Большие города на юге Тобольского разряда — Тюмень, Тара и Верхотурье — имели в гарнизонах значительное количество детей боярских. В 1633 г. в Тюмени служили 12 начальных людей, 1 татарский голова, 9 детей боярских, 1 атаман и 1 сотник стрелецкий. К 1647 г. число детей боярских увеличилось до 15 чел., к 1660 г. — до 23 человек. К 1671 г., после направления на службу в Тюмень группы пленных шляхтичей, число детей боярских достигло 61 ⁴⁶. В списке гарнизона отмечалась группа поляков — детей боярских: Роман Понятовский, Юрий Барщевский, Степан Высоцкий, Роман Калиновский, Григорий Василевский и др. — всего 30 человек ⁴⁷. 6 января 1698 г., по указу государя, дети боярские города явились к воеводе Т.В. Раевскому, который должен был определить их годность к воинской службе на конях с оружием. Большинство детей боярских имели сабли, пистолеты, карабины, пищали гладкие, винтовки ⁴⁸.

На Верхотурье в 1625 г. отмечалось наличие 6 начальных людей — 5 детей боярских, сотника стрелецкого и казацкого. К 1633 г. число детей боярских увеличилось до 9 чел. и оставалось таким до конца 1640-х годов. К 1649 г. количество детей боярских увеличилось до 10 чел. — решением тобольского воеводы В.Б. Шереметева сыном боярским стал стрелецкий сотник Григорий Гаврилов ⁴⁹. К 1660 г. число детей боярских в городе дошло до 17 чел., однако в 1661 г. их количество на Верхотурье уменьшилось до 8 чел., 9 детей боярских были взяты И.А. Хилковым в Тобольск в формирующиеся полки «нового строя» и зачислены в рейтары. После роспуска полков служилые люди вернулись. Большое увеличение числа детей боярских происходило во второй половине XVII в., что во многом было связано с ростом слобод на территории Верхотурского уезда, где дети боярские служили в качестве приказчиков. К 1672 г. их число увеличилось до 44 человек. В 1678 г. список отмечает наличие детей боярских в количестве 51 ⁵⁰. Таким образом, по отношению к 1625 г. число детей боярских выросло в 10 раз. Однако позднее их количество в гарнизоне сократилось. В 1684 г. на службе детей боярских было 43, в списке 1698 г. — 33. В 1700—1701 гг. указами государя были зачислены в дети боярские из семей детей боярских города еще 9 человек. В результате к 1702 г. количество детей боярских увеличилось до 42 человек. В 1704 г. их было 41 человек. Позднее, в эпоху реформ, многие дети боярские были отчислены от службы. К 1706 г. по городу служили всего 26 детей боярских ⁵¹.

Гарнизон Тары до 1635 г. по своей величине находился на втором месте среди городов Тобольского разряда после столицы Сибири Тобольска,

а позднее, после усиления гарнизона Тюмени, опустился на третье место. В Тарском городе служилая организация формировалась путем переводов из других сибирских городов, годовой службой и ссылкой. В 1596 г. были посланы из Москвы «на нашу службу в Сибирь в новый город на Тару» 3 сына боярских: Илья Беклемишев, Моисей Глебов, Фёдор Лопухин на 3 года, а с ними на житье большой отряд служилых людей, которые должны были теперь служить под началом трех детей боярских⁵². В Таре быстро сформировалась своя местная верхушка служилых людей. В начале XVII в. акты постоянно отмечали ротмистра литовского Воина Волконовского, татарского голову Богдана Петрова Байкача, атамана Третьяка Кутукова, атамана Пospела Фёдорова, которые возглавляли походы служилых людей на ойратов в 1606 и 1613 годах. В 1607 г. ротмистр Воин Волконовский и атаман Третьяк Кутуков получили от царя Василия Шуйского по 5 руб. «послужных денег» за удачный поход на ойратов. По крайней мере, один из них, Богдан Петров Байкач, смог стать начальным человеком именно в Таре. К 1613 г. он был уже татарским головой. Позднее, к 1629 г., он был произведен в дети боярские, возглавлял сбор ясака, посылался воеводами с важными поручениями к ойратам. Эти люди имели не только официальное положение, но и большой авторитет среди войска Тары. В 1615 г. Воин Волконовский и Богдан Петров Байкач подписали челобитную царю от лица всех служилых людей города⁵³. Иногда дети боярские из Тары переводились в другие города. В списке 1649 г. отмечается, что 1 из 8 детей боярских города Тары распоряжением воеводы Тобольска И.И. Салтыкова был переведен в Тобольск «служить с тем же Тарским окладом»⁵⁴.

Важную роль в формировании служилой организации Тары играла ссылка. Этот поток неизбежно увеличивался во время и, особенно, в первые годы после Смутного времени. В 1639 г. в город был отправлен из Москвы Пётр Пивов, которого в Таре зачислили в дети боярские⁵⁵. В 60-е гг. XVII в. там резко увеличилась группа детей боярских: с 18 чел. по списку 1660 г. до 38 чел. по списку 1672 года. В 1668—1670 гг. из Москвы в Тару прислали несколько партий шляхты поляков и литовцев. Всего в Тару было послано 18 чел.: Пётр Соколовский, Михаил Вишневский, Дмитрий Вишневский и другие. Новым служилым людям назначили оклады от 7 до 12 руб. денег и хлебное жалование. В 1696 г. в Таре служили 49 детей боярских⁵⁶, к 1703 г. — 2 головы, 50 детей боярских, 6 сотников, а всего 795 человек⁵⁷.

Однако главные силы детей боярских традиционно служили в Тобольске. В 1627 г. в составе корпорации детей боярских города имелось 37 чел., из которых 24 принадлежали к настоящим детям боярским, а 10 поляков и 3 немца «служили с детьми боярскими»⁵⁸. В 1633 г. в городах Тобольского разряда служили 117 начальных людей, 6 голов и 84 чел. детей боярских, из них 75 детей боярских и 9 человек литвы, поляков и немец, которые служили с детьми боярскими. К 1633 г. число детей боярских Тобольска выросло до 41, к 1638 г. — до 50, из которых было 35 детей боярских, 9 поляков и немец, что служили с детьми боярскими, и 9 недорослей⁵⁹. В 1649 г. в Тобольске имелось 77 детей боярских, из которых 5 чел. прибыли в Тобольск в этом году (были поставлены на выбылые места и переведены в Тобольск из Тары с окладом)⁶⁰.

К 1660 г. в 2 раза выросло число детей боярских, составив 129 чел., а в следующем 1661 г. 47 чел. из этой категории были зачислены в рейтары, в связи с чем в ней осталось 82 человека. Но после расформирования полков «иноземного строя» в дети боярские были возвращены не только люди, взятые из этой группы, но и несколько десятков представителей других служилых групп. В результате, к 1672 г. в Тобольске служили уже 180 детей боярских, кроме которых в городе имелось 25 недорослей детей боярских.

Правительство во второй половине XVII в. пыталось прекратить доступ в дети боярские представителям других сословий. В 1659 г. новый воевода Тобольска боярин И. А. Хилков получил приказ разобрать детей боярских города. В этой группе должны были служить только родственники детей боярских или представители других служилых групп, которых верстали «за службы» — за особые заслуги. Хилков должен был найти детей казаков, стрельцов, крестьян и гулящих людей, которых верстали без особых государевых грамот⁶¹. Казаков и стрельцов планировалось зачислить в низшие служилые группы, крестьян — в пашню, а гулящих людей — «в какой чин пригодится». Хилков приказал удалить выходцев из низших служилых групп и «жилецких людей» из списка литвы новокрещенной и конных казаков, «жилецкие люди» были удалены из пеших казаков и стрельцов⁶².

В городах Тобольского разряда произошел разбор служилых людей. По разбору Хилкова, в состав детей боярских в городах Тобольского разряда в Сибири были зачислены 22 чел. «не за службы» с разрешения Сибирского приказа и 11 чел. — без одобрения Сибирского приказа из других групп населения Сибири от литвы и конных казаков до гулящих людей и холопов⁶³. По данным Хилкова, в детях боярских Тобольска в 1659 г. служили зачисленные из других групп не за службы 9 чел., 2 бывших конных казака, 3 сына конных казаков, 2 бывших боярских холопа, 1 бывший гулящий человек, женившийся на дочери сына боярского Тобольска по государевым грамотам, и 1 стрелец Мангазеи, который в 1658 г. был взят в дети боярские Тобольска решением воеводы⁶⁴. Кроме того, 5 детей боярских Тобольска были взяты из детей боярских владык Тобольска, 3 — из детей подьячих города⁶⁵.

Однако Хилков только в особых случаях переводил служилых людей в низшие разряды. В большинстве случаев воевода просил государева решения. Эти решения по служилым людям практически готовил Сибирский приказ, который ранее и разрешил воеводам перевод в более высокие корпорации. В результате, большинство детей боярских после разбора остались служить на старых местах. Воевода Хилков отметил, что в дети боярские Тобольска были переведены представители других групп служилых людей города — казаки литовского списка, конные казаки, стрельцы и даже гулящие люди «не за службу». Так, в 1628 г. Пётр Стрюков был взят из гулящих людей в конные казаки Тобольска. Через 3 года, в 1631 г., по государственной грамоте он был отдан в холопы боярину князю А. М. Львову. В 1650 г. Стрюков, по государственной грамоте, был зачислен в дети боярские Тобольска с годовым окладом 15 руб. денег, 15 чет. хлеба, 3 пуда соли. По данным Хилкова, в государевых грамотах и послужных списках не было написано, за какие службы Пётр Стрюков был зачислен в дети боярские.

В результате воевода Хилков приказал Стрюкову служить в детях боярских до особого государева указа ⁶⁶.

Терентий Дмитриевых был зачислен в дети боярские Тобольска воеводой И. И. Салтыковым в 1649 г. из гулящих людей по протекции своего тестя, тобольского сына боярского Василия Лутовникова. Оклад ему был учинен по челобитной его тестя из собственного оклада Василия Лутовникова и составлял 10 руб. денег, а также ему был дан хлеб к пашне по 6 чет. ржи, 7 чет. овса, как получал и его тесть. Таким образом, в служилом мире Тобольска чин сына боярского воспринимался как наследственный, который мог передаваться не только сыну, но и зятю, даже если последний по своему происхождению был очень далек от служилого мира. По разбору Хилкова, Терентию Дмитриевых было приказано служить в конных казаках, так как он был зачислен в дети боярские без государева указа. Однако Т. Дмитриевых удалось остаться в детях боярских, позднее он был зачислен в рейтары, а после роспуска полка рейтар П. И. Годунов зачислил его в дети боярские Тобольска. Интересно, что позднее Дмитриевых выполнил несколько важных поручений воевод города — ездил из Тобольска посланником к контайше Джунгарии, участвовал в экспедиции Хитрово на Урал, служил с отрядом в Исетских слободах под командой головы Гаврилы Грозина. В 1689 г. Дмитриевых было 73 года, и он считался еще годным к «городовой службе». Его сын Савва был в возрасте 34 г., но на службе не состоял, дожидаясь своей очереди. В 1681 г. Савва был отправлен на замену Дмитриевых в поход Ивана Суворова на киргизов и получил несколько тяжелых ранений ⁶⁷.

Иван Большой Жемотин и Иван Меньшой Жемотин были зачислены в дети боярские в 1650 и 1658 гг. с окладом по 7 руб. денег, 7 чет. овса, 1 пуд соли. Это зачисление, как можно понять из документа, произошло благодаря их отцу, казаку литовского списка Григорию Жемотину, который сделал в Тобольске хорошую карьеру, дослужившись до важного поста городского приказчика города и получив от Сибирского приказа «государеву грамоту». Благодаря этому Григорий Жемотин смог добиться от воевод города зачисления своих сыновей в дети боярские г. Тобольска, но на этот раз не получил государев указ из Сибирского приказа с подтверждением этих назначений. В результате, по разбору Хилкова, как зачисленные «без государева указа и не за службу» Иван Большой и Иван Меньшой были переведены в казаки литовского списка — в ту социальную группу, откуда они вышли ⁶⁸.

Иван Васильев сын Струна «в прошлых годах у прежних архиепископов был в Софийском доме», служил в детях боярских и дьяках Софийского дома. Во время отъезда архиепископа Симеона в Москву в январе 1654 г. на собор, по поручению владыки дьяк Иван Струна и приказной Григорий Чертков управляли всей Сибирской епархией. В бытность дьяком архиепископского двора Иван Струна являлся главным противником сосланного в Тобольск протопопа Аввакума и в 1654 г. с родственниками поднял против него «мятеж», напав на Вознесенский собор города, где служил протопоп. В течение месяца Аввакуму приходилось укрываться от гонителей в доме воеводы Тобольска — видимо князя Хилкова, под защитой его супруги. Причем, как писал Аввакум, и воевода Тобольска, сочувствуя ему, не мог обуздать И. Струну и сам боялся «мятежников».

Только после возвращения архиепископа Симеона в Сибирь из Москвы в декабре 1654 г., гонение на Аввакума закончилось, а Иван Струна был посажен под арест за нарушение канонов⁶⁹. Очевидно в итоге отношения с архиепископом Симеоном настолько ухудшились, что Иван Струна был вынужден покинуть Софийский дом и проситься на государеву службу по Тобольску. В 1658 г. по государевой грамоте Иван Струна был зачислен в службу в дети боярские Тобольска с большим окладом в 16 руб., 16 чет. ржи, 3 пуда соли⁷⁰. Сын Ивана Струны, который попал под разбор воеводы князя Хилкова и мог потерять чин сына боярского, Борис Иванович Струнин, позднее сделал в Тобольске очень хорошую карьеру.

В 1668 г. Борис Струнин из неверстанных детей боярских был взят в рейтары, и во время роспуска полков оставлен среди рейтар в Тобольске как «начальный человек», прапорщик. В 1672 г. Борис Струнин ездил в Москву с отписками и там добился зачисления в дети боярские Тобольска по «государевой грамоте». В 1674 г. он был направлен подполковником драгун в слободы по р. Исети. В 1677 г. Борис Струнин был назначен головой пеших казаков, а в 1684 г. отставлен от службы распоряжением Сибирского приказа по челобитным служилых людей, которые жаловались на частые налоги и обиды головы. Однако скоро Борис Струнин стал головой стрельцов. В 1685 г. государевой грамотой Борис Струнин был зачислен в дворяне Тобольска, а позднее назначен головой литвы и новокрещенного списка казаков, в результате занял один из важнейших постов в Тобольске⁷¹.

Позднее в 1668 г. новый воевода Тобольска П. И. Годунов писал в Сибирский приказ, что большая часть детей боярских Тобольска происходила из родственников «детей и братьи» подъячих, певчих владык Тобольска, попов, казаков, стрельцов, посадских людей, гулящих людей, и даже из боярских людей — холопов⁷². По данным Годунова, по «государевым наказам» ему и прежним воеводам Тобольска было написано, чтобы воеводы не переводили людей из оклада в оклад и не верстали новых людей в службу «в прибавку». Однако в Сибири эти положения наказов не соблюдались. Так только боярин А. А. Голицын верстал в большие оклады и прибавил не за службу 73 человека. По данным Годунова, назначения происходили в Тобольске и городах Тобольского разряда воеводами «по прихотям из пожитков себе»⁷³.

Однако и Годунов во время воеводства в Тобольске продолжил эту традицию и поверстал в дети боярские 12 чел. из «литвы» и конных казаков, однако с меньшими окладами, чем у них были ранее. В 1671/1672 г. во время следствия по делу Годунова все эти люди были оставлены в детях боярских, как объяснялось, «для того что перед прежними оклады учинены им малые, а они о прибавке денежного и хлебного жалования... не бьют челом, да и потому, что в Тобольску и до того верстания многие дети боярские из литвы, и из конных казаков, и из стрельцов верстаны»⁷⁴.

В 1678 г. правительство предприняло новую попытку очистить служилых людей от представителей «тяглых людей», которые были верстаны в службу за последние 15 лет. 5 июня 1678 г., по указу Фёдора Алексеевича, в Тобольск к боярину П. В. Шереметьеву было указано детей боярских — казаков литовского и новокрещенного списку, казаков и стрельцов, которые были верстаны в службу в Тобольске после 1663 г., в выбылые

оклады из гулящих людей, посадских людей и крестьян и из «иных тяглых людей», также их родственников от службы отставить и вернуть в свои сословия «кто в каком чину был». В городах Тобольского разряда также по указу требовалось отставить из службы тех, кто был верстан из тяглых сословий⁷⁵.

В результате в 1678 г. в Тобольске число детей боярских уменьшилось и составило 178 чел., кроме того, имелось 38 недорослей детей боярских. В списке отмечалось, что в 1678 г. часть детей боярских была переведена в прежние чины. Большая часть бывших детей боярских была возвращена в состав литвы, конных и новокрещенных списков казаков⁷⁶. В 1681 г. список отметил 229 детей боярских «с теми, которым велено служить в городе», и 19 недорослей⁷⁷. К 1685 г. в Тобольске имелось 247 детей боярских, а к 1693 г. — 253 и 6 недорослей⁷⁸.

В конце XVII в. в Тобольске появились дворяне по городу⁷⁹. Всего, по данным Сибирского приказа, с 1684 по 1693 г. 18 детей боярских города были зачислены в «особую статью» — в дворяне Тобольска. Первым дворянином Тобольска стал Алексей Толбузин, с июля 1676 г. назначенный руководить большой областью на востоке — Нерчинским уездом, Иркутским и Албазинским острогами. А. Толбузин был на приказе в Нерчинском уезде с 1676 по 1680 г. 26 февраля 1683 г. он получил редкий в Сибири чин дворянина «по выбору» и был послан в Албазинский уезд «для сыску» про воеводу Нерчинска Фёдора Воейкова и его сына Андрея «по челобитью» албазинских служилых людей. В это время Толбузин был назначен временным воеводой Албазина «до государева указа»⁸⁰.

По данным Сибирского приказа, Алексей Толбузин был верстан в дети боярские в 1671 г. по государевой грамоте с окладом 14 руб., 14 чет. ржи 14 чет. овса и 3 пуда соли. К 1676 г. оклад Толбузина составлял 20 руб., 20 чет. ржи, 20 четей овса⁸¹. В июне 1685 г. воевода Толбузин руководил защитой Албазина от наступления маньчжур. Как отмечали позднее его дети, «пришли в большом собрании китайские воинские люди и многолюдством и великой пушечной стрельбою и постоянным приступом» взяли город. Служилые люди были отпущены в Нерчинск и «идучи терпели великую нужду и голод», питались травой. Позднее, осенью 1685 г., Толбузин с отрядом служилых людей вернулись в Албазин и построили в нем новые укрепления. Воевода Толбузин в 1686 г. был убит пушечным ядром, залетевшим в бойницу, во время новой осады Албазина⁸².

В годы командировки Толбузина его семья — жена и дети Пётр и Фёдор, жили более трех лет в Енисейске и «одолжали великими долгами». Они обратились с челобитьем к государю с просьбой пожаловать их в дворяне. 16 мая 1688 г. Пётр и Фёдор Толбузины были пожалованы получить чин отца и записаны в дворяне по выбору Тобольска «за службу и кончину отца». Однако новые дворяне Тобольска были оставлены в прежних окладах. По данным окладной книги 1693 г., в Тобольске имелись 2 дворянина по выбору: Пётр Алексеев Толбузин и Фёдор Алексеев Толбузин, и 17 тобольских дворян.

В 1683/1684 г. государевым указом воеводе Тобольска боярину князю Прозоровскому было приказано написать в списке Тобольска особой статьей несколько наиболее авторитетных в служилом мире детей боярских — Фёдора Шульгина с племянником Иваном Шульгиным, Афанасия

Ушакова, Афанасия Михалевского, Василия Тутолмина и Артемия Оболянинова, при этом оставив им старые оклады ⁸³.

В дворяне первой статьи по Тобольску был пожалован сын боярский с 1654 г. Фёдор Яковлев сын Шульгин, который пользовался большим доверием воевод Тобольска. В 1672 г. сын боярский «доправил на всяких чинов» Тюмени за прошлые 20 лет 400 чет. хлебных запасов — ржи, овса и ячменя. В 1674 г. Ф. Шульгин был отправлен посланником в улусы ойратов к тайше Учюрте, но по дороге был ограблен «воровскими калмыками», которые украли у него имущества на очень крупную сумму в 553 рубля. В 1675 г. Шульгин был послан в Восточную Сибирь в Туруханское зимовье с государевыми грамотами, а затем, в 1676 г., отправлен на р. Лену в Илимский острог «для государева великого земского дела». В 1679 г. Шульгин отправился послом в улусы ойратов, кроме того «для всяких государевых сыскных дел» посылался в разные годы в Тюмень, Томск, Пелым, Енисейск. В 1686 г. он возглавил служилых людей Тобольска в экспедиции за добычей соли на озеро Ямыш, а в 1687 г. «учинил государю прибыль» во время службы приказчиком Нижней Ницынской слободы. Шульгин имел высокий оклад в 20 руб. денег, 20 чет. ржи и 20 чет овса ⁸⁴.

Афанасий Михайлов сын Ушаков начал службу в рейтарах Тобольска, а в 1668 г., после расформирования рейтарского полка, был зачислен в дети боярские, Фёдор Степанов сын Тутолмин — сын боярский с 1678 г., Иван Павлов сын Шульгин — сын боярский 1683 г., был пожалован «за службы отца» в возрасте 25 лет, Артемий Филиппов сын Оболянинов, зачисленный из неверстанных детей боярских в дети боярские в 1678 году. Афанасий Фёдоров сын Михалевский начал военную службу в 1670 г. и только в 1682 г., по государевой грамоте, стал сыном боярским из неверстанных детей боярских ⁸⁵.

12 января 1685 г. новым государевым указом в дворяне Тобольска были пожалованы дети боярские Юрий Глинский и Борис Струнин. Юрий Иванов сын Глинской был пожалован в дворяне «первой статьи», начал служить в детях боярских Томска на месте своего отца в 1658 г., а затем был переведен по его челобитной из Томска в 1682 г. в дети боярские Тобольска и служил в городе татарским головой. Борис Иванов сын Струнин, по разбору воеводы Годунова, был зачислен из неверстанных детей боярских и рейтаров, и в 1672 г. стал сыном боярским. В 1685/1686 г. после поездки с ясаком в Москву в дворяне был произведен с прибавкой к жалованию Борис Фёдоров сын Черницын, сын боярский с 1664 г., а также Фёдор Григорьев сын Ушаков, в 1673 г. пожалованный сыном боярским из неверстанных детей боярских ⁸⁶.

В 1687/1688 г. в дворяне был пожалован в возрасте 69 лет сын боярский с 1647 г. Иван Михайлов сын Ушаков, брат Афанасия Ушакова. В 1688/1689 г. после поездки в Москву с ясаком добился пожалования в дворяне Фёдор Родионов сын Качанов, в 1687 г. переведенный из Томска в дети боярские Тобольска ⁸⁷.

По данным книги Сибирского приказа, в 1683/1684 г. чин дворянина получил Василий Яковлев сын Шульгин, зачисленный в дети боярские в 1681 г. по решению воеводы А.С. Шеина. Отмечено, но без дат государева указа, также пожалование дворянства Василию Шульгину и Якову

Шульгину. В дворяне был пожалован Василий Павлов сын Шульгин, который с 1672 г. служил в детях боярских Тобольска, по приговору воеводы И. Б. Репнина, с 1675 по 1686 г. служил в Даурии, ездил с послом Николаем Спафарием в Китай. Яков Павлов сын Шульгин был произведен в дети боярские воеводой Шеиным около 1681 г., «службы были по посылке из Шадринской слободы в проезжей разведке и полонеников русских людей взял, да за службы отца его по Государевой грамоте велено ему служить в Тобольских дворянах»⁸⁸.

В результате дворянство получили наиболее влиятельные семьи старых детей боярских Тобольска: три представителя рода Толбузиных, пять членов клана Шульгиных, три члена рода Ушаковых и по одному представителю семей Обольяниновых, Тутолминых, Черницыных, Струниных, Качановых, Глинских, Михалевских. Однако новые дворяне Тобольска были оставлены в прежних окладах. Руководство Сибирского приказа распорядилось воеводам Тобольска без государева указа и без особых государевых грамот не прибавлять дворянам оклад и не зачислять в состав новой группы служилых людей⁸⁹.

Пожалование части сибирских детей боярских в дворянство вызвало недовольство среди многих семей тобольской элиты. В Сибирский приказ были направлены челобитные тобольских детей боярских, которые указывали на большую знатность и большие заслуги в службе по сравнению с теми, кто уже получил чин дворянина. Ряд челобитных сообщают о приходе дворян из городов Европейской России на службу в Сибирь. Так в челобитной братьев Кляпиковых отмечалось, что в 1685 г. по «государевой грамоте» было велено детей боярских Тобольска Бориса Струнина и Бориса Черницына «от нас детей боярских» удалить из списка и написать в список с дворянами. Андрей и Иван Кляпиковы отмечали, что они служили ранее с этими новыми дворянами Тобольска в равенстве и «отечеством и службою мы... их не хуже». Подобное решение было воспринято Кляпиковыми как обидное для них. Братья просили государя пожаловать их за многие службы отца и за «наши службишки» и за брата «в списке отличить и быть в дворянах»⁹⁰. Андрей и Иван Кляпиковы — дети тобольского сына боярского Владимира Кляпикова — в челобитной отмечали, что их дед Иван Кляпиков в прошлых годах служил по Новоторжку и по Твери «по городу», то есть входил в корпорацию служилых людей по отечеству. В 1587 г. дед Иван был взят из Новоторжку к государю к Москве, а оттуда послан «на вашу государеву службу» в Сибирь, в Тобольске Иван Кляпиков умер. В 1623 г. решением воеводы Тобольска боярина Ю. Я. Сулешова сын Ивана Владимир Кляпиков был зачислен служить государеву службу «в детях боярских, сотниках и головах стрелецких»⁹¹. По данным челобитной, Владимир Кляпиков служил по Тобольску с 1623 по 1676 г. 55 лет «всякие ваши государевы службы, конные и лыжные и струговые». Много раз был послан для посольства к тайшам ойратов. Под началом воеводы Якова Тухачевского он ходил в поход на «государевых изменников» киргиз на р. Енисей. В 1627 г. В. Кляпиков был послан из Тобольска на Тару с отрядом ратных людей для защиты города от набега ойратов. Авторы челобитной писали, что и они, Андрей и Иван, служили государю в рейтарах и детишках боярских «всякие ваши государевы службы городовые и полевые, лыжные и струговые», посылались посланниками к тай-

шам в земли ойратов, а также в ратные походы против «государевых изменников» башкир и киргизов, «на многих боях были и на тех боях брата нашего большого Данила Кляпикова киргизы убили». Челобитчики жаловались, что «иные наша братья дети боярские емлют государево денежное и хлебное жалование оклады большие, а таких нужных и дальних служб не служивали, которые мы государю служили». Авторы челобитной были известными представителями служилых людей Тобольска. Андрей Владимиров сын Кляпиков начал службу в 1660 г., из неверстанных детей боярских был зачислен в рейтары, а в 1673 г. был пожалован в дети боярские государевой грамотой на Москве. Иван Владимиров сын Кляпиков в 1675 г. был зачислен в дети боярские из неверстанных детей боярских решением воеводы П.М. Салтыкова⁹². 30 августа 1686 г., по государеву указу, глава Сибирского приказа боярин И.Б. Репнин приказал послать воеводе Тобольска Головину государеву грамоту, по которой братья Андрей и Иван Кляпиковы были записаны из детей боярских в дворяне по Тобольску.

Новую челобитную подал сын боярский Тобольска Фёдор Фефилов, отец которого Никита Фефилов ранее служил по Владимиру в дворянах «по выбору». Надо отметить, что дворяне Фефиловы действительно служили по городу Владимиру, в частности в росписи русского войска, посланного против самозванца в 1604 г., отмечен городской приказчик Владимира Иван Фефилов, выставивший 2 чел. конных⁹³. В 1654 г. Никита был послан из Москвы в Тобольск и назначен на приказе в Киргинской слободе за службы и ранение на прокормление. В 1654 г. Никита Фефилов привез в Сибирь с собой и своего сына Фёдора: «а меня привез с собою в Сибирь в малых летах». В 1660 г. Фёдор был зачислен в службу: «взят я... в государеву службу к рейтарскому строю в поручики». Служба в рейтарах продолжалась 9 лет. В 1669 г., по разбору Годунова, Фёдор был зачислен в дети боярские Тобольска. По словам Ф. Фефилова, «служил он государю многие годы и состарился, а государевой милостью не взыскан и при своей братье оскорблен»⁹⁴.

Сын боярский Тобольска Фёдор Иванов сын Рукин в челобитье писал, что в прошлых годах его дед Андрей Рукин служил в дворянах по Новгороду, а его отец Иван Рукин служил в Тобольске в ротмистрах у литвы и конных казаков. В период службы Иван Рукин был послан «на многие дальние посылки» ходил в Томск для похода на киргиз с тобольскими служилыми людьми головой и в этой посылке умер. Ф. Рукин отмечал в челобитье, что служит в детях боярских Тобольска многие годы, был послан на башкир и «бился не щадя головы своей и на той службе ранен». В 1667 г., по грамоте, Фёдор Рукин был послан на службу в Якутский острог и «служил всякие службы и в ясачном зборе учинил многие прибыли», прибрал в ясак новых 73 чел. якуцких и тунгусских родов. Служба в Якутском уезде продолжалась 7 лет. В 1673 г. Рукин был взят по-прежнему в Тобольск и послан в Томский уезд на киргизов и на другие службы. Рукин просил за службы и раны его деда, отца и собственные пожаловать его в дворяне. Представитель старого сибирского рода, голова тобольских стрельцов Иван Аршинский писал в челобитной о дворянстве, что государям «деду вашему» Михаилу Фёдоровичу, Алексею Михайловичу и Фёдору Алексеичу служили его прадед Богдан, дед Данила, и отец Иван

Аршинский по Тобольску в головах литовского списка, и у пеших казаков и стрельцов, и у татар «всякие ваши государевы многие службы городовые и отъезжие и на многих боях бились не щадя голов своих и ранены на тех боях», государевых неприятелей многих побивали и языков имели в Сибири в Тобольск и в иные сибирские города привозили. И. Аршинский служил в Тобольске в детях боярских, был послан в Томск на киргиз «и на том бою с ними бился я холоп ваш не щадя головы своей», терпел в походе голод. В 1693 г. «за многие службы» государевым указом Аршинский был назначен головой стрельцов «на отца моего Ивана место». Иван просил государя пожаловать его «за службы прадеда и деда и отца моего и за мои... службы» и зачислить в дворянский список Тобольска ⁹⁵.

Позднее, в 1693/1694 г., по государеву указу, за службы в дворяне был зачислен сын боярский Иван Полозов. 12 ноября 1697 г. Фёдор Качанов сын Родиона Качанова был пожалован в дворяне московского списка с поместным окладом в 500 чет. земли и 20 руб. денег. 27 мая 1699 г. по челобитной дворянин Юрий Глинский был «пожалован государем» в дворяне по «московскому списку», и ему был назначен поместный оклад в 500 чет. Однако «полковую службу» Ю. Глинскому было назначено служить как и раньше в Тобольске. Дети Юрия Глинского Иван и Фёдор были пожалованы в «жилецкий список», с поместным окладом в 400 чет., но также оставлены служить в Тобольске ⁹⁶. Подобные пожалования в дворянство происходили и для служилых людей Восточной Сибири, причем жаловались и некоторые представители местной сибирской знати. Как отмечала Г.А. Леонтьева, в 1681 г., а по другим данным в 1685 г., тунгусский князь Павел Гантимуров получил чин «московского дворянина», а позднее стал стольником. Его старшие дети позднее также стали стольниками ⁹⁷. В 1697 г. стрелецкий голова Афанасий Бейтон за оборону Албазина получил чин московского дворянина. Дети Бейтона Андрей и Яков также получили дворянство по московскому списку ⁹⁸. В целом, к 1703 г. в городах Сибири служили 837 начальных людей — 2 полковника, 3 подполковника, 14 голов, 32 дворянина, 786 детей боярских, всего — 10884 служилых людей ⁹⁹.

В 1689 г., по государеву указу, в Тобольске был проведен смотр служилых людей и даны краткие характеристики их службы, которые позднее были отправлены в Сибирский приказ. Эти данные по 239 детям боярским Тобольска представляют большой интерес и позволяют проследить, как формировалась корпорация служилых людей второй половины XVII века. Наиболее многочисленная группа служилых людей попала в дети боярские по рождению. 103 чел. были зачислены из семей детей боярских, 6 чел. — из кормовых детей боярских решением воевод Тобольска (45%). Еще 25 чел. были зачислены по решению воевод Тобольска, без данных о причинах этого решения (10%). Однако фамилии большей части данных новых служилых людей свидетельствуют об их происхождении из семей детей боярских 6 чел. были зачислены из семей подьячих Тобольска (2%).

29 детей боярских попали в корпорацию после службы в рейтарах, причем часть из них уже служила в детях боярских до рейтарской службы, большинство было взято в рейтары из семей детей боярских. (12%). 4 чел. стали рейтарами из семей конных казаков, а затем попали в состав детей

боярских. 55 чел. попали в ряды детей боярских по государевой грамоте, из них 20 чел. — из конных казаков (23%). Большая группа конных казаков — 14 чел. — стали детьми боярскими в 1678—1686 гг. за участие в дальних и тяжелых посольствах в Китай. В 1678 г. сыном боярским стал 1 пеший казак за участие в этом посольстве, что можно считать уникальным фактом. Имелись также редкие случаи зачисления членов семей казаков (2 чел.) и детей атаманов (2 чел.). Всего из казаков и их семей, по данным книги 1689 г., происходили 29 детей боярских (12%). Факты перевода в состав данной группы из других городов Сибири были очень редки и для первой половины XVII в., в 1671 г. подобная практика была запрещена царским указом. Книга 1689 г. отмечает только один подобный случай, 1 чел. служил в детях боярских в Берёзове и в 1673 г. по государевой грамоте был зачислен в состав детей боярских Тобольска.

В первой трети XVII в. одним из важных источников формирования детей боярских Тобольска была ссылка. Эти ссыльные служилые люди основали в Тобольске ряд семей, многие представители которых служили в детях боярских в конце XVII века. Однако позднее ссылка уже не играла такой роли в формировании элиты служилых людей Тобольска. По данным книги 1689 г., с 1668 по 1688 г. только 6 чел., которых прислали в Тобольск из Москвы в качестве ссыльных, были зачислены здесь в ряды детей боярских (2%). Таким образом, к 1689 г. 2/3 детей боярских происходили из семей детей боярских. Можно сделать вывод, что во второй половине XVII в. корпорация детей боярских становится более закрытой для других групп служилых людей. Однако возможность войти в ее состав имела, главным образом, у представителей группы конных казаков Тобольска ¹⁰⁰.

Надо отметить, что во второй половине XVII в. в Тобольске происходил быстрый рост элиты служилых людей Сибири — детей боярских. Их количество с 1625 по 1693 г. увеличилось в 8 раз — с 30 до 253 человек. Этот рост происходил несмотря на попытки центральной власти его ограничить, очистить от представителей других сословий. Но воеводы Тобольска обычно оказывали поддержку в увеличении численности этой группы. В целом, дети боярские сыграли очень большую роль в Сибири XVI—XVII веках. Они командовали военными экспедициями, разведывательными партиями, небольшими и крупными, военными отрядами, острогами и слободами, иногда замещали воевод в управлении уездами. Это было обусловлено развитием русской колонизации Сибири. Большой гарнизон города был необходим для укрепления русской власти в центральной части Западной Сибири, а также для подкрепления служилых людей городов юга русской Сибири в период наступления на запад ойратского союза. Кроме того, гарнизон Тобольска играл главную роль в колонизации громадных территорий Восточной Сибири. Именно оттуда администрация брала основные кадры служилых людей для формирования русских острогов на востоке. К 1625 г. гарнизон Тобольска составлял 730 чел. и был наиболее крупным из гарнизонов Сибири. К 1633 г. он был увеличен до 1175 чел., а к 1638 г. достиг уже 1456 человек. Таким образом, за 14 лет гарнизон Тобольска вырос в 2 раза. В конце XVII в. он достиг 2 тыс. человек. В 1693 г. в Тобольске служили 2025 человек ¹⁰¹. В 1704 г. в Тобольске было 2237 чел., в 1705 г. — 2260 человек ¹⁰².

Происхождение этой группы было более сложным, чем представлялось князю Щербатову. По данным списков, дети боярские Сибири формировались обычно из присланных на службу из Москвы служилых людей, ссыльной шляхты из Польши, потомков этих пришлых русских и иноземцев, детей боярских из других городов, представителей других верхних корпораций, которым удавалось, как правило, за различные военные заслуги быть зачисленными в сибирскую элиту. Однако правительство считало, что среди детей боярских Сибири было много представителей других групп населения.

Надо отметить, что до середины XVII в. правительство спокойно относилось к зачислению в состав детей боярских представителей «жилицких людей» — крестьян, посадских людей на окраинах России. Б.Н. Флоря отмечал, что в конце XVI в. в южных уездах Русского государства в дети боярские часто верстались представители казаков и крестьян¹⁰³. Г.А. Леонтьева полагала, что на востоке Сибири — в Нерчинском и Иркутском уездах — пути формирования дворянства — служилых людей по отечеству — «до конца XVII в. отличались своеобразием. В этом регионе, в отличие от Европейской части России, допускалась возможность замещения высших должностей нерегулярных войск служилыми людьми по прибору»¹⁰⁴.

Однако и в уездах Европейской России, несмотря на издание известных указов 1641 и 1652 о запрете верстания в дети боярские из других сословий, подобная практика продолжилась до конца XVII века. По данным Т.А. Лаптевой, «расширение социальной базы дворянского сословия за счет верстания в дети боярские представителей низших страт и основания новых “городов” прежде всего на юге страны» происходило на протяжении всего XVII века¹⁰⁵. Надо отметить, что Лаптева, отмечая многочисленные факты верстания в дети боярские казаков, солдат, подъячих, посадских людей и крестьян, делает важный вывод о незавершенности формирования дворянского сословия до конца XVII века¹⁰⁶. Однако зачисление в российское дворянство представителей других сословий, в том числе тысяч посадских людей и крестьян, продолжилось и в XVIII—XIX веках. «Табель о рангах» Петра I предоставила новые возможности для подобной социальной мобильности, в том числе и населению Сибири.

В Западной Сибири пополнение детей боярских из других групп населения края продолжалось до конца XVII века. Правительство, проводя в 1659 и 1678 гг. разборы служилых людей и требуя исключения из детей боярских представителей других сословий, позднее часто соглашалось восстановить исключенных из списка служилых людей, а в ряде случаев и само предоставляло доступ в дети боярские Сибири представителям других групп служилого населения края и во второй половине XVII века. В 1671 г. Алексей Михайлович приказал посланным в дальнюю поездку для торговли из Тобольска в Китай в 1668—1671 гг. 16 детям боярским и казакам Тобольска выдать по 5 руб. и кроме того увеличить государево жалование на 2 руб. 2 чет. ржи, 2 чет. овса. Казаки Сибири за участие в посольстве имели право на верстание в дети боярские, но в этом случае оставались с прежним окладом. В итоге 5 чел. из казаков и 1 чел. из пашенных крестьян по указу вошли в состав детей боярских. Для бывшего крестьянина был специально «учинен» оклад в 7 руб., 7 чет. ржи, 7 чет.

овса. В 1675 г. в Китай было отправлено русское посольство из Москвы, которое сопровождали служилые люди Тобольска. За «китайскую службу» 8 конных казаков Тобольска, по «государеву указу», были верстаны в состав детей боярских с казачьим жалованием¹⁰⁷.

В Сибири после реформ Петра I сибирские дворяне уже не признавались частью российского дворянства, правительство сокращало количество служилых людей «старых служб», в результате зачисление в состав именно сибирских дворян из казаков края производилось все реже. Однако подобные «верстания» происходили еще и в середине XVIII века. Так казак города Красноярска Савва Стародубцев получил чин сына боярского по представлению старшего офицера пакетбота «Св. Петра» лейтенанта флота Свена Вакселя за строительство нового корабля на острове Беринга в 1742 г., на котором после крушения пакетбота и кончины Витуса Беринга уцелевшие члены команды — участники Второй Камчатской экспедиции — добрались до порта Петропавловска¹⁰⁸.

В городах Сибири на протяжении XVII в. сформировалась своя местная служилая знать, которая делила власть с присылаемыми воеводами и играла очень большую роль в жизни сибирского общества. В небольших городах, таких как Берёзов, Туринск, важные должности занимали представители одной-двух семей. В Тобольске сложилось несколько влиятельных кланов — Толбузины, Шульгины, Ушаковы, Аршинские, из которых Сибирский приказ проводил почти все серьезные назначения на военные и административные должности Тобольска.

Примечания

1. Сборник РИО. Т. 4. СПб. 1869, с. 155.
2. Там же, с. 159.
3. Там же.
4. АНДРЕЕВ И. Домовая летопись, писанная Иваном Андреевым в 1789 г. М. 1871, с. 1.
5. Там же.
6. Якутия в XVII в. Очерки. Якутск. 1953, с. 15.
7. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 199, д. 541, л. 5—6.
8. Там же, л. 150.
9. Якутия в XII в., с. 15.
10. РГАДА, ф. 214, кн. 14, л. 365—378.
11. Томск в XVII в. Томск. 2005, с. 5.
12. БУЦИНСКИЙ П.Н. Заселение Сибири и быт ее первых насельников. Тюмень. 1999, с. 204.
13. РГАДА, ф. 199, д. 541, л. 13.
14. МИЛЛЕР Г.Ф. История Сибири. М.-Л., 1941, с. 573; СТАНИСЛАВСКИЙ А.Л. Труды по истории государева двора в России XVI—XVII вв. М. 2004, с. 248, 354, 374.
15. РГАДА, ф. 214, кн. 14, л. 365—378.
16. Там же, кн. 11, л. 176; кн. 905, л. 6.
17. Там же.
18. Там же, ст. 5, л. 12.
19. Там же, кн. 14, л. 365—378.
20. Там же, кн. 14, л. 365—378; кн. 27, л. 5—8.
21. АЛЕКСАНДРОВ В.А., ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Власть и общество. Сибирь XVII в. Новосибирск. 1991, с. 83; НИКИТИН Н.И. Соратники Ермака после «Сибирского взятия». В кн.: Проблемы истории России. Вып. 4. Екатеринбург. 2001, с. 67.
22. РГАДА, ф. 214, кн. 14, л. 365—378.

23. АЛЕКСАНДРОВ В.А., ПОКРОВСКИЙ Н.Н. Ук. соч., с. 81; НИКИТИН Н.И. Начало казачества Сибири. М. 1996, с. 26; ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ А.А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVII в. М. 1972, с. 18.
24. НИКИТИН Н.И. Сородники..., с. 54.
25. РГАДА, ф. 214, кн. 948, л. 28.
26. Там же, кн. 14, л. 365—378.
27. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 36. Сибирские летописи. М. 1987, с. 146.
28. Якутия XII в., с. 21.
29. НИКИТИН Н.И. Заселение русскими Тобольского уезда в первой четверти XVII в. В кн.: Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очерки по исторической географии XVII в. М. 1974, с. 264—291.
30. Там же.
31. Там же.
32. Сибирские летописи, с. 141; ВЕРШИНИН Е.В. Воеводское управление в Сибири (XVII в.) Екатеринбург. 1998, с. 23.
33. Сибирские летописи, с. 146; СОЛОДКИН Я.Г. Вослед Савве Есипову. Очерки сибирского летописания середины — первой второй половины XVII в. Нижневартовск. 2011, с. 196.
34. МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., с. 430.
35. КРАШНОШТАНОВ Г.Б. Никифор Романов Черниговский. Иркутск. 2008, с. 138.
36. Там же, с. 147.
37. Там же, с. 164.
38. Там же, с. 172.
39. Там же, с. 344.
40. РГАДА, ф. 214, кн. 110, л. 43; кн. 209, л. 48; СОЛОДКИН Я.Г. «Сургуцкий город» и присоединение к России сибирских земель в конце XVI — начале XVII вв. — Северный регион: наука, образование, культура. 2004, № 1, с. 31; ЕГО ЖЕ. О датировке поставления Березова и Кетска. — Там же. 2003, № 1, с. 125; ЕГО ЖЕ. Служилые люди Сургута в первые годы его существования. В кн.: Очерки истории Сургута. Сургут. 2002, с. 26.
41. РГАДА, ф. 214, кн. 248, л. 62; кн. 14, л. 646; МАЛОВ А.В. Приезды в Москву березовских служилых людей на выходе России из Смуты. 1613—1619 гг. — Меншиковские чтения. Вып. 10. СПб. 2015, с. 172; СОЛОДКИН Я.Г. Атаманы и дети боярские Березова середины 1590-х — 1620-х гг. — Вестник Альянс — Архео. Т. 21. 2017, с. 10.
42. РГАДА, ст. 100, л. 88; кн. 922, л. 1—2.
43. Там же, кн. 1139, л. 6; МИНЕНКО Н.А. Северо-западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск. 1975; ЕЕ ЖЕ. Городовые казаки Обского севера в XVIII в. В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М. 1973, с. 349.
44. РГАДА, ф. 214, кн. 1046, л. 156; кн. 1362, л. 4; кн. 1438, л. 1.
45. Там же, ст. 16, л. 234; ст. 100, л. 89; кн. 46, л. 31; кн. 209, л. 31; кн. 408, л. 39; кн. 641, л. 46; кн. 1010, л. 3—5.
46. Там же, кн. 408, л. 41.
47. Там же, кн. 637, л. 10—16.
48. Там же, кн. 806, л. 12—18; ст. 1176, л. 543—560.
49. Там же, ст. 25, л. 35; кн. 110, л. 19; кн. 248, л. 34.
50. Там же, оп. 3, ст. 100, л. 86; кн. 408, л. 28; кн. 419, л. 21; кн. 641, л. 39.
51. Там же, кн. 1385, л. 1—14; МИЛЛЕР Г.Ф. Ук. соч., т. 2, с. 268.
52. РГАДА, ф. 214, кн. 11, л. 17, 19.
53. Там же, кн. 11, л. 98, 136, 165.
54. Там же, кн. 248, л. 52.
55. Там же, кн. 11, л. 176; кн. 905, л. 6.
56. Там же, кн. 1098, л. 4—5; кн. 905, л. 24—31.
57. Там же, ф. 24, д. 1, л. 13.
58. Там же, ф. 214, ст. 25, л. 1.
59. Там же, кн. 110, л. 2.
60. Там же, кн. 209, л. 1—2; кн. 248, л. 1.
61. Там же, ст. 663, л. 203—205.
62. Там же, л. 207—209.
63. НИКИТИН Н.И. Служилые люди в Западной Сибири. Новосибирск. 1988, с. 73—75.

64. РГАДА, ст. 663, л. 210—216.
65. Там же, л. 219—223.
66. Там же, ф. 214, ст. 663, л. 213—214.
67. Там же, л. 216; кн. 948, л. 78.
68. Там же, ст. 663, л. 214—215.
69. Житие протопопа Аввакума им самим написанное, и другие его сочинения. Иркутск. 1979, с. 30.
70. РГАДА, ст. 663, л. 220.
71. Там же, ст. 100, л. 120; ст. 977, л. 1—60.
72. Там же, кн. 535, л. 254—256.
73. Там же, кн. 535, л. 254—256.
74. НИКИТИН Н. И. Служилые люди..., с. 77.
75. РГАДА, ф. 199, д. 480, ч. 1, л. 1—2.
76. Там же, ф. 214, ст. 1678 л. 1—4.
77. Там же, ст. 354, л. 1; ст. 513, л. 1.
78. Там же, кн. 1044, л. 7.
79. ГРОМЫКО М. М. К характеристике сибирского дворянства XVIII в. В кн.: Русское население Поморья и Сибири. М. 1973, с. 350; АКИШИН М. О. Российский абсолютизм и управление Сибири XVIII в. М. 2003; ЕГО ЖЕ. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск. 1996, с. 26.
80. РГАДА, ф. 214, ст. 970, л. 1—10.
81. Там же, ф. 199, д. 480, ч. 1, л. 46об.
82. Там же, ф. 214, ст. 970, л. 1—14.
83. Там же, ст. 970, л. 128.
84. Там же, кн. 948, л. 3.
85. Там же, л. 15.
86. Там же, ст. 970, л. 128—130.
87. Там же, кн. 948, л. 6.
88. Там же, л. 7—14.
89. Там же, ст. 970, л. 12.
90. Там же, л. 244.
91. Там же, л. 245.
92. Там же, л. 16.
93. СТАНИСЛАВСКИЙ А. Л. Ук. соч., с. 410.
94. Там же, ст. 970, л. 250.
95. Там же, л. 39.
96. Там же, л. 30, 136—240.
97. ЛЕОНТЬЕВА Г. А. Служилые люди Восточной Сибири во второй половине XVII первой четверти XVIII вв. М. 2012, с. 64.
98. Там же.
99. РГАДА, ф. 24, д. 1, л. 13.
100. Там же, ф. 214, кн. 948, л. 1—298.
101. Там же, кн. 1044, л. 10.
102. Там же, кн. 839, л. 6; кн. 887, л. 20; кн. 987, л. 13; кн. 1119, л. 232; кн. 1306, л. 13; кн. 1406, л. 18.
103. ФЛОРЯ Б. Н. Русское общество и Смутное время. — Исторические записки. М. 2003, № 6 (123) с. 34.
104. ЛЕОНТЬЕВА Г. А. Ук. соч., с. 61.
105. ЛАПТЕВА Т. А. Провинциальное дворянство в России XVII в. М. 2010, с. 537.
106. Там же, с. 507.
107. РГАДА, ф. 214, ст. 970, л. 25—30.
108. ВАКСЕЛЬ С. Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга. Л.-М. 1940, с. 93.

Почему история не наука: размышления о специфике предмета, объекта и метода историографии

А. Н. Нестеренко

Аннотация. В публикации рассматриваются критерии научного знания и обосновывается, что ни одному из этих критериев история не соответствует. Следовательно, систематизированные представления о прошлом, с эпистемологической точки зрения, не являются наукой. Поэтому претензии историков на обладание достоверным объективным знанием не обоснованы. Историю следует рассматривать не как науку, а как синтетический вид мировоззрения, в котором научная рациональность сочетается с религиозным, мифологическим, обыденным и художественным видами мировоззрения.

Ключевые слова. эпистемология, наука, знание, мировоззрение, истина, нарратив, историография, история.

Abstract. The publication deals with the criteria of scientific knowledge, and it is argued that none of these criteria history correspond. Consequently, systematized ideas about the past (historiography), from an epistemological point of view, is not a science. Therefore, the claims of historians for the possession of reliable objective knowledge are not justified. History should be viewed not as a science, but as a synthetic kind of outlook, in which scientific rationality is combined with religious, mythological, everyday and artistic views of the worldview.

Key words: epistemology, science, knowledge, worldview, truth, narrative, historiography, history.

С того времени, как история заявила о себе как о науке, ее научной статус ставится под сомнение. Среди мыслителей, которые отрицали, что история — это наука, не только философы или писатели, такие как Фридрих Ницше, Артур Шопенгауэр, Лев Толстой, но и многие историки. Современная эпистемология достаточно подробно разработала вопрос — почему история не может рассматриваться как наука.

Нестеренко Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана (МГТУ). E-mail: rockwool@list.ru.

Nesterenko Alexander N. — candidate of philosophical sciences, associate professor of the Moscow State Technical University (BMSTU) named after N.E. Bauman. E-mail: rockwool@list.ru.

Доказать тезис о том, что история — это наука, историки пытаются с момента возникновения этой дисциплины. Определяя эту область как особый вид систематизированного и обоснованного знания о прошлом, историографы претендуют на то, что, в отличие от других видов представлений о прошлом, история является истинным и, следовательно, научным знанием. Однако если к знанию о реальности применимы критерии истины, то к рассказу о прошлом, который воплощается в форме нарратива, такие критерии неприменимы ¹.

Разумеется, прежде чем обсуждать вопрос является ли история наукой или нет, надо определиться с тем, какое знание мы будем называть научным. Сам по себе этот вопрос следует назвать дискуссионным. Можно констатировать, что объектом науки является объективная реальность, а предметом — всеобщие причинно-следственные связи, которые выступают в качестве необходимых и достаточных условий бытия. Эти связи наука формулирует в виде законов. Законы науки позволяют объяснить все попадающие под их действие единичные явления. В истории все явления уникальны и, поэтому, не могут быть объяснены на основании общих законов. Если задача науки — открытие общих законов, которые позволяют объяснить причины фактов, то, как отмечает Р. Дж. Коллингвуд, «научной истории» «не существует» так как историки не могут объяснить причины фактов прошлого, поскольку они не познаются эмпирически, а только в процессе логического вывода, и единственные законы, которым они подчиняются, — законы мышления ². Деятельность историка «состоит не в распутывании всеобщих причин или необходимых и достаточных условий, а в предъявлении нам цепочки событий (в той мере, в какой они могут быть установлены), которая является связующим звеном от одного обстоятельства к другому» ³.

Ученый, в отличие от историка, может определить необходимые условия для того, чтобы произошел какой-либо процесс (к примеру, переход вещества в новое агрегатное состояние). Историк не может установить, какие условия будут необходимы и достаточны для того чтобы, скажем, началась война. Он может лишь изложить факты, которые позволяют понять, почему данная конкретная война началась.

Основное различие между наукой и историей заключается в объекте. Историк изучает не мир физических объектов, независимый от сознания, а мир семантической реальности, созданный разумом. Если науки изучают объект, который непосредственно наблюдают, то историк имеет дело со свидетельствами других людей, но при этом у него нет возможности проверить их достоверность.

В отличие от изменчивого и бесконечного мира объективной реальности реальность семантическая неизменна и конечна. Если физическую реальность можно познать через наблюдение и эксперимент, то семантическая реальность умозрительна, и она оперирует не объектами, а понятиями: «Мир историка — это символический, а не физический универсум» ⁴. Следовательно, прошлое познается только через текст.

Также следует внести ясность в то, каким критериям должно соответствовать знание, которое мы определяем в качестве научного. Научное знание — это знание, которое, во-первых, является логически и эмпирически доказанным.

Во-вторых, это знание — непротиворечивое, ценностно нейтральное и интересубъективное — то есть независимое от позиции познающего субъекта и, поэтому, одинаковое для всех объективно и рационально интерпретирующее действительность субъектов познания.

В-третьих, это знание — объясняющее. А для того, чтобы что-то объяснить, его надо понять. Понимание означает, что знание можно проверить, воспроизведя его эмпирически, и применить на практике. Только отвечающее таким критериям объяснение, можно называть научным. Объяснения, которые не проверяются эмпирически, являются спекулятивными, так как с неизбежностью приводят к антиномиям. Именно поэтому научное знание атрибутивно апостериорно, а априорное знание, которое не может быть соотнесено с независимым от сознания объектом, не может быть научным.

Ни одному из этих критериев знание о прошлом не соответствует: «Если согласиться с определением Канта и применять термин “наука” только по отношению к знанию, достоверность которого аподиктична [безусловно достоверное, необходимое и непроверяемое], то станет ясно, что историю нельзя считать наукой»⁵.

Что же такое «историческая наука»? Это рассказ (нарратив) о событиях, имевших место в прошлом, структурированный во временной последовательности, основанный на пересказе других рассказов об этих событиях. Для этого рассказа принципиально важно понимание, что события относятся друг к другу в отношении до или после. Чем тогда история отличается от других видов познания и репрезентации прошлого, например, художественной литературы или публицистики? Делает ли историю наукой то, что историк, обосновывает свои аргументы ссылками на источники?

Прежде всего, надо отметить, что в истории, в отличие от науки, невозможно разделить объект исследования (прошлое) и познающего субъекта (историка), поскольку они представляют неразрывное целое. Это делает каждое прочтение (интерпретацию) прошлого, если только оно не сводится к простому копированию и компиляции источников, уникальным. В таком случае уровень работы историка определяется его способностью пересказать источники так, как это никто до него не делал. Но создание нового образа прошлого — задача не научная, а художественная, и в этом смысле труд историка не отличается от литературного труда.

Эпистемологической особенностью представлений о прошлом является то, что оно не существует, как объект и, поэтому, недоступно прямому наблюдению. Как отметил еще Платон, познаваемо только существующие, а знание соответствует своему предмету⁶. Объектом истории является прошлое, которое уже не существует как объективная реальность, и, следовательно, оно принципиально непознаваемо. В этом смысле о прошлом не может быть знания, поскольку оно не существует в качестве реального объекта. События прошлого — классический пример «вещей в себе» Канта, принципиально непознаваемых в силу невозможности получения непротиворечивого знания о контексте фактов прошлого: невозможно достоверно установить, почему описано именно это событие и именно так, а не иначе.

Создаваемые историей репрезентации обращаются не непосредственно к прошлому, которого уже не существует, а к артефактам, которые рассматриваются в качестве свидетельств о прошлом. Именно артефакты являются для истории объективной реальностью, которую она интерпретирует. Однако возникает вопрос: как установить, является ли данный артефакт отражением, пусть субъективным и неполным, того, что имело место в действительности или нет?

В историографии сущее сводится к тексту, который описывает актуальное небытие, и потому невозможно его эмпирическое повторение, а, следовательно, и проверка, выходящая за рамки логико-семантической системы. Фактически история — это дискуссия, содержание которой — диалог текста с другими текстами. В этом смысле «нарративные интерпретации являются не знанием, но организацией знания» ⁷.

Что бы ни утверждали историки, не существует никаких методов, позволяющих отличить в рассказе о прошлом правду от вымысла. Обусловлено это тем, что в историографии объект познания, в конечном счете, сводится к семантической реальности (тексту). Поэтому к ней не применим ни один из критериев истины, так как невозможна проверка, выходящая за рамки логико-семантической системы, и мы всегда вынуждены сравнивать один текст с другим, тогда как для проверки истинности надо сравнивать мысль с объектом. Поэтому представления о прошлом «никогда нельзя проверить точно таким же образом, как мы проверяем наши естественнонаучные гипотезы» ⁸.

В связи с этим возникает вопрос, чем руководствуется историк, если ему приходится выбирать между несколькими взаимно противоречащими суждениями? Никаких других оснований, кроме субъективной позиции автора, в распоряжении историка нет. Поэтому никакие репрезентации прошлого нельзя отнести к знанию и, следовательно, к науке.

Поскольку история это не что иное, как мнение, то и не существует никакого объективного (научного) способа систематизации представлений о прошлом. В лучшем случае, этот способ обусловлен традицией или конвенцией. Но, зачастую, эта систематизация основана на идеологии или же в ее основе лежат интересы тех, кто управляет настоящим ⁹. В связи с этим швейцарский историк Яков Буркхардт отмечает: «Из всех наук история является самой ненаучной, поскольку она в наименьшей мере обладает или может обладать надежным, признанным методом отбора материала» ¹⁰.

Вообще, необходимо отметить, что изучать прошлое — естественная способность человека, не требующая никаких специфических навыков или умений. Навык анализировать свое прошлое и оценивать его влияние на настоящее присущ каждому как неотъемлемый атрибут жизненного опыта и, в этом смысле, каждый человек является историком. Следует признать, что «исследовать прошлое и судить о нем — чрезвычайно банальное занятие, которому мы предаемся почти каждый день: например в процессе припоминания чего-либо или при ответе на такой простой вопрос, как “Где ты раздобыл такую шляпу?”» ¹¹ В таком случае, нет никаких отличий историографии, как одной из форм исторического познания, от других видов деятельности, разделяющих с ней интерес к прошлому.

Работа историка так же, как, например, работа журналиста, сводится к пересказу чужих слов и их интерпретации. Поэтому история — это не что иное, как компиляция фактов из различных источников, их сравнительный анализ и интерпретация с точки зрения позиции настоящего. Ведь то, как именно историк понимает и интерпретирует текст источника, обусловлено тем, что он живет в другое время и поэтому обладает знаниями о том, что произошло позже событий, о которых повествует данный источник. Такой подход изначально метафизический, а не научный, потому что предполагает недопустимую инверсию настоящего в прошлое, когда мы оцениваем исторические события с точки зрения того, как их видит исследователь, который живет в другой эпохе. В результате этого полученное суждение неизбежно носит оценочный характер, а любое оценочное суждение онтологически субъективно.

При этом источники — хроники, мемуары, документы, с которыми имеет дело историк, в конечном счете, не представляют научного интереса, так как не содержат ничего нового, и сами по себе не актуальны. Они могут быть интересны как художественные произведения, редкости, сувениры и т.д., но не как объекты науки. Фактически историография занимается бесконечным повторением одних и тех же фактов из одних и тех же источников. Ее «научная новизна» при этом сводится к новым интерпретациям.

Если действительно «наука начинается со знания нашего собственного незнания», то история в качестве науки должна начинаться не с компиляции источников, а с установления того, о чем они умышленно умалчивают¹². Ведь самое важное для понимания прошлого не то, что современники считают нужным оставить в качестве памяти о себе будущим поколениям, а то, что они хотят от них скрыть. Поэтому источники следует рассматривать именно с точки зрения того, о чем они умышленно умалчивают. Только таким способом мы устраним «белые пятна» прошлого и получим новое знание. Но и в этом случае история не станет наукой, потому что, если представление о прошлом, опирающееся на источники, имеет хоть какое-то независимое от познающего субъекта основание, то гипотетические представления о том, о чем источник не сообщает, целиком обусловлены субъектом познания. Конечно, логика позволяет выстраивать доказательную базу и таких гипотез, но в этом случае мы, как уже отмечалось, с неизбежностью приходим к антиномии.

Кроме того, каждая новая эпоха открывает новые горизонты понимания прошлого и требует его переосмысления. Поэтому история постоянно обречена на переписывание, а историк по отношению к своему источнику выступает как пророк. Но пророчество историка основано не на знании необходимых причинно-следственных связей, на котором основано научное прогнозирование, а на простой констатации того, что уже произошло. Современник не может знать, что случится в следующий момент времени и как на это повлияет настоящее. Историк, живущий в другую эпоху, это знает. Но, он не может дать научное объяснение, почему события произошли так, а не иначе.

В отличие от науки, которая изучает всеобщие и необходимые причинно-следственные связи, сформулированные в виде законов, история изучает единичное и случайное. Еще Аристотель обнаружил эту особен-

ность представлений о прошлом, утверждая что «поэзия философичнее и серьезнее истории, ибо поэзия больше говорит об общем, история — о единичном»¹³. То есть художественная литература «научнее» историографии, ибо последняя — простое собрание «фактов», в то время как писатель или поэт на основании фактов делает свойственные науке выводы о всеобщих необходимых принципах устройства бытия.

Есть история Французской революции, а есть история Франции XVIII века. Есть история Европы XVIII века. Все эти частные истории, которые можно конкретизировать до атомарного состояния, биографий отдельных личностей, связаны между собой только семантическими конструкциями, воплощенными в нарративе. Общих законов, которые могут объединить в единую систему причинно-следственных связей и объяснить, почему произошло именно так, а не иначе, в истории нет. Поэтому невозможно построение научной теории, которая служит для объяснения эмпирически установленных регулярностей. «Теоретическое построение, которое не может объяснить ни одной регулярности, теорией не является»¹⁴. Отличие науки от истории заключается в том, что наука конструирует объясняющие теории, а история — нарративы. Это различие выражается в том, что «наука имеет дело с предикатами, а историография — с высказываниями»¹⁵.

Если научная теория — это не просто описание причинно-следственных связей, но и каузальное объяснение, то есть подведение индивидуальных случаев под гипотетические общие законы, то историческое повествование — это только репрезентация прошлого с точки зрения настоящего. И если научная теория описывает существенные свойства объекта, то исторический нарратив рассказывает не о прошлом, а о том, как его представляет историк. В этом смысле историю можно назвать диалогом настоящего с прошлым.

Научная теория объясняет, если не содержит противоречия. Поэтому объяснение в науке имеет форму: «это произошло потому, что». Форма: «это произошло поэтому или совсем по-другому» не может рассматриваться как научное объяснение. Как отмечает А. Мегилл, идеалом науки является создание единственной, непротиворечивой теории, а идеалом истории — оставить суждение в пространстве между противоречивыми утверждениями¹⁶.

Факт прошлого можно объяснить только при помощи другого факта прошлого, рассматривая их в отношении причина-следствие. Но данное отношение будет носить единичный случайный характер, принципиально отличный от причинно-следственных связей, изучаемых наукой. Например, причиной второй мировой войны стало нападение Германии на Польшу в 1939 г., а ее следствием — поражение Германии в 1945 году. Но взаимосвязь этих двух фактов, безусловно связанных между собой, объяснить «по-научному» невозможно, так как между ними нет необходимой причинно-следственной связи, которую можно сформулировать или описать в виде закона.

Единственно возможная проверка достоверности фактов прошлого — определение их соответствия источнику. Но проверить достоверность сведений, изложенных в источнике, полностью и соответствие его событиям, имевшим место в действительности, возможно только в об-

ласти разума или интуиции, что исключает отнесение истории к научному знанию. Разные концепции понимания прошлого — есть дискуссия не о фактах или событиях, имевших место в действительности, а об их интерпретации. Репрезентация прошлого — это всегда паллиатив: текст — субъективная упорядоченность фактов, зависящая от воли его автора.

Даже в тех случаях, когда прошлое можно реконструировать, такая проверка нарратива не позволяет установить его истинность. Исторические реконструкции доказывают только возможность того или иного гипотетического события, но не позволяют утверждать, что оно на самом деле произошло в реальности. Например, историческими реконструкциями успешно занимался Тур Хейердал. Его эксперименты подтвердили гипотезу о возможности контактов культур древнего Средиземноморья и Полинезии с Мексикой и Перу, однако не доказали, что они имели место в действительности.

Еще одной отличительной особенностью научной теории является использование общих понятий, которые обозначают конкретную реальность и могут быть с ней однозначно и intersубъективно соотнесены в процессе познания. Прошлое описывается с помощью сингулярных высказываний, а систематизируется с помощью концептов, которые произвольно соотносятся с бесконечным множеством разнообразных конкретных реальностей, объединяемых по пространственно-временному признаку, или вообще не соответствуют никакой реальности. Например: Средние века, Ренессанс, вторая мировая война, татаро-монгольское иго, период феодальной раздробленности и т. д.

Так как понятия, которые используют историки для репрезентации прошлого, не имеют однозначного соответствия реальности, они не могут интерпретироваться intersубъективно. Какие события входят в понятие Великая Октябрьская революция и как их ранжировать по важности? Или это была не революция, а переворот? Соответственно возникает вопрос, а что же следует понимать под революцией. Тогда сторонники того, что это была революция, найдут факты, которые подтверждают их теорию. Противники этой концепции приведут факты, ее опровергающие. Нет и не может быть однозначного ответа на вопрос, когда революция началась и когда закончилась. Было ли две революции (Февральская и Октябрьская) или одна. Таким образом, не одно из историографических описаний событий в России 1917 г. не может быть ни более объективным и ни более истинным, чем конкурирующие описания. В результате историография основывается «на гипотетических конструкциях возможных объектов исследования, требующих толкования с помощью процессов воображения, имеющих больше общего с “литературой”, чем с какой-либо наукой»¹⁷.

Атрибутом научного знания является его объективность. История выступает как инструмент объективизации памяти, но память всегда носит не только субъективный, но и ценностно-ориентированный характер, что делает представления о прошлом атрибутивно субъективными. История дает оценки прошлому с точки зрения морали. Она выносит суждения о значении события, наделяя его положительным или отрицательным значением.

Исторические источники и их компиляции в историографии предполагают использование метафизических понятий, таких как добро, зло, красота, польза, вред и т. д., которые комбинируются с событиями (фактами) прошлого. Но «решение моральных проблем лежит вне сферы науки. Мнение ученого о том, что есть добро, а что есть зло, не более обосновано, чем мнение любого другого человека»¹⁸.

История представляет собой совокупность множества концептов, основанием которых выступают конвенционально принятые, как особо значимые (памятные), события (даты). Таким образом, прошлое становится историей путем создания концептов, на основании которых совокупности фактов приписывается смысл и в соответствии с этим смыслом они систематизируются и обобщаются, становясь обозначением для определенного пространственно-временного континуума.

Возникает вопрос: что является основанием для создания концептов? Почему историк осуществляет репрезентацию фактов прошлого именно таким, а не иным образом? Признание тех или иных событий значимыми обуславливает отношение историка к прошлому. Соответственно существует множество разных описаний прошлого («историй»), которые соответствуют представлениям различных «мы-групп» в разные моменты времени, о своем коллективном прошлом. В рамках этих представлений одни события признаются значимыми, другие — целенаправленно игнорируются. В конечном итоге историк будет интерпретировать события прошлого не исходя из фактической реальности, а в рамках парадигмы, заданной историографическим концептом.

Таким образом, фактологический континуум, включенный в содержание исторического концепта, определяется не объективной необходимостью, а рациональностью, основанием которой выступает мировоззренческая позиция историка. В этом смысле не события прошлого определяют содержание концепта, а позиция и интересы историка детерминируют над тем, как он описывает события прошлого, а история — «это всегда реакция заинтересованного лица, сторонника той или иной позиции»¹⁹.

Это неизбежно приводит к тому, что историк соотносит некоторые события прошлого с каким-то концептом на основании своих субъективных пристрастий, обусловленных его принадлежностью к определенной группе. Н.М. Карамзин сформулировал эту мысль так: «Пусть Греки, Римляне пленяют воображение: они принадлежат к семейству рода человеческого и нам не чужие по своим добродетелям и слабостям, славе и бедствиям; но имя Русское имеет для нас особенную прелесть: сердце мое еще сильнее бьется за Пожарского, нежели за Фемистокла или Сципиона»²⁰.

Чем меньше в обществе свободы, тем больше история выступает в качестве политического инструмента, направленного на то, чтобы управлять представлениями о прошлом: устанавливать «новые» праздники, возводить мемориалы, утверждать учебные программы, заказывать произведения искусства, прославлять одних исторических личностей и уничтожать память о других. Чтобы придать такой политике легитимность, история причисляется государством к наукам, а полученные ею представления о прошлом представляются как истина. В этом смысле

история тяготеет к догматизму, в то время как научному знанию атрибутивно свойственна плюралистичность.

Но, настоящее становится прошлым в результате актуализации различных равновероятностных альтернатив, подчиняющихся в большей степени случаю, чем рациональной деятельности индивидов и социальных групп. Следовательно, невозможна единственно верная безальтернативная интерпретация исторических событий. Поэтому не существует одной истории, а есть множество нарративных репрезентаций прошлого, каждая из которых отражает потребность определенной группы в определении идентичности в рамках смыслового континуума «мы-они». Но ни одна из них не имеет эксклюзивного права на истину: «не существует одного прошлого потому что не существует одного настоящего»²¹.

Историю, как деятельность, направленную на систематизацию представлений о прошлом, следует рассматривать как синтетический вид мировоззрения. Она сочетает в себе создание образов (мифология), постулаты, принимаемые на веру (религия), обусловленность личным опытом (обыденное), литературную форму и содержание (художественное) с признаками научного мировоззрения, проявляющегося в использовании понятийного аппарата, доказательстве выдвигаемых гипотез и критическом отношении к свидетельствам источников.

История по форме, содержанию и способам репрезентации прошлого относится не к науке, а к идеологии, искусству, мифологии, обыденному мировоззрению и религии. Она представляет собой «гермафродит научной рациональности и литературной формы»²².

Таким образом, то, что мы называем исторической наукой, эпистемологически представляет собой метафизическую спекуляцию, которая неприменима для понимания реальности и, следовательно, не является ни наукой, ни научным методом. Поэтому, сложившуюся в социуме систему представлений о прошлом следует называть не исторической наукой, а историографией.

Примечания

1. О невозможности применения к рассказу о прошлом критериев истины рассуждает, например, Ф.Р. Анкерсмит в работе «Нарративная логика. Семантический анализ языка историков». См.: АНКЕРСМИТ Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. 2003, с. 101—117.
2. КОЛЛИНГВУД Р. Дж. Идея истории. Автобиография. М. 1980, с. 169.
3. ОУКШОТ М. Деятельность историка. В кн.: Рационализм в политике и другие статьи. М. 2002, с. 144.
4. КАССИРЕР Э. Избранное. Опыт о человеке. М. 1998, с. 677.
5. Там же, с. 679.
6. ПЛАТОН. Собрание сочинений в 4-х томах. Т. 3. М. 1994, с. 211—212; 257.
7. АНКЕРСМИТ Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М. 2003, с. 123.
8. КОЛЛИНГВУД Р. Дж. Ук. соч., с. 9.
9. «Кто управляет настоящим, тот управляет прошлым». ОРУЭЛЛ ДЖ. «1984» и эссе разных лет: Роман и художественная публицистика. М. 1989, с. 41.
10. БУРКХАРДТ Я. Размышления о всемирной истории. М.-СПб. 2013, с. 401—402.
11. ОУКШОТ М. Ук. соч., с. 129—130.

12. КОЛЛИНГВУД Р. Дж. Ук. соч., с. 12.
13. АРИСТОТЕЛЬ. Поэтика. Сочинения в четырех томах. Т. 4. М. 1983, с. 655.
14. ЛООНЕ Э.Н. Современная философия истории. Таллин. 1980, с 176.
15. АНКЕРСМИТ Ф.Р. Нарративная логика. Семантический анализ языка историков. М. 2003, с. 351.
16. МЕГИЛЛ А. Историческая эпистемология. М. 2007, с. 194.
17. УАЙТ Х. Метаистория: Историческое воображение в Европе XIX века. Екатеринбург. 2002, с. 12.
18. ЛЕФЕВР В. А. Стратегические решения и мораль. — Рефлексивные процессы и управление. 2002, т. 2, № 1, с. 24—26.
19. ОУКШОТ. М. Ук. соч., с. 137.
20. КАРАМЗИН Н.М. История государства Российского в 12 томах. Т. 1. М. 1989, с. 14.
21. ОУКШОТ М. Ук. соч., с. 138.
22. РЮЗЕН Й. Утрачивая последовательность истории. — Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 7. М. 2001, с 10.

Проблема статуса азербайджанских тюрков в Иране

М.М. Агазаде

Аннотация. Публикация посвящена изучению роли фактора азербайджанских тюрков в Исламской Республике Иран (ИРИ) в процессе обеспечения региональной стабильности на Среднем Востоке. В центре внимания находятся современные концепции мобилизации протестной активности данной, второй по величине после персов, этнической группы. Тот факт, что азербайджанские тюрки занимают особое место в военной и религиозной сферах страны и обладают способностью быстро мобилизоваться во время событий, происходящих внутри Ирана, повышает их значимость не только во внутренней политике ИРИ, но и в регионе Среднего Востока. Однако время от времени ущемление их интересов вызывает напряженность. А любое противостояние, которое может произойти между этническими группами в Иране, способно привести к нарушению стабильности как в этой стране, так и на Среднем Востоке в целом.

Ключевые слова. азербайджанские тюрки, Иран, региональная безопасность, национально-политические организации, спортивный национализм.

Abstract. The article is devoted to the study of the role of the factor of Azerbaijani Turks in the Islamic Republic of Iran (IRI) in the process of ensuring regional stability in the Middle East. The focus is on modern concepts of mobilizing the protest activity of this second largest after the Persian ethnic group. The fact that Azerbaijani Turks take special places in the military and religious spheres of the country and have the ability to quickly mobilize during the events taking place inside Iran increases their importance not only in Iran's domestic policy, but also in the Middle East region. However, from time to time, the infringement of their interests in one way or another causes tension. And any confrontation that may occur between ethnic groups in Iran can lead to a violation of stability both in Iran and in the Middle East.

Key words: Azerbaijani Turks, Iran, regional security, national political organizations, sports nationalism.

Несмотря на то, что отношения между тюрками и персами восходят к древним временам, лишь с X в. тюрки стали играть важную роль в политической жизни Ирана. В этом веке Газневиды захватили восточный Иран, и первая тюркская династия начала управлять Ираном. Это продолжалось с интервалами вплоть до 1925 года¹. Азербайджанские тюрки

Агазаде Мирмехти Миркамил оглы — аспирант, ассистент кафедры теории и истории международных отношений Российского университета дружбы народов (РУДН). E-mail: aghazada53@gmail.com.

Agazade Mirmekhti M. — postgraduate student of the Department of the Theory and History of International Relations. Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University). E-mail: aghazada53@gmail.com.

впервые стали играть важную роль в общественной и политической жизни Ирана, когда их предки, сельджуки, заняли Иран после Газневидов в XI веке. В 1501 г., с созданием империи Сефевидов, столицей которой был город Тебриз, они фактически стали главной силой в Иране ². Восшествие на престол шаха Аббаса I в 1587 г., перенесение столицы в Исфахан и передача большей части важных позиций персам частично ослабили позиции азербайджанских тюрков. С введением политики персификации была заложена основа тюркско-персидского противостояния в стране, и со временем это соперничество выливалось в различные конфликты. Но, несмотря на конкуренцию между двумя народами, тюркизм и шиизм оставались основными идеологиями на государственном уровне. Однако выбор Сефевидами джафаритского толка в качестве официальной идеологии империи стал причиной отдаления азербайджанских тюрков от других суннитских тюрков.

После подписания Гюлистанского договора между Россией и Ираном в 1813 г. ³ и Туркманчайского договора в 1828 г. ⁴ азербайджанские тюрки были разделены, став частью двух разных стран — России и Ирана, сильно отличавшихся друг от друга по образу жизни. Их стали называть «северными» и «южными» азербайджанскими тюрками в зависимости от их нахождения — севернее или южнее р. Аракс, которая делит азербайджанский народ на две части.

В начале XX в., во время роста популярности идей национализма в Иране, процесс самоидентификации азербайджанских тюрков как нации ускорился. В это время появилось национальное движение под руководством шейха Мухаммеда Хиябани. 7 апреля 1920 г. шейх М. Хиябани создал государство под названием Азадистан (Страна свободы) в Иранском Азербайджане, но был убит в результате столкновения с армией, направленной центральным правительством Ирана в сентябре того же года для подавления восстания, и независимость основанного им государства была отменена.

Иранская политическая элита начала меняться в 1925 г. с приходом к власти Реза-хана, ставшего шахом Ирана. Азербайджанским тюркам стало особенно сложно занимать места в правительстве и активно участвовать в политической и культурной жизни страны. Реза-шах, объединяя иранское государство на основе национальной идентичности персов и персидского языка, начал проводить политику ассимиляции всех неперсидских народов с целью создания единой «иранской нации». В 1930 г. персидский язык был объявлен официальным языком Ирана, в 1935 г. были изменены географические и исторические названия, которые до этого были не на персидском языке, а Персия стала именоваться Ираном. В 1937 г. Иранский Азербайджан, который до того времени был единой географической и административной провинцией, был разделен на две части — Восточный и Западный Азербайджан ⁵. Позднее закрытие границ этих провинций с Турцией и СССР усугубило экономическую ситуацию в регионе, и в результате большая часть элиты города Тебриз переехала в Тегеран ⁶.

С окончанием второй мировой войны азербайджанские тюрки с помощью СССР в ноябре 1945 г. создали Азербайджанское народное правительство. Однако ровно через год из-за изменения политической си-

туации на международной арене оно было вынуждено прекратить свою деятельность.

Стремясь получить привилегии в некоторых областях, азербайджанские турки активно участвовали в Исламской революции 1979 года. Тебриз стал центром революционной деятельности, ускорившей падения шахского режима⁷. В Иранском Азербайджане с новой силой развернулось национальное движение, и аятолла Шариатмадари, один из ведущих лидеров Исламской революции, потребовал автономии Азербайджана. Под его руководством была создана Мусульманская народная партия. Однако 7 декабря 1979 г., по приказу нового правительства, на его дом в г. Кум был совершен налет, протесты людей в Тебризе подавлены, и центральное правительство взяло город под свой контроль. Понимая бесполезность сопротивления, сторонники Шариатмадари были вынуждены прекратить протесты.

В начале 1990-х гг. иранское правительство начало менять названия провинций и их границы. Объявление о создании новой провинции под названием «Савалан», разделившей часть провинции Восточного Азербайджана в 1993 г., привело к волне протестов против решения Тегерана. Жители были не довольны не только переименованием, но и своим экономическим и социальным положением. Следует отметить, что во время протестов студенты часто указывали на их приверженность Ирану и исламским ценностям и считали религиозной обязанностью иранского правительства создавать комфортные условия для азербайджанских турков. Тем не менее, несмотря на возражения, Иранский Азербайджан был разделен на 4 провинции — Восточный и Западный Азербайджан, Ардабил и Зенджан.

В течение этого периода некоторые внешние факторы также влияли на деятельность азербайджанских турков в Иране. Самым важным из них стало восстановление независимости Азербайджанской Республики (АР) после распада СССР в 1991 г. и избрание в 1992 г. А. Эльчибея на пост президента АР. Его выступление по проблеме иранских турков было встречено аплодисментами, приведя к ухудшению отношений между Баку и Тегераном в 1992—1993 годах. С другой стороны, включение принципа секуляризма в Конституцию АР 1995 г. вызвало протесты в Тебризе. Особенно критиковали это решение иранские религиозные деятели азербайджанского происхождения.

Известно, что Иран является одной из стран с самым большим этническим разнообразием. Нации и этнические меньшинства, проживающие там, в соответствии с языковым фактором в основном разделены на две части — ираноязычные и тюркоязычные. Ираноязычные группы состоят из персов, курдов, луров, талышей и т.д., а тюркоязычные — из азербайджанских турков, кашкайцев, туркмен и т.д.⁸ Существует два основных мнения о происхождении турков в Иране. Согласно первому, они иммигрировали из Средней Азии в Иран в VII—XI вв. и создали свое государство на территории современного Ирана. Согласно второму, часть иранского общества тюркизировалась под влиянием небольших тюркских групп после того, как турки захватили Иран (это мнение было выдвинуто Ахмедом Кесрави во времена Пехлевидов, однако его научная основа довольно слабая). Основная часть тюркоязычных народов — это

азербайджанские тюрки, проживающие в Иранском Азербайджане, Тегеране, Исфахане, Хамадане, Хорасане, Араке, Солтанабаде, Гилане, Мазандаране и в других городах.

В иранской историографии азербайджанские тюрки считались самой лояльной этнической группой до конца XIX — начала XX в., но этот социальный статус был утрачен в результате роста национализма в Иране в начале XX века ⁹.

С экономической точки зрения азербайджанские тюрки более интегрированы в иранскую систему, чем любая другая этническая группа. Они занимают важное место в армии и среди религиозных деятелей. Наиболее видным примером является Верховный лидер Ирана аятолла Али Хаменеи.

Можно сказать, что один из главных споров, касающийся иранских азербайджанцев, связан с их численностью. Трудно определить их точное число, поскольку перепись населения в Иране осуществляется без учета этнической принадлежности. Еще один момент, который привлекает к себе внимание, заключается в том, что Азербайджан и Иран, а также Турция — главный соперник Ирана на Ближнем и Среднем Востоке — публикуют цифры, исходя из своих политических интересов. Так, по данным иранских источников, 15—20% населения Ирана, то есть около 16 млн. чел., являются азербайджанскими тюрками ¹⁰. По данным азербайджанских источников, этот показатель составляет около 30—35 млн. человек ¹¹. А в турецких источниках отмечая тот факт, что большинство тюрков, проживающих в Иране, являются азербайджанскими тюрками, считают, что в Иране проживает около 35—40 млн. тюрков ¹². По российским данным, этот показатель составляет около 20 млн. человек ¹³. Различные цифры также встречаются в западных источниках ¹⁴. Однако трудно отрицать тот факт, что азербайджанские тюрки являются второй по величине этнической группой в Иране после персов, и их количество составляет примерно 85% от всех тюркоязычных народов, проживающих в Иране ¹⁵. С другой стороны, несмотря на отсутствие официальных документов, относительно числа азербайджанских тюрков, проживающих в Иране, их количество можно определить, исходя из слов бывшего министра иностранных дел Ирана Али Акбара Салехи. Так, во время своего официального визита в Турцию он заявил, что 40% людей, проживающих в Иране, говорят на тюркском языке ¹⁶. Принимая во внимание тот факт, что сегодня население Ирана составляет более 80 млн. чел., можно подсчитать, что на тюркском языке говорят примерно 32 млн. человек. Если учесть, что 85% тюркоязычных народов, проживающих в Иране, являются азербайджанскими тюрками, то можно сделать вывод о том, что там проживают примерно 26—27 млн. азербайджанских тюрков, которых можно разделить на пять групп:

- 1) те, кто считают себя полностью ираноязычной арийской расой (полностью ассимилированные);
- 2) пантюркисты, которые верят в единство тюркского мира (идеология «Великого Турана»);
- 3) выступающие за автономию, которые называют себя именно азербайджанскими тюрками;
- 4) те, кто хотят создать независимое государство;

5) стремящиеся вернуть себе доминирующее положение как нация, правившая Ираном на протяжении многих веков.

В целом, независимо от стиля политического мышления, быстрая мобилизация азербайджанских тюрков во время событий в общественной, социальной и политической жизни Ирана является самым важным фактором, отличающим их от других этнических групп.

Одной из первых политических организаций в Иранском Азербайджане считается Национально-освободительное движение Южного Азербайджана (НОДЮА). Организация начала действовать с 1991 года. С 1994 г. в Иране, Азербайджанской Республике и ряде зарубежных стран функционируют комитеты и департаменты НОДЮА. В уставе организации отмечается, что в случае признания национальных прав азербайджанских тюрков, политическая цель НОДЮА — объявление Южного Азербайджана автономной республикой в рамках Иранского государства, в противном случае организация будет бороться за полную независимость Южного Азербайджана. НОДЮА имеет также программы в экономической, социальной и культурной сферах ¹⁷.

Важные нововведения появились в организации азербайджанских тюрков во время выборов в Исламский Совет Ирана в 1996 году. Сотрудник Тебризского Университета М. Чехраганлы, выдвинув свою кандидатуру, смог организовать успешную избирательную кампанию, основными положениями которой были: необходимость предоставления официального статуса азербайджанскому языку и предотвращение стагнации экономики Иранского Азербайджана. И хотя он собрал более 600 тыс. голосов и имел право стать депутатом, центральное правительство выступило против него, вынудив его снять свою кандидатуру. Это событие стало причиной протестов избирателей в Тебризе в мае 1996 года. В 2000 г., на следующих выборах, попытка Чехраганлы повторно выдвинуть свою кандидатуру была пресечена в самом начале. В связи с этим, НОДЮА выбрала его своим лидером, однако в 2002 г. Чехраганлы из-за внутренних разногласий в организации был вынужден ее покинуть. Вместе с группой людей, ушедших вместе с ним из НОДЮА, он в том же году создал «Движение национального пробуждения Южного Азербайджана» (ДНПЮА), открывшего 24 представительства за рубежом. ДНПЮА признана ООН, Европейским союзом и Европейским парламентом ¹⁸.

После Исламской революции около 1,5 млн. азербайджанских тюрков эмигрировали из Ирана и открыли в Великобритании, Швеции, Норвегии, Финляндии, Дании, Германии, Франции, Нидерландах и других странах азербайджанские культурные центры. Впоследствии на базе этих центров появились некоторые политические организации, работающие за рубежом.

Организации, действующие за пределами Ирана, можно разделить на две группы. Первые требуют полной независимости Южного Азербайджана от Ирана, а вторые выступают за создание автономии в рамках Иранского государства. Такие организации, как Единый независимый Азербайджанский фронт, Национальный фронт освобождения Южного Азербайджана, Партия национального возрождения Южного Азербайджана, Освободительная организация Азербайджана, Партия независи-

мости Южного Азербайджана в своих уставах поставили перед собой цель — добиваться независимости Южного Азербайджана. Эти организации работают над созданием южно-азербайджанского иммигрантского государства и его продвижения по всему миру, как способ привлечения внимания международного сообщества к проблеме Южного Азербайджана. Сделав этот шаг, они хотят достичь следующего:

1) более детально знакомить ведущие мировые государства и международные организации с проблемами азербайджанских тюрков, проживающих в Иране;

2) укреплять национально-освободительное движение в Иране;

3) привлекать внимание к проблемам азербайджанского народа, разделенного на две части;

4) мобилизовать азербайджанских тюрков, проживающих в Иране, в случае самоопределения нации в будущем.

Некоторые из этих организаций, действующих в зарубежных странах, заявляют, что борьба за автономию является более перспективной, чем борьба за независимость, и поддерживают идею «единой иранской нации». Модель автономии, предложенная Движением демократического федерализма Азербайджана, подвергается серьезной критике со стороны других организаций, выступающих за полную независимость.

Один из лучших способов объединить людей с политической, социальной и культурной точек зрения, это спорт. Футбольный клуб Трактор Сази и его болельщики раньше всех реагируют на процессы, происходящие в Иранском Азербайджане, озвучивают националистические лозунги и лозунги пантюркизма. Футбольный клуб был создан в 1970 г. и, в связи с тем, что его спонсором является Тракторный завод, один из крупнейших заводов Тебриза, был назван Трактор Сази. Болельщики клуба сравнивают себя с болельщиками Барселоны, чьи болельщики во время матчей озвучивают лозунги «Каталония — не Испания». Фанаты клуба Трактор Сази, в свою очередь, часто выкрикивают следующие националистические лозунги на стадионах: «Все люди имеют право учиться на своем родном языке», «Азербайджан — наш, Афганистан — ваш», «Да здравствует свободный Азербайджан» и т. д.

Болельщики клуба с 2010 г. стали выступать против осушения озера Урмия¹⁹. Отказ от проекта по снабжению этого озера водой в августе 2011 г. в Исламском Меджлисе Ирана был встречен сильным неодобрением со стороны фанатов клуба.

Для сравнения следует отметить, что в 2004 г. в южном регионе АР, где в основном проживают этнические талыши, был создан футбольный клуб Хазар Ленкорань. Болельщики клуба на стадионе во время матчей выкрикивали националистические лозунги, в результате чего в 2016 г. лицензия клуба была отозвана Ассоциацией футбольных федерацией Азербайджана (АФФА) во избежание дестабилизации внутренней ситуации в стране.

Хотя в Иране также было несколько попыток отобрать лицензию клуба Трактор Сази, однако, в конце концов, она была продлена. С другой стороны, в отличие от ситуации с талышами в АР, иранское футбольное сообщество понимает, что азербайджанские тюрки, проживающие в Иране, будут активно протестовать против закрытия клуба, и поэтому пока

не рискует идти на этот серьезный шаг. Однако поводы для протестов появляются не только в рамках футбола.

Публикация карикатуры о тюрках в государственной газете в мае 2006 г. привела к началу митингов и протестов в городах, где компактно проживают азербайджанские тюрки, включая Тебриз. На карикатуре было изображено насекомое, которое говорит на азербайджанском тюркском языке²⁰. Карикатура, в первую очередь, привлекла внимание студентов, которые направили правительству протестные письма. Однако власти предпочли не комментировать сложившуюся ситуацию и не воспринимать ее всерьез. Это еще больше разозлило людей и в итоге привело к началу массовых протестов. Хотя иранское правительство, опасаясь дальнейшего роста напряжения в обществе, закрыло газету, однако это никого не успокоило. Для подавления антиправительственных выступлений была применена сила. Ситуация с карикатурой показала властям Ирана, что:

- 1) шиизм впервые утратил свою функцию соединительного элемента;
- 2) персы и азербайджанские тюрки впервые столкнулись с опасностью серьезного противостояния;
- 3) впервые в недавней истории Ирана азербайджанский язык получил яростную защиту;

С точки зрения Иранского Азербайджана:

- 1) религиозный фактор, представляющий собой одну из составляющих национальной идентичности, впервые уступил понятиям нации и языка;
- 2) азербайджанские тюрки своими протестами смогли привлечь к себе внимание мировых СМИ;
- 3) впервые публично было озвучено стремление к независимости.

После этих событий самые сильные протесты по поводу национальной идентичности произошли в 2015 году²¹. Так, 6 ноября 2015 г. на государственном телевидении Ирана в детской комедийной программе показали, как ребенок азербайджанского происхождения в отеле по ошибке почистил зубы туалетной щеткой, а отец мальчика, извинившись перед владельцем отеля, сказал, что плохой запах в отеле, оказывается, исходил от ребенка. Уже на следующий день после выхода этой программы в Иранском Азербайджане начались протесты. Первыми на улицы вышли студенты университета Урмии. Затем выступления распространились на Тебриз, Хой, Марага, Зенджан и Тегеран. Наибольшее внимание привлекла к себе голодовка в тюрьме азербайджанских тюрков, которые таким образом выразили свое негодование²². Руководство телеканала принесло извинения, сняло с эфира программу и наказало всю съемочную группу.

Следующий подобный инцидент произошел 20 июля 2016 г. после того, как газета «Tərh-i No» назвала тюрков несчастной и плохой расой²³. В результате массовых протестов 25 июля 2016 г. редактор газеты принес свои извинения и заявил, что статья была опубликована по ошибке.

Последние серьезные волнения произошли 22 августа 2018 года. Они были вызваны тем, что газета «Tasnim» назвала кашкайцев ворамми²⁴. Интересно, что уличные выступления составили лишь малую часть протестной активности. Основным местом концентрации недовольства

стали социальные сети. Азербайджанские тюрки еще раз показали себя защитниками всех тюркоязычных групп в Иране.

В целом, несмотря на то, что азербайджанские тюрки, проживающие в этой стране, занимают важное место в социальной, культурной и религиозной жизни, тем не менее, время от времени они подвергаются оскорблениям, что увеличивает напряженность между этническими группами Ирана.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, несмотря на тенденцию снижения роста национализма в мире в настоящее время, в Иране, ввиду его сложного географического положения, а также событий, происходящих на Ближнем и Среднем Востоке, этот вопрос остается актуальным. С другой стороны, продолжающаяся политика ассимиляции неираноязычных народов, сохраняет его актуальность. Хотя азербайджанские тюрки занимают важное место в военной и религиозной жизни Ирана, они также пытаются быть активными и в области политики. Это стремление, с одной стороны, связано с тем, что на протяжении нескольких веков они занимали значительное место в политическом управлении Ирана, а с другой стороны, вызвано стремлением обеспечить возможность расширения своих прав в будущем. Однако время от времени ущемление интересов азербайджанских тюрков тем или иным образом, вызывает напряженность в пределах Ирана. А любое противостояние между этническими группами в Иране может привести к нарушению стабильности не только в Иране, но и на Среднем Востоке.

Примечания

1. ATTAR A. İran'ın farslaşma süreci ve bu süreçte farsçanın rolü. *Erdem dergisi*. 2008, sayı52, s. 1—40. <http://akmb.gov.tr/userfiles/files/EskiErdem%20pdf/Erdem%2052.pdf>.
2. İPEK C.D. Güney azerbaycan türklerinde Kimlik sorunu. *Türk Dünyası İncelemeleri Dergisi*. — *Journal of Turkish World Studies*. 2012, XII/1, s. 267—283. http://tdid.ege.edu.tr/files/dergi_12/11.pdf.
3. ИСМАИЛОВА А.М. Гюлистанский мирный договор 1813 года и Российская политика на Южном Кавказе в XIX веке. — *Вестник Челябинского государственного университета*. 2013, № 36 (327), с. 40—43.
4. ЛАРИН А.Б. Туркманчайский мирный договор и формирование новой линии российской политики в Иране. — *Вестник СамГУ*. 2014, № 5 (116), с. 56—61.
5. KALAFAT Y., KƏSKİN A. İranlılıq paradiqmasının çöküş prosesi və Güney Azərbaýcan milli hərəkatının yüksəlişi. *Güney Azərbaýcan: tarixi, siyasi və kulturoloji müstəvidə*. Bakı. 2010. http://elibrary.bsu.az/books_460/N_191.pdf.
6. SHAFFER B. *Borders and Brethren: Iran and the Challenge of Azerbaijani Identity*. Cambridge. 2002.
7. SHAFFER B. The formation of Azerbaijani collective identity in Iran. — *Nationalities Papers*. 2000, vol. 28, no. 3, p. 449—477. DOI: 10.1080/713687484. <https://www.belfercenter.org/sites/default/files/legacy/files/The%20formation%20of%20Azerbaijani%20collective%20identity%20in%20Iran.pdf>.
8. BAYAT K. The Ethnic Question in Iran. — *Middle East Report*. 2005, no. 237, p. 42—45. https://mideast-africa.tau.ac.il/sites/humanities.tau.ac.il/files/media_server/mideast_africa/untitled%20folder/02TBayat_the_Ethnic_Question-in_Iran42—45.pdf.
9. SOILEYMANOV E.A., KRAUS J. *Iran's Azerbaijan Question in Evolution: Identity, Society, and Regional Security*. Central Asia-Caucasus Institute and Silk Road Studies Program. 2017. <http://isdsp.eu/content/uploads/2017/09/2017-souleimanov-kraus-irans-azerbaijan-question-in-evolution.pdf>.

10. Ethnic Groups. Available at: http://www.iranome.com/ethnic_groups.
11. Hansı ölkədə nə qədər azərbaycanlı yaşayır. Yanvar 2017. <http://fins.az/sosium/913814/hansi-olkede-ne-qeder-azerbaycanli-yasayir-siyahi.html>;
- İranda türk çoxluğu. Farslar azlıqdadır, əhalinin mütləq əksəriyyəti türklərdi. İyun 2008. <https://www.gunaz.tv/az/xeberler/axiv/iranda-turk-coxlugu-farslar-azliqdadir-ehalinin-mutleq-ekseriyyeti-turklerdi-50977>; Xaricdə yaşayan azərbaycanlıların sayı açıqlandı. Dekabr 2015. <http://olke.az/news/detail/xaricde-yasayan-azerbaycanlilarin-sayi-aciqlandi-43720>.
12. İran coğrafiyasında 35 milyon Türk var. Ağustos 2013. <http://www.turkiyegazetesi.com.tr/kultursanat/60426.aspx>; İran türklərinin stratejik önemi. Ağustos 2017. <http://sahipkiran.org/2017/08/26/iran-turklerinin-onemi>.
13. РУСТАМОВ Э. Значительную часть населения Ирана составляют этнические азербайджанцы — Владимир Путин. URL: <http://www.lnews.az/news/znachitel-nuyu-chast-naseleniya-irana-sostavlyayut-etnicheskie-azerbaydzhancy—vladimir-putin> (дата обращения: 24.11.2018).
- Путин говорит большинство иранских населения азербайджанцы. Видеоатериал, начиная с 55 секунда. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=Y4bvcPOpFGU> (дата обращения: 24.11.2018).
14. KHALILI M. A comparative study of ethnic identity among Azerbaijani speakers in the Islamic Republic of Iran and the Republic of Azerbaijan. January 2016. https://www.researchgate.net/figure/Iranian-Azerbaijanis-in-northwest-provinces-of-Iran-Source-Geography-from-GMMS-2011_fig1_292145143; DABELL B. Iran Minorities 2: Ethnic Diversity. September 2013. <https://iranprimer.usip.org/blog/2013/sep/03/iran-minorities-2-ethnic-diversity>; Azerbaijani people. <https://www.britannica.com/topic/Azerbaijani-people>.
15. RASHIDVASH V. Iranian People: Iranian Ethnic Groups. — International Journal of Humanities and Social Science. 2013, vol. 3, no. 15, p. 216—226. http://www.ijhssnet.com/journals/Vol_3_No_15_August_2013/24.pdf.
16. İranlı Bakan: İran Halkının%40'ı Türkçe Konuşur', Yanvar 2014. Available at: <https://www.youtube.com/watch?v=z0xQOXil7HM> (date of access: 24.11.2018).
17. Məramnamə. http://www.camah.org/?page_id=35.
18. HACIYEVA Y. İran islam inqilabından sonra cənubi azərbaycanlıların ana dili uğrunda mübarizəsi (1979—2005-ci illər). Bakı. 2017.
19. JANNATOGLU A. The minority rights of Azerbaijani Turks in Iran, May 2016. <http://www.rubincenter.org/2016/05/the-minority-rights-of-azerbaijani-turks-in-iran>.
20. İranda azərbaycanlılar niyə təhqir olunur? — ŞƏRH. Noyabr 2015. <https://aktual.az/iranda-azerbaycanlilar-niye-tehqir-olunur-serh>.
21. Təhqirə cavab: İranda Azərbaycan türkləri etirazlara başladı. Noyabr 2015. <http://www.trt.net.tr/azerbaycan/bolg-x-b-rl-ri/2015/11/09/t-hqir-cavab-iranda-az-rbaycan-turkl-ri-etirazlara-basladi-414093>.
22. İranda gərginlik — Məhbuslar ayağa qalxdı. Noyabr 2015. <http://femida.az/az/news/11910/%C4%B0randa-g%C9%99rginlik—M%C9%99hbuslar—aya%C4%9Faqalxd%C4%B1>.
23. İranda türklər yenə təhqir edildi. İyul 2016. <http://www.teleqraf.az/~teleqraf/index.php/g%C3%BCnd%C9%99m/8749-iranda-t%C3%BCrkl%C9%99r-yen%C9%99-t%C9%99hqir-edildi.html>.
24. İranda türklər təhqir edildi, azərbaycanlılar etiraza başladı. Avqust 2018. <http://xeberbiz.az/son-xeber/34409-iranda-turklr-thqir-edildi-azrbaycanlilar-etiraza-basladi.html>.

История создания мемуаров Б. А. Энгельгардта

С. И. Мунжукова

Аннотация. Мемуары Бориса Александровича Энгельгардта — история жизни целого поколения, наполненная портретами современников и детальным описанием событий прошлого. Автор постепенно прорабатывал каждый сюжет, начиная с набросков, последовательно прописывая характеры отдельных личностей, интересные встречи и детали важных событий. Начав свои воспоминания с Пажеского корпуса, он постепенно обращается к истории России начала XX в. в целом, доводя повествование до конца гражданской войны и вынужденной эмиграции. При жизни автора воспоминания были опубликованы всего один раз — в 1939 г., но до конца своих дней Борис Александрович не бросал надежды на их переиздание, внося правки в свой текст. За 30 лет он подготовил четыре полноценных варианта мемуаров, передав их в разные архивы России вместе с большим количеством набросков и черновиков. В данном исследовании делается попытка проследить историю создания рукописи Б. А. Энгельгардта, соотнося черновики с завершёнными версиями воспоминаний.

Ключевые слова. Б. А. Энгельгардт, мемуары, 1917 г., революция, гражданская война, эмиграция.

Abstract. Memoirs of Boris Engelgardt — the life story of a whole generation, filled with portraits of contemporaries and a detailed description of the main events. The author gradually worked through each story, starting with the sketches, consistently prescribing the characters of individuals, interesting meetings and details of important events. Starting his memories from the Corps of Pages, he gradually wrote the whole history of Russia at the beginning of the 20th century, from the coronation of the Nikolai II to the end of the Civil War and emigration. During his life the memoirs were published only once in 1939, but until the end of his days, Boris Engelgardt did not give up and hoped to publish them, making changes in his text. In 30 years he had four full versions of memoirs, which were transferred to different archives of Russia with large number of sketches. So in this study, we will try to trace the history of the existence and creation of the manuscript by B. Engelgardt, relating the drafts to the completed versions of the memories.

Keywords: B. Engelgardt, memoirs, 1917, revolution, Civil war, emigration.

Борис Александрович Энгельгардт — малоизвестный в современном мире политический деятель. Его имя на слуху у исследователей революции 1917 г., однако для широкой общественности он — просто представитель эпохи, в то время как это был удивительный человек, проявивший себя в самых разных областях. Будучи потомственным дворянином, с юности

Мунжукова Светлана Игоревна — аспирант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета. E-mail: s.i.munzhukova@gmail.com.

Munzhukova Svetlana I. — postgraduate student, Institute of History, St. Petersburg State University. E-mail: s.i.munzhukova@gmail.com.

он представлял, что его жизнь будет связана с военным делом, и он станет известен, как и его отец. После обучения в Пажеском корпусе Борис Александрович сделал успешную карьеру: закончил Академию Генерального Штаба и занимал ответственные посты в армии. Обучение в привилегированном учебном заведении дало ему бесценный багаж знаний в области истории российской гвардии, и спустя много лет, в эмиграции, Б.А. Энгельгардт выступал с лекциями по военному искусству, писал статьи по истории русской гвардии, вспоминая интересные детали военного дела начала XX века.

В ходе обучения в Пажеском корпусе и Академии Генерального Штаба Энгельгардт увлекся конным спортом, что сыграло важную роль в будущем, когда он не мог найти работу в Латвии. Его уникальные знания по тренингу были высоко оценены на Рижском ипподроме, где он долгое время работал в должности конюха, выполняя также обязанности секретаря судейской коллегии, редактора программы бегов и даже тренера. Борис Александрович собирал различные материалы, относящиеся к конному спорту и сам готовил к выходу статьи, поэтому в архиве сохранился большой багаж его наработок по тренингу рысистых лошадей.

Помимо конного дела Энгельгардт разбирался и в сельском хозяйстве. На протяжении нескольких лет он обустроивал свое имение по образу и подобию ведущих европейских хозяйств, досконально изучая особенности сева и вникая в нюансы разведения скота. Эти знания помогли ему вести хозяйство в Латвии, а впоследствии писать статьи по сельскому хозяйству, которые находили отклик у советских агрономов.

Сначала в эмиграции, а затем в советской Латвии он выступал с публичными лекциями на исторические темы, рассказывая про историю военного дела в дореволюционной России, отдельно останавливаясь на знаковых личностях и событиях. Его рассказы увлекали слушателей, и все в один голос советовали ему писать воспоминания ¹. Однако в большей степени Энгельгардт был известен не своей военной карьерой, а как член IV Государственной думы. С началом первой мировой войны он вошел в состав Особого совещания по обороне и имел доступ к информации первостепенной важности. На таком ответственном посту Борис Александрович был посвящен в нюансы военной экономики, входил в Парламентскую делегацию в 1916 г., а в 1917 г. оказался среди основных участников февральских событий. Имея литературные способности, в 1920-х гг. он взялся за перо и до своей смерти в 1962 г. занимался созданием подробного описания своей жизни.

Истории написания мемуаров этого незаурядного человека и будет посвящена данная публикация. Его воспоминания — летопись жизни целого поколения, ведь они охватывают длительный период с 1877 по 1940 г., описывая не только судьбу самого Бориса Александровича, но и его знакомых, друзей и просто современников. Энгельгардт посвятил этому труду треть своей жизни, встречая множество препятствий на своем пути и надеясь, что после завершения он будет доступен широкому кругу читателей. Однако каждый раз, отправляя свой текст в редакцию журнала, он слышал, что его мемуары крайне важны, интересны и должны быть опубликованы, но в данный момент такой возможности нет ². Эти отказы толкали автора снова и снова редактировать свой труд. Так и появилось большое число черно-

виков и версий мемуаров, которые хранятся в различных архивах России. Мы постараемся проследить за созданием текста, соотнеся все имеющиеся фрагменты с полноценными версиями мемуаров разных годов.

Энгельгардт покинул Россию с Добровольческой армией в 1920 г. и отправился в Париж, где смог устроиться работать шофером. По просьбам эмигрантской общественности, в газете «Общее дело» уже в 1921 г. появились его первые воспоминания. В статье, разбитой на три номера газеты ³, рассказывалось о событиях февраля 1917 г., в которых Энгельгардт принимал непосредственное участие. Это была небольшая часть будущей главы, которая оформилась только к 1960-м годам. Чтобы сохранить в памяти нюансы прошлого, Борис Александрович собирал газетные вырезки о революционных событиях, вклеивал их в тетрадь, оставляя пометки на полях, чтобы потом к ним вернуться ⁴.

Переехав с женой в Латвию, он не оставил своей литературной деятельности, и в 1936—1937 гг. в газете «Сегодня» стали появляться его заметки о 1917 годе ⁵. Вероятно к этому моменту Борис Александрович уже оформил свои мемуары и готовил их к публикации. В 1939 г. в рижском журнале «Для Вас» вышли «Воспоминания камер-пажа» в авторской редакции, ставшие единственной прижизненной публикацией мемуаров Энгельгардта ⁶. К сожалению, ничего не известно о работе автора над первой версией мемуаров. В архиве не сохранилось черновиков и заметок к этому тексту, да и сама публикация 1939 г. на данный момент труднодоступна для читателей в России. Познакомиться с ней можно лишь в Российской государственной библиотеке в Москве или воспользоваться текстом, переизданным в 1996—1997 гг. в журнале «Балтийский архив» ⁷, который также представлен лишь в крупных библиотеках.

В 1940 г., с началом советизации Латвии, Борис Александрович был арестован и следующие 6 лет провел в ссылке в Хиве. В 1943 г. после обращения к И. В. Сталину с просьбой отправить его на фронт ⁸, он был признан годным, но в армию не попал. Вернуться в Ригу к жене ему удалось после повторного обращения к Сталину в 1946 году ⁹. Однако вызывает сомнения, что разрешение отправиться домой Энгельгардт получил без стороннего влияния, учитывая ту роль, которую он играл в годы революции и гражданской войны. С 1945 г. Борис Александрович состоял в переписке со своим бывшим товарищем А. А. Игнатьевым, который занимал привилегированное положение при советской власти. Вполне вероятно, что именно Алексей Алексеевич принял участие в судьбе Бориса Александровича и способствовал его возвращению к семье.

Переписка Энгельгардта и Игнатьева, начавшись достаточно холодно (в своих мемуарах Игнатьев исказил слова своего друга о советской власти, что стало серьезным обвинением при его аресте в 1940 г. ¹⁰), продолжалась до смерти Алексея Алексеевича в 1954 году. Ему первому Энгельгардт доверял свои мемуары, советуясь по редакции текста и возможности публикации материалов.

Вернувшись в Латвию, Борис Александрович нашел в целостности свои записи. Читая воспоминания современников — А. А. Игнатьева, В. А. Маклакова, П. Н. Милюкова, А. И. Деникина, А. А. Поливанова, В. Г. Финка — он утвердился в желании опубликовать и свой труд. Для этого он обратился к Игнатьеву с просьбой прочитать его «Воспоминания камер-пажа» и дать

свою критическую оценку ¹¹. Из-за того, что до 1950 г. у Энгельгардта не было пишущей машинки ¹², рукопись существовала в единственном экземпляре. Поэтому свой текст Борис Александрович доверял только проверенным людям, отправляя рукопись с ними.

Игнатъев и Н.В. Труханова ответили, что материал очень интересный, но скорее всего он не будет опубликован в советских изданиях в том виде, в каком он существовал на тот момент. Алексей Алексеевич советовал переплести воспоминания и положить в стол ¹³, а Наталья Владимировна, напротив, была уверена в том, что при правильной редакции текста, рукопись может увидеть свет ¹⁴.

Письма друзей, высоко оценивавших его труд, приободрили Бориса Александровича и подтолкнули к редактированию мемуаров. В 1948 г. Энгельгардт поправил свои «Воспоминания камер-пажа», доведя повествование до первой мировой войны, и отправил их в редакцию «Нового мира» ¹⁵. В ответ в 1949 г. была прислана машинописная копия рукописи ¹⁶, но обещанной публикации не последовало, да и оригинал так и не вернулся к автору. Сейчас эта машинопись 1949 г. хранится в Отделе рукописей РНБ ¹⁷. Частично она была опубликована в Военно-историческом журнале в 1993—1994 годах ¹⁸.

После неудачи с «Новым миром» Энгельгардт решил дополнить и переписать свои мемуары, попутно предлагая их в различные издательства и архивы. В 1948 г. в письме к Игнатъеву он сообщал, что готовит главы «1 мировая война, Парламентская делегация, Особое совещание по обороне, Февр. Революция, Гражданская война» ¹⁹. Из этого перечня видно, что Борис Александрович отошел от текста «Воспоминаний камер-пажа», в которых он очень схематично описывал события предреволюционного периода и февраля 1917 г., и сосредоточился на подробной разработке второй части своих мемуаров.

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки хранятся 25 черновиков и набросков к различным главам и полноценным версиям мемуаров. Хронологически их можно разделить на 2 группы: наброски к мемуарам «Контрреволюция» 1953 г., хранящимся в Российской государственной библиотеке ²⁰, и фрагменты последней версии «Воспоминаний о далеком прошлом» 1961 года ²¹.

Предположительно, первой версией второй части мемуаров является рукописная тетрадь в 48 листов, нестандартного формата, выпущенная в Латвии (на обложке надпись PIEZIMJUBURTNICA) ²². В основном все записи в тетради выполнены карандашом, но на 8 листах текст написан чернилами поверх карандашного, что затрудняет прочтение первоначальных заметок. Эта рукопись является набросками к будущему тексту 1953 года. По сравнению с более поздними рукописными отрывками текст написан неаккуратно, размашисто, довольно неразборчиво, а сами заметки в этой тетради имеют фрагментарный характер с большим числом сокращений. Возможно, именно об этих набросках и говорил Энгельгардт в письме к Игнатъеву в 1948 году.

Прежде чем оформлять свои мысли в связный масштабный рассказ, Борис Александрович прописывал отдельные его части. Примером такой проработки является еще одна тетрадь ²³, скорее всего продолжающая предыдущую. В ней автор оформлял наброски в связный текст, по ходу ком-

ментируя и правя его карандашом. Эта тетрадь уже имеет сходство с машинописным вариантом 1953 г. и может быть отнесена к черновикам данной рукописи.

Но все-таки это еще были лишь наброски. Следующий вариант ²⁴, написание которого также можно датировать временем до 1953 г., является тетрадью большого формата, в твердом переплете. В начале тетради имеется оглавление, написанное на форзаце, все страницы пронумерованы (их 197), что соответствует первым девяти главам. Данная рукопись заканчивается событиями осени 1917 года. Тетрадь исписана синими чернилами, ровным аккуратным почерком. В тексте присутствуют исправления по ходу повествования, а также правки, внесенные позднее. Автор вычеркивал и переставлял абзацы, добавлял новые детали, а в конце, на последних страницах, беглым неаккуратным почерком дописывал последнюю главу.

С начала 1950-х гг. Энгельгардт всерьез задумывался о передаче своих мемуаров в архив, спрашивая о возможности приобретения рукописи Государственной публичной библиотекой СССР им. В.И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). В 1951 г. библиотека согласилась купить его мемуары после оценки текста сотрудниками библиотеки ²⁵. Однако Борис Александрович долго тянул с отправкой рукописи, советовался с Алексеем Алексеевичем и его женой ²⁶, дописывал и переписывал текст.

Вероятно, именно рукописную тетрадь в твердом переплете он отправлял Игнатьеву, спрашивая его мнение о ценности воспоминаний участника революционных событий, прежде чем передать мемуары в рукописный отдел публичной библиотеки. В конце 1952 г. он завершил текст главы, посвященной гражданской войне, и обратился к Игнатьеву с просьбой прочитать и его ²⁷, однако набросков последних глав в архиве нет, что подтверждает мнение о неполной коллекции документов автора и не позволяет с уверенностью расположить наброски в хронологической последовательности.

За 1951—1952 гг. Энгельгардт переписал, а во многом и написал заново свои воспоминания, озаглавив их «Контрреволюция». В 1953 г. Борис Александрович продал Государственной публичной библиотеке СССР им. В.И. Ленина свою рукопись за 4000 рублей ²⁸, оставив себе второй экземпляр ²⁹. Одновременно он вел переговоры о передаче рукописи в Центральный государственный архив литературы и искусства СССР ³⁰ (ныне Российский государственный архив литературы и искусства), но, видимо, предложение библиотеки было выгоднее, и передача дел в архив не состоялась.

После продажи рукописи Борис Александрович не оставил попыток опубликовать свои мемуары, обращаясь к различным издательствам через своих знакомых. Однако ни одно из них не смогло напечатать его мемуары ни частично на страницах журнала, ни отдельной книгой ³¹. Сохранившиеся наброски к последней версии мемуаров 1961 г. лишь фрагментарно могут обрисовать ход редакции каждой главы в отдельности.

Основной массив черновиков (11 дел в ОР РНБ) относятся к первой части последней версии мемуаров 1961 г., ко второй части относится всего 5 документов. Еще 5 фрагментов являются тематическими зарисовками, часть которых не вошла в основной текст. Так, Энгельгардт не включил в повествование биографические сведения о своем отце ³², младшем бра-

те ³³, сестре ³⁴, избегал говорить подробно о Григории Распутине ³⁵ и значительно переписал свой набросок к новой главе «Пажеский корпус» ³⁶.

Первая часть мемуаров «Потонувший мир» 1961 г. является единственной полной версией этого текста. Она вышла из «Воспоминаний камер-пажа», но была значительно изменена, взяв из первых мемуаров лишь некоторые сюжеты, которые были серьезно пересмотрены и сокращены. В первую очередь бросается в глаза краткость содержания первой части по сравнению с мемуарами камер-пажа. Если раньше жизнь в Пажеском корпусе занимала центральное место, то теперь этому сюжету отведена всего одна глава, в остальном повествование гармонично описывает жизнь российского общества в начале XX в. накануне перемен.

Черновики первой части выполнены как от руки, так и на пишущей машинке. Порой в одном деле можно встретить фрагменты сразу к нескольким главам ³⁷. К некоторым главам в архиве имеется по одному черновику, например, «Война с Японией» ³⁸ и «Пажеский корпус» ³⁹, а более поздние сюжеты, напротив, Борис Александрович переписывал неоднократно.

Так, глава «Сельское хозяйство» была переписана три раза. Сначала автор взял из набросков «Семьи» ⁴⁰ фрагмент, описывающий покушение на земского начальника в 1905 г., затем он начисто переписал интересующий его отрывок ⁴¹ и дополнил главу описанием своего опыта ведения хозяйства в имении, что не было расписано ранее ⁴².

Следующая глава — «Государственная дума» — пересматривалась четыре раза. Первоначально был подготовлен черновой набросок в тетради небольшого формата ⁴³, выполненный размашистым беглым почерком и содержащий большое количество правок. Затем Борис Александрович решил дополнить эту главу сведениями о российской армии, так как в годы его работы в Государственной думе центральное место в его деятельности было отведено работе в Особом совещании по обороне. Так появился автограф «Русская армия» ⁴⁴, впоследствии исправленный и дополненный машинописным черновиком «Реформы в армии» ⁴⁵. Хронологически к этой главе относятся и несколько листов из документа с общими набросками к мемуарам, описывающие работу парламентской делегации во Франции и Англии ⁴⁶. После обобщения всех материалов получилась довольно объемная глава «Государственная дума», охватывающая период с 1912 по 1916 год.

Текст последней главы первой части также предваряют два черновика ⁴⁷, представляющие чистовую машинопись. Эти фрагменты относятся к началу и концу главы «Русская гвардия», что наводит на мысль о наличии других черновиков, не доступных исследователям.

Что касается второй, наиболее популярной части рукописи, то, работая над черновиком в начале 1950-х гг., Энгельгардт предполагал сделать 19 глав ⁴⁸, уделяя равное внимание как революции, так и периоду гражданской войны. Впоследствии второй раздел значительно сократился: исчез подробный рассказ о руководителях белого движения, о казачестве, а также глава о деятельности отдела пропаганды Добровольческой армии, который Борис Александрович возглавлял в 1919 году. К 1961 г. в машинописном тексте остались лишь две главы, посвященные периоду гражданской войны, и одна — эмиграции.

Скорее всего, первоначально Борис Александрович создал машинописный текст 10 глав, доведя повествование до эмиграции, на 359 листах.

Таким образом, 1917 г. было отведено около 150 листов. Вероятно, эта версия была необходима для публикации второй части воспоминаний целиком, однако впоследствии он значительно увеличил свой текст, добавив вначале 2 главы, посвященные предреволюционному положению в стране и февральским событиям, и расширив основной текст настолько, что 8 глав, относящихся только к 1917 г., стали занимать 300 листов.

Энгельгардт менял и часть, содержащую рассказ о 1917 году. Казалось бы, глава о февральском перевороте и деятельности Бориса Александровича в качестве коменданта революционного Петрограда должна открывать вторую часть воспоминаний, однако она появилась лишь в 1960-х годах. До этого отдельной главы о феврале 1917 г. не было. Энгельгардт начинал свой рассказ сразу с создания Временного правительства, лишь на нескольких страницах повествуя о предшествующих событиях и о своей роли в них.

Работа над первыми тремя главами велась не один год. Набросав схематичный текст еще перед созданием мемуаров «Контрреволюция»⁴⁹, автор не раз менял эти главы, переписывая и дополняя их. Наиболее сложно далась глава «Канун революции». В архиве хранятся 3 рукописных фрагмента⁵⁰, которые практически не содержат правок, дополняя друг друга, что свидетельствует о наличии более ранних черновых набросков. То же можно сказать и о черновых рукописях к главам 2 и 3. Материал, озаглавленный «Февральская революция»⁵¹, представляет собой чистый, аккуратный рукописный текст, содержащий стилистические правки и пометки карандашом, которые, возможно, были сделаны одним из друзей автора.

Последний имеющийся черновик главы «Николай II» представляет собой машинопись с рукописными вставками и исправлениями чернилами. Однако большая часть текста в главу не вошла, а значит, этот фрагмент впоследствии пересматривался и переписывался. Учитывая отсутствие промежуточных набросков к остальным главам, проследить закономерность изменения текста можно лишь сравнив две полные версии — 1953 и 1961 годов.

Между двумя машинописными вариантами воспоминаний есть много расхождений. Порой они незначительны, а иногда из-за замены нескольких слов в предложении его содержание резко меняется.

В целом, можно выделить несколько закономерностей в редакции Бориса Александровича. Во-первых, стоит обратить внимание на приведенные цитаты И.В. Сталина и В.И. Ленина. В машинописном варианте 1953 г. присутствует несколько отсылок к работам Сталина⁵², которые впоследствии пропали. Но им на смену пришли цитаты из работ Ленина⁵³, очевидно необходимые в 1960-х годах. Кроме того, в редакции 1953 г. присутствуют мысли о продолжающейся во всем мире революционной борьбе. Впоследствии эта мысль исчезла из текста.

Во-вторых, с каждой новой редакцией все больше превозносится роль Октября в противовес Февралю 1917 года. Слово «революция» в варианте 1961 г. пишется исключительно с прописной буквы. Так же «Октябрь» пишется не иначе как с заглавной буквы, в первой машинописи 1953 г. такое отношение было и к «Февралю», но с течением времени автор как бы развенчал это событие.

В-третьих, можно обратить внимание на обезличивание текста в версии 1961 года. Энгельгардт как будто бы скрывал свои мысли за такими собирательными образами, как Государственная дума ⁵⁴, офицеры ⁵⁵, «мы» ⁵⁶.

Но даже такие значительные отступления не позволили уже пожилому автору увидеть свой труд опубликованным. В 1962 г. он поручил своей знакомой Софии Аполлоновне Поповой вести переговоры с Государственной публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина о продаже его материалов ⁵⁷. Вопрос должен был решиться к лету 1962 года. Скорее всего, Борис Александрович умер раньше завершения сделки, и София Аполлоновна сама продавала в архив его документы. Вторая часть материалов была приобретена спустя год у Галины Арсеньевны Гирс, жены его хорошего друга Г.Ф. Гирса, который вместе с ним учился в Пажеском корпусе.

Интересно, что спустя два года после смерти автора его воспоминания о революции стали популярны и не раз переиздавались в советских и латвийских изданиях. В 1964 г. вышла сначала небольшая статья в газете «Неделя» ⁵⁸, а затем в пяти номерах «Военно-исторического журнала» ⁵⁹ была опубликована вторая часть мемуаров «Революция и контрреволюция» почему-то под названием «Потонувший мир». Эти публикации последней версии мемуаров 1961 г. вышли в свет в сокращении (опубликованные фрагменты составляют менее трети рукописи). Большое количество пропусков текста порой искажает смысл написанного, меняя текст до неузнаваемости.

В 1990 г. сотрудником Государственной публичной библиотеки были опубликованы более поздние мемуары Энгельгардта, хранящиеся в отделе рукописей библиотеки, посвященные его пребыванию в ссылке в Хиве ⁶⁰. Это издание содержало текст мемуаров без купюр, вступительную статью и небольшие комментарии к тексту.

В 1992 г. в Латвии была предпринята попытка опубликовать мемуары Энгельгардта полностью. Однако в 16 номерах газеты «Балтийское время» ⁶¹ вышла всего половина рукописи. Текст публикации, подготовленный Т.С. Ридзинь, не совпадает ни с версией мемуаров 1953 г., ни с текстом 1961 г., что наводит на мысль, что был еще третий, промежуточный, вариант части «Революция и контрреволюция», в котором события от февраля к октябрю 1917 г. не были поделены на главы.

Спустя 4 года в Латвии вышел в печать отрывок из рукописи 1961 г., посвященный периоду гражданской войны ⁶², но опять же с большими пропусками текста. Впоследствии фрагменты из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии были опубликованы в журнале «Вопросы истории» с сопутствующими комментариями ⁶³.

В 2004 г. в журнале «Балтийский архив» Ю.И. Абызов опубликовал полнотекстовый вариант второй части мемуаров Энгельгардта — «Революция и контрреволюция» ⁶⁴. Эта публикация значительно приблизила выход в свет полной версии «Воспоминаний о далеком прошлом». Но у данного издания есть существенные недостатки: во-первых, нигде не указывается, по какому документу издается текст; во-вторых, материал не содержит сопроводительных комментариев издателя; в-третьих, в заключительной статье Абызова присутствуют ошибки в имени жены Энгельгардта и некоторые неточности его биографии. При детальном знакомстве с текстом и статьей издателя становится ясно, что представленный материал — руко-

пись, хранившаяся у знакомых Энгельгардта в Латвии. Этот текст публиковала Т.С. Ридзинь в 1992 г., возможно именно она и передала материал Юрию Ивановичу Абызову. Кроме того, в статье после основного текста приводится большое количество фотографий, не опубликованных ранее и недоступных исследователям ввиду передачи их в частное хранение.

Получается, что до сих пор не было подробной и полной публикации двух частей мемуаров «Воспоминания о далеком прошлом» с обширными пояснениями. Публикация А.Б. Николаевым⁶⁵ главы «Февральская революция» с подробным комментарием и анализом текста стала первой ступенькой на пути подготовки материалов Энгельгардта к печати, однако его мемуары достойны издания отдельной книгой, а не фрагментами в журналах.

Примечания

Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ (проект а1 17—31—00004). Тема: «Потонувший мир» Б.А. Энгельгардта, как зеркало российской истории рубежа веков.

1. Письма Энгельгардта Б.А. Игнатьеву А.А. Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ), ф. 1403, оп. 1, д. 712, л. 21.
2. МАЛЬЦЕВ А.Д. Из истории публикации «Воспоминаний» Б.А. Энгельгардта: по переписке автора. — Русская литература: историко-литературный журнал. 1996, № 4, с. 133—157.
3. Б.Э. Революционные дни (Воспоминания участника февральских дней 1917 г.). — Общее дело. 1921. 16, 17, 18 марта.
4. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б.А. Воспоминания о февральской революции 1917 г. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ), ф. 1052, д. 18.
5. ЕГО ЖЕ. Двадцать лет тому назад. Почему антиреволюционная Государственная Дума возглавила революционное движение в 1917 г. (Из воспоминаний бывшего члена Государственной Думы). — Сегодня. 1937, № 97—98; ЕГО ЖЕ. Первые сумбурные дни революции 1917 г. (Из воспоминаний бывшего члена Государственной Думы) — Там же, № 116; ЕГО ЖЕ. Графиня Ностиц (из недавнего прошлого). — Там же. 1938, № 237.
6. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б.А. Воспоминания камер-пажа. — Для вас. Рига. 1939, № 15—43.
7. ЕГО ЖЕ. Воспоминания камер-пажа. — Балтийский архив. 1996—1997, т. 2—3.
8. Письмо Г.К. Жукову. 16 июня 1955 г. ОР РНБ, ф. 1052, д. 102, л. 1.
9. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б.А. Воспоминания о далеком прошлом. Ч. 2. Революция и контрреволюция. Гл. 12. Эмиграция. ОР РНБ, ф. 1052, д. 39, л. 63.
10. Письма Энгельгардта Б.А. Игнатьеву А.А. РГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, д. 712, л. 1.
11. Там же, л. 19.
12. Там же, л. 22.
13. Письма Игнатьевых А.А. и Н.В. Энгельгардту Б.А. РГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, 297, л. 1.
14. Там же, л. 2.
15. Письма Энгельгардта Б.А. Игнатьеву А.А. РГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, д. 712, л. 16.
16. Там же, д. 713, л. 40.
17. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б.А. Воспоминания камер-пажа выпускника 1896 г. ОР РНБ, ф. 1052, д. 19—23;
18. ЕГО ЖЕ. Воспоминания камер-пажа. — Военно-исторический журнал. 1993, № 12., 1994, № 1—7, 9.
19. Письма Энгельгардта Б.А. Игнатьеву А.А. РГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, д. 712, л. 25.
20. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б.А. Контрреволюция. Научно-исторический отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ), ф. 218, ед. хр. 384.
21. ЕГО ЖЕ. Воспоминания о далеком прошлом. ОР РНБ, ф. 1052, д. 24—39.
22. ЕГО ЖЕ. Наброски и оглавление ко 2 части Воспоминаний о далеком прошлом. Там же, д. 65.
23. ЕГО ЖЕ. Послереволюционные настроения. Там же, д. 63.

24. ЕГО ЖЕ. Воспоминания 1917—19120 гг. Там же, д. 64.
25. ЗАЙОНЧКОВСКИЙ П. А. Письмо Энгельгардту Б. А. Там же, д. 177, л. 1.
26. Письма Энгельгардта Б. А. Трухановой (Игнатьевой) Н. В. РГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, д. 1296, л. 22.
27. Письма Энгельгардта Б. А. Игнатьеву А. А. Там же, д. 713, л. 24об.
28. Письмо Энгельгардту Б. А. из Государственной публичной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. ОР РНБ, ф. 1052, д. 147, л. 1.
29. Письма Энгельгардта Б. А. Игнатьеву А. А. РГАЛИ, ф. 1403, оп. 1, д. 713, л. 9.
30. Письма Красногладовой Л. М. Энгельгардту Б. А. ОР РНБ, ф. 1052, д. 126, л. 2.
31. МАЛЬЦЕВ А. Д. Ук. соч., с. 133—157.
32. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б. А. Воспоминания об Александре Петровиче Энгельгардте. ОР РНБ, ф. 1052, д. 42.
33. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б. А. «Мой младший брат». Там же, д. 43, 44.
34. ЕГО ЖЕ. Семья. Там же, д. 45.
35. ЕГО ЖЕ. Воспоминания о Распутине. Там же, д. 60.
36. ЕГО ЖЕ. Пажеский корпус. Специальные классы. Там же, д. 47.
37. ЕГО ЖЕ. Воспоминания. Там же, д. 66.
38. ЕГО ЖЕ. Глава 4-я. Война с Японией. Там же, д. 48.
39. ЕГО ЖЕ. Пажеский корпус. Специальные классы. Там же, д. 47.
40. ЕГО ЖЕ. Семья. Там же, д. 45.
41. ЕГО ЖЕ. Когда я вышел в отставку. Там же, д. 49.
42. ЕГО ЖЕ. Вот мой первый опыт. Там же, д. 50.
43. ЕГО ЖЕ. Парламентская делегация во Франции (1916 г.). Там же, д. 54.
44. ЕГО ЖЕ. Русская армия. Там же, д. 52.
45. ЕГО ЖЕ. Реформы в армии (Милютин, Вановский, Куропаткин). Там же, д. 53.
46. ЕГО ЖЕ. Воспоминания. Там же, д. 66.
47. ЕГО ЖЕ. Русская гвардия. Там же, д. 55; ЕГО ЖЕ. Гвардейский корпус. Там же, д. 56.
48. ЕГО ЖЕ. Воспоминания 1917—1920 гг. Там же, д. 64, л. 1.
49. Там же.
50. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б. А. Развал власти в 1915 году. ОР РНБ, ф. 1052, д. 57; ЕГО ЖЕ. Родзянко провел меня в члены совещания... Там же, д. 58; ЕГО ЖЕ. Предреволюционные настроения. Там же, д. 59.
51. ЕГО ЖЕ. Февральская революция. Там же, д. 61.
52. ЕГО ЖЕ. Контрреволюция. НИОР РГБ, ф. 218, ед. хр. 384, л. 15.
53. ЕГО ЖЕ. Воспоминания о далеком прошлом. Ч. 2. Революция и контрреволюция. Гл. 3—5. ОР РНБ, ф. 1052, д. 33, л. 27.
54. Там же, л. 10.
55. Там же, л. 28.
56. Там же, л. 28.
57. Письма Поповой С. А. Энгельгардту Б. А. ОР РНБ, ф. 1052, д. 132, л. 3.
58. ЭНГЕЛЬГАРДТ Б. А. Крушение империи. Бывший депутат Государственной думы рассказывает о падении царизма. — Неделя. 1964, № 51, 13—19 декабря, с. 6—7.
59. ЕГО ЖЕ. Потонувший мир. — Военно-исторический журнал. 1964, № 1, 5, 8—10.
60. ЕГО ЖЕ. Воспоминания: 1940—1941 гг. Историческое изучение памятников письменной культуры. Сб. научных трудов Ленинградской Государственной публичной библиотеки. Л. 1990, с. 148—182.
61. ЕГО ЖЕ. Революция и контрреволюция. — Балтийское время. 1992, № 3—19.
62. ЕГО ЖЕ. Революция и контрреволюция (отрывок рукописи). — Рижский альманах. 1996, кн. 4, с. 154—171.
63. ЕГО ЖЕ. Контрреволюция. Из воспоминаний начальника отдела пропаганды Добровольческой армии. — Вопросы истории. 2008, № 7, с. 55—82.
64. ЕГО ЖЕ. Революция и контрреволюция. — Балтийский архив. 2004, т. 8, с. 7—319.
65. ЕГО ЖЕ. Февральская революция. — Клио. Журнал для ученых. СПб. 2003, № 1 (20), с. 180—197.

В ПОМОЩЬ УЧИТЕЛЮ ИСТОРИИ

ББК 63.3(2) УДК 9

Занятия китайцев в России в 1890-е — 1950-е гг

С. Б. Борисов

Аннотация. Публикация, основанная преимущественно на мемуарно-художественных источниках, посвящена изучению жизни китайцев, мигрировавших в Россию в конце XIX — начале XX века. В работе осуществлена систематизация занятий китайцев на территории России и СССР в разные десятилетия. Автор приходит к выводу, что, несмотря на незначительное в количественном отношении представительство китайских мигрантов, они стали атрибутивным элементом повседневной жизни нашей страны в первой половине XX века.

Ключевые слова. китайцы в России, повседневная жизнь, мемуарно-художественные источники, занятия китайцев в России, репрессии.

Abstract. The publication based primarily on memoirs and art sources, is devoted to the study of the life of the Chinese who migrated to Russia in the late XIX — early XX century. The work systematized the Chinese occupation on the territory of Russia and the USSR in different decades. The author comes to the conclusion that, despite the quantitatively insignificant representation of Chinese migrants in Russia and the USSR, the Chinese have become an attributive element of our country's daily life in the first half of the 20th century.

Key words: Chinese in Russia, daily life, memoirs and artistic sources, Chinese occupation in Russia, repression.

Представленная в данной публикации тема, по всей видимости, не была ранее предметом специального рассмотрения. Речь идет о китайцах как элементе повседневной жизни россиян 1920—1930-х годов. Для создания исторического контекста исследуемый исторический период расширен и к нему добавлены 1890—1910-е и 1940—1960-е годы.

Доступ китайцев на российские территории был открыт русско-китайским договором 1860 года¹. Тем не менее, по-видимому, даже в последнее десятилетие XIX в. в европейской части Российской империи китайцы были диковинкой. В автобиографической повести Александры Бруштейн (1884—1968) рассказывается, что в Вильнюсе в 1893—1894 гг. в чайном магазине с утра до вечера в вышитом синем китайском халате стоял «настоящий живой китаец». Голова его была «обрита наголо, толь-

---

Борисов Сергей Борисович — доктор культурологии, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Шадринского государственного педагогического университета. E-mail: borisov@glstar.ru.

Borisov Sergei B. — doctor of culturology, candidate of philosophical sciences, leading researcher at the Shadrinsk State Pedagogical University. E-mail: borisov@glstar.ru.

ко на затылке оставлены волосы, заплетенные в длинную косу ниже поясницы». Этого китайца «привезли... специально для рекламы — чтоб люди шли покупать чай и кофе только в этот магазин. И покупатели в самом деле повалили валом. Всякий покупал хоть осьмушку чаю... — и при этом глазел на живого китайца». Всем входящим в магазин покупателям Ван Ди-бо (так его звали) улыбался «одинаковой казенно-приветливой улыбкой». Покидать магазин ему строго запрещалось. Жил Ван Ди-бо «в темном чулане позади магазина» и никогда не выходил на улицу ².

Иная ситуация была на Дальнем Востоке. Характеризуя период конца XIX — начала XX в., А.М. Решетов отмечал большую роль китайцев «в развитии огородничества вокруг поселков и городов, особенно Владивостока. Китайцы были заняты... и в промышленности..., в военном строительстве. Китайцы выступали как переносчики грузов, чернорабочие, ремесленники, нанимались прислугой» ³.

В начале XX в (еще до первой мировой войны) «среди прибывших в Россию иностранцев китайцы занимали уже третье место после персидских и австро-венгерских подданных» ⁴. Так, за 1906 г. из Китая в Россию прибыло более 60 тыс. чел., а в 1907 г. — более 80 тысяч ⁵.

В это время, по информации Решетова, китайцы «играли заметную роль в мелкой розничной торговле как в городе, так и в глубинке, освоив не только Дальний Восток, но и проникнув в Сибирь и даже на Урал. Китайские торговцы-разносчики... торговали как в самых отдаленных уголках края..., так и в городе, в магазине, на улице, во дворе и даже предлагали свой товар прямо на дому. Китайский торговец..., торгуя в кредит..., фактически закабалял всех, кто обращался к нему. Помимо товаров он также торговал китайской водкой ханшином и опиумом. В качестве расплаты он забирал женьшень, панты, меха, золото, продукты леса и моря, которые увозились для реализации за пределы Китая» ⁶.

Вот почему не вполне точен автор книги «Люди и вещи» Я.Н. Ривош, утверждавший, что китайцы (разносчики) появились в России только «перед первой мировой войной и во время войны» ⁷.

Однако действительно массовое появление китайцев в городах европейской части России связано с началом первой мировой войны, когда, как пишет А. Ларин, «резко возрос спрос на рабочую силу». Она требовалась прежде всего «для прокладки железных дорог и других строительных работ, добычи угля, рубки леса» ⁸. В Китае была организована широкая вербовка рабочих для отправки в Россию, и в 1915—1917 гг. по железной дороге было ввезено 100—150 тыс. китайских рабочих ⁹. М.С. Каменских утверждает, что на оборонных объектах России в годы первой мировой войны «трудилось до 100 тысяч китайцев» ¹⁰. Зоной их расселения стали города европейской части России (Петербург, Москва, Новгород) и Урала ¹¹.

Описывая внешний вид китайцев, живших в середине 1910-х гг. в России, Ривош фиксирует, что они «ходили с косицами», носили традиционные костюмы или халаты. К традиционному костюму китайцев Ривош относил «круглые» (?) синие или черные куртки, «такие же» (то есть, по-видимому, «синие или черные») штаны, суживающиеся книзу, далее, белые чулки и матерчатые туфли черного цвета «на белой войлочной подошве» ¹². Для сравнения: Решетов утверждает, что одежда китайцев

«состоит из левополой с запахом на правую сторону хлопчатобумажной куртки и широких штанов...»¹³ и называет традиционной китайской «тёмно-синюю одежду»¹⁴.

В книге «Люди и вещи» Ривош рассказывает о занятиях китайцев в России в середине 1910-х годов.

Первое занятие — торговля тканью. «Разносчики-китайцы торговали китайской чесучой»¹⁵. Кстати, и Д. Засосов и В. Пызин сообщали, что летом в дачных местах Петербурга «появлялось много китайцев с косичками», продавших чесучу...»¹⁶

Поскольку чесуча исчезла из современного обихода, приведем сведения из энциклопедического издания 1931 года. Там чесуча определяется как шелковая ткань полотняного переплетения, которая вырабатывается из особого шелка дикого китайского шелкопряда. Ткань имеет буроватый оттенок, не поддающийся полной отбелке, а потому обычно не окрашивается¹⁷. В справочном издании 1961 г. уточняется, что шелковая чесуча — это получившая мировую известность классическая китайская ткань полотняного переплетения «для летних дамских и мужских костюмов», вырабатывается из крученого шелка и имеет «чрезвычайно высокую носкость»¹⁸.

Ривош отмечает любопытную деталь: разносчики-китайцы носили чесучу на спине в «громадном» тюке, из которого «торчал металлический аршин»¹⁹, при помощи которого отмерялась ткань для продажи.

Второе занятие — «торговля игрушками, дамскими аксессуарами и поделками для развлечения, а именно — «китайскими фонариками... и раскладными игрушками из бумаги...»²⁰

Третье занятие — торговля «веерами»²¹. Жарким летом на дачах было принято «носить китайские веера гармошкой из бумаги». Веера и ленты продавали на петербургских дачах разносчики-китайцы²².

Четвертое занятие, о котором пишет Ривош, — показ цирковых представлений с дрессированными животными: «Ходили по дворам и китайцы-фокусники с дрессированными змеями и белыми мышками. Они глотали шпаги, жонглировали, случалось, что показывали действительно интересные фокусы, которые могли бы быть украшением программы в любом цирке»²³.

23 июня 1917 г. начальник штаба Петроградского военного округа отмечал, что «на улицах Петрограда, его окрестностях... замечается огромное количество бродячих китайцев, не имеющих определенных занятий, фокусников или торгующих в разнос бумажными или галантерейными товарами...»²⁴ Ранее, в последней четверти 1916 г., он же издавал приказы, согласно которым «выселению из пределов округа... подлежали все китайцы — торговцы “в разнос” и лица без определенных занятий (как и бродяги)»²⁵. Тем не менее, в 1919 г. в Петрограде проживало 4500 граждан Китая²⁶.

В автобиографической повести известной детской писательницы Любови Воронковой «Детство на окраине» описывается Вербный базар (проходивший обычно в пятницу и субботу шестой недели Великого поста) в Москве 1911 года. В центре толпы перед миской с водой, размещенной на столике, стоял китаец. На голове у него была «круглая шапочка», а вместо «косицы» или «косички» — спускающаяся вдоль спины длинная

черная коса ²⁷. Китаец «... тряс в пригоршне какие-то темные горошинки, показывал их всем, кто хотел смотреть... И вот он произнес несколько непонятных слов,... повел руками над миской и бросил шарики в воду. И тут... каждый шарик начал во что-то превращаться. Одни расправлялись, развертывали зеленые листья, стебельки... Другие превращались в... драконов... Из третьих получались пестрые вазочки... Четвертые раскрывались яркими китайскими веерами... Китаец накрыл миску полотенцем и снова затряс горошинами в ладони» ²⁸. Предпринятая продавцом реклама производила впечатление на публику, и товар начинали охотно покупать ²⁹.

В сообщении шадринского краеведа В.Н. Иовлевой подтверждается информация о том, что китайцы занимались продажей тканей и показом фокусов. В нем нет указаний на продажу игрушек, зато содержится информация о китайцах, занимавшихся ремонтом обуви.

В статье, посвященной описанию повседневной жизни Шадринска в 1910-х гг., Иовлева сообщает о том, что китайцы появились в городе во время «германской» войны. Они ходили по домам и продавали «разноцветные шелка». Один китаец, сидя на улице, хорошо и скоро ремонтировал обувь (такие работники назывались «холодными сапожниками» в отличие «горячих сапожников», изготавливавших обувь на дому). Можно было встретить и китайских женщин, передвигавшихся «на маленьких ножках, с детства закованных в колодки» ³⁰. Ссылаясь на шадринскую газету «Исеть», Иовлева, рассказывает, что китаец на Михайловской площади показывал фокусы: «кровопускание», «хождение по канату». Какой-то мальчик, копируя его действия, «ударом перочинного ножа поранил руку товарищу» ³¹. Частично эта информация перекликается с опубликованной в газете «Исеть» за 1915 г.: «На площадке между магазинами Моисеева и Рубина ежедневно дает представления фокусник-китаец. Около него собирается большая группа народа. В то время, когда китаец показывает свои фокусы, у зазевавшихся обчищаются карманы» ³².

Город Шадринск, о котором идет речь, в начале XX в. входил в состав Пермской губернии. Каменских писал об этом регионе следующее: «... Из-за дефицита рабочих рук пермские промышленники начали нанимать для работ на заводах китайцев и корейцев, общая численность которых к началу 1917 г. превысила 10 000 человек... К концу войны в Пермской губернии уже существовали... этнические группы... корейцев, китайцев...» ³³

Из статьи К. Клипки можно узнать, что в Томске в 1917 г. китайцы «содержали прачечные, швейные и обувные мастерские» ³⁴. Решетов отмечает, что китайцы были заметным компонентом в населении дореволюционного Владивостока: «Значительная часть — это китайская беднота: переносчики грузов, водовозы. Прислуга почти исключительно была китайской. Розничную торговлю осуществляли китайские торговцы... В клубах помимо чтения лекций нередко процветали азартные игры и опиумокурение, продажа ханшина и т.д. Помимо этого китайцы содержали частные игорные дома, опиумокурильни, дома терпимости, в которых гостей обслуживали китаянки...» ³⁵

Таким образом, до 1917 г. китайцы занимались: прокладкой железных дорог; строительными работами; добычей угля; рубкой леса; работой

в прачечных; ремонтом обуви; содержанием швейных мастерских; огородничеством; переноской грузов; работой в качестве прислуги; содержанием игорных домов, опиумокурилен и домов терпимости; продажей чесучи; изготовлением и сбытом папирос; продажей игрушек, дамских аксессуаров (лент, вееров); показом фокусов и цирковых представлений.

В. Розов пишет о Костроме 1922—1923 гг.: «... В канун ярмарки нам с братом выдавали по полтиннику. На этот-то полтинник мы и гуляли целую неделю. Карусель, балаган, игры, маковки..., китайские мячики на резинке, пищалки “уйди-уйди”»³⁶. Поскольку в мячиках на резинке самих по себе нет ничего китайского, выражение «китайские мячики на резинке», по всей видимости, означало: мячики, продававшиеся (и изготовлявшиеся) преимущественно или исключительно китайцами. В известной степени подтверждением этого предположения являются «Воспоминания о Москве 1920—1930-х годов» Ю.А. Федосюка. Он пишет, что в Чистопрудном парке «китайцы торговали своими самобытными игрушками: прыгучими, набитыми опилками мячиками на тонкой резинке, надувными шариками, издававшими при выпуске воздуха звук “уди-уди”, “тещиными языками”»³⁷.

О продаже китайцами игрушек и поделок в Москве во время первомайских демонстраций в середине 1930-х гг. сообщает Лора Беленкина: «По дороге... непременно покупали у китайцев трещотки, шарики “уйди-уйди”, пестрые бумажные игрушки с двумя палочками на концах: сложишь палочки — получается веер, а сложишь другой стороной — разноцветный шар, еще как-то вывернешь — подобие цветка или гармошки»³⁸.

Решетов пишет, что в 1920—1930-е гг. «к праздникам, особенно к масленице, китайские ремесленники готовили заранее большое количество игрушек, особой популярностью пользовались цветные фонарики, бумажные шары, веера, хлопушки и др.»³⁹.

Как свидетельствует Илья Ильф в очерке «Москва от зари до зари» 1928 г., «китайцы у Третьяковского проезда восхваляют свои портфели и сумочки...»⁴⁰. На то, что в среде китайцев, живших в России, существовало «разделение труда» и что изготовлением «сумочек и портфелей» занимались составлявшие меньшинство выходцы из Южного Китая, указывает в своей монографии Ларин: «О занятиях китайцев, разбросанных по разным городам России, можно судить по примеру Москвы. Там проживало в 1928 году 8 тыс. китайцев, большинство — выходцы из Шаньдуна, около 1 тыс. — из Южного Китая. “Северные” китайцы занимались прачечным ремеслом, трикотажным промыслом, хлебопечением, прочие — мелкой ручной торговлей или не имели никакой работы. “Южные” китайцы специализировались исключительно на выделке кожаных изделий: сумочек, портфелей и т.д.»⁴¹. О работе в прачечных Ларин, в частности, пишет: «В Москве в 1928 г. среди китайцев еще были безработные. Те же, кто работал в прачечных (а это была самая распространенная профессия), трудились в сырых подвалах по 12—14 часов в сутки»⁴².

Литературовед Лев Григорьевич Якименко, родившийся в г. Темрюк Краснодарского края в 1921 г., описывает случай, имевший место в селе в конце 1920-х гг.: «У нас в школе сегодня днем выступал фокусник. Китаец... Это был настоящий праздник для нас. В большом нашем селе... не было ни кино, ни театра, ни радио... Всего две недели, как мы ходили

в школу, в первый класс. Вы теперь понимаете, как нам повезло, когда китаец-фокусник появился в нашем классе. Яркие, цветастые одежды, подведенные брови..., наконец, косичка, свернутая жгутом на голове, как у женщин, — все поражало... А столик, накрытый тяжелым, таинственно-мерцающим покрывалом, а волшебные палочки, а загадочные коробки... Когда начались самые фокусы, мы обо всем забыли... Фокусник начал одну за другой вытаскивать изо рта ленты. Казалось, им не будет конца... Он... тонкими гибкими пальцами доставал их, казалось, из самого живота, одну за другой. По две сразу. Ленты извивались, словно живые. Красные, оранжевые, голубые, белые... В руках фокусника была переливающаяся всеми цветами радуги, движущаяся... гора лент. А потом вдруг из его рта вырвался огненный язык. Девчонки... взвизгнули, отпрянули назад. Как делать огонь, мы знали... Надо было набрать в рот керосина, с силой выдуть его изо рта и в то же мгновение поднести горящую спичку, — взвивался клубящийся огненный хвост. Но у китайца было совсем другое. Огонь все пылал и пылал. И в яростном бездымном пламени свивались и развивались ленты. Невредимые, целые. Словно и не в огне они были»⁴³.

Журналист А. Коновалов вспоминал о жизни в Орехово-Зуево в 1920—1930-х гг. следующее: «Приходил на лужайку фокусник-китаец с косой на голове. Он набивал рот опилками, поджигал их и дымил, изображая дымящий паровоз. Ходя, так называли китайцев, вытаскивал разноцветные шарики из носа, ушей, прокалывая щеки острой иглой»⁴⁴.

Решетов указывает, что в 1920—1930-е гг. «в сельском хозяйстве китайцы по возможности занимались огородничеством»⁴⁵.

Иван Сушков вспоминал о Новосибирске 1930-х гг.: «Был еще и Китай-город... Обитали здесь китайцы, которые возделывали овощные плантации на пойменных плодородных землях. Они гнули спины от зари до зари, причем работали в поле в основном мужчины. Но и урожаи у них были — что-то потрясающее! А жили китайцы в вырытых на склоне Оби землянках. Беднотища! Грязища!»⁴⁶. Алексей Тростонецкий вспоминает, что в Новосибирске в 1930-е гг. «было много китайцев... В чем они особенно преуспевали, так это в выращивании овощей. Поселок Огурцово потому и получил свое название, что там на овощных плантациях трудились китайцы, получавшие фантастически высокие урожаи, в том числе и самых ранних огурчиков»⁴⁷.

«Еще китайцы были большие мастера стряпать пирожки, которыми торговали вразнос на улицах...»⁴⁸ А. Тростонецкий писал: «У городского деревянного... цирка... на маленьких тележках были установлены печечки, на которых прямо на глазах прохожих китайцы пекли вкусные пирожки»⁴⁹.

В воспоминаниях о Новосибирске 1930-х гг. говорится о таком занятии китайцев, как продажа игрушек. Анатолий Гутов вспоминает, что китайцы вели торговлю игрушками на крыльце горисполкома: «В их руках прыгали разноцветные шарики, пестрели фонарики и веера, кувыркались деревянные гимнасты, двигались фанерные медведи... Стоило это все копейки»⁵⁰. Тростонецкий пишет: «Китайцы торговали на рынке хорошенькими игрушками: фонариками, разноцветными шариками, веселыми человечками, крутящимися через перекладинку, другими забавками»⁵¹.

В 1930-е гг. в Новосибирске китайцы «торговали... и древесным углем...»⁵², занимались ремонтом обуви. Р. Бриллиантова вспоминает, что во дворы иногда забредали «ходячие сапожники-китайцы, которых называли “ходя”». Они были очень бедные, несчастные... Их было очень много в нашем городе»⁵³. Тростонецкий пишет: «В сапожных будочках сидели тоже в основном китайцы, они чинили за бесценок башмаки...»⁵⁴

В биографических записях Е. Стариковой о Москве 1930-х гг. сообщается, что китайцев «тогда было много в Москве»⁵⁵ и повествуется о двух занятиях китайцев: первое — торговля игрушками (мячиками) и поделками (веерами), второе — стирка белья в прачечных: «Вокруг Смоленского рынка ютились по дворам китайские прачечные. Там, кстати, работали одни мужчины»⁵⁶. А Марк Наумов и вовсе утверждает, что, по словам его родителей, китайцы «держали» до середины 1930-х гг. «все московские прачечные»⁵⁷. Решетов подтверждает, что в 1920—1930-е гг. «в крупных городах, особенно в Ленинграде и Москве, успехом пользовались китайские прачки: они брали заказ на дому и возвращали владельцу прекрасно выстиранное и тщательно выглаженное белье...»⁵⁸

Он также указывает, что в 1920—1930-е гг. «в промышленности китайцы работали на угольных шахтах, золотых промыслах, рыбных промыслах и рыбозаводах и т. д. В сельском хозяйстве китайцы по возможности занимались огородничеством... Хотя и значительно уменьшилась, но существовала китайская розничная торговля; продавцов мелочей, галантереи (китайцы привозили шелк, чесучу, атлас, платки, полотенца, чулки и др.) русские называли “ходя”, сборщиков старья — “халат”... Во Владивостоке ими было налажено производство китайских сладостей, пользовавшихся большой любовью у детей»⁵⁹.

Таким образом, в 1920—1930-е гг. занятиями китайцев в России являлись: работа на угольных шахтах, золотых и рыбных промыслах; торговля тканями и изделиями из ткани; работа в прачечных; хлебопечение, торговля выпечкой (пирожками), игрушками и поделками; изготовление и продажа папирос; ремонт обуви; выделка кожаных изделий (сумочек, портфелей); выращивание овощей; сбор утильсырья; изготовление и продажа сладостей; торговля чаем; показ фокусов; цирковые представления.

Преимущественно к 1930-м гг. относятся и сообщения об исчезновении китайцев из российских городов: «... Потом китайцы все вдруг исчезли. Говорили, что их всех арестовали как японских шпионов»⁶⁰; «... Их... выдворили всех до единого из Новосибирска — то ли перед войной, то ли после войны...»⁶¹; «Сгинули в середине тридцатых китайцы, державшие, по словам моих родителей, все московские прачечные»⁶²; «В конце 1930-х гг. китайцы в значительном количестве были выселены в Китай...»⁶³

Обратимся к научным публикациям. Сначала узнаем о том, какова была численность китайцев на территории России в 1920-х гг. «В Сибирском крае были зафиксированы 1 409 советских китайцев...»; «... в Москве... в 1928 г. насчитывалось около 8 тыс. китайцев»; более пятисот китайцев «проживало в Ленинграде, в середине 1920-х гг. до тысячи китайских рабочих находились на Донбассе... По переписи 1926 г. на территории Дальневосточного края проживали 3 815 граждан СССР... китайской национальности»⁶⁴.

Е. Г. Калкаев пишет: «“Большой террор” 1937—1938 гг. ... был неотрывно связан с установкой... на неизбежность войны между Советским Союзом и окружающими его капиталистическими странами... Новый... виток репрессии... был направлен на... искоренение любого подобия... “пятой колонны”, то есть реальных, потенциальных и мнимых противников советской власти...»⁶⁵ Из этого, в частности, следует, что репрессии 1937—1938 гг. были направлены против представителей различных социальных и национальных слоев

Как отмечает Калкаев, «исток “китайской операции” НКВД, развернувшейся в масштабах СССР в 1938 г., прослеживаются в репрессивной кампании против китайцев в Дальневосточном крае, начатой в конце декабря 1937 года»⁶⁶. Само же «распоряжение о начале “китайской операции” было отдано Ежовым 1 февраля 1938 года»⁶⁷.

Однако китайцы сохранялись в социальном ландшафте страны и в 1940-е, и в 1950-е годы.

Боровиков вспоминает, что в начале 1950-х гг. «китайцы жили на левом берегу напротив Саратова... и торговали на Верхнем базаре... бумажными игрушками: шариками на тонкой резинке, которые скакали от ладошки, и раздвигающимися, словно веер, нежно дрожащими цветной папиросной бумагой кружками на двух деревянных палочках»⁶⁸.

Поскольку в воспоминаниях говорится о занятиях, характерных для китайцев, живших в России в 1910—1920-х гг., вероятно, не все китайцы «призыва» первой мировой войны были арестованы «как японские шпионы» в 1930-е годы⁶⁹ и «сгинули»⁷⁰. Они продолжали оставаться частью российско-советского «пейзажа повседневности» и в 1940-х, и в 1950-х годах.

Художник Георгий Ковенчук вспоминает о середине 1950-х гг.: «Китайцев было так много, что мы их и за иностранцев не считали»⁷¹. Речь идет о китайцах, целенаправленно выезжавших из КНР в СССР на работу, учебу и стажировку и специально овладевавших для этого русским языком. За годы активного сотрудничества между СССР и Китайской Народной Республикой, пришедшиеся главным образом на 1950-е гг., по одним источникам, в советских вузах, научно-исследовательских и проектных институтах, на предприятиях и стройках «прошли учебу и стажировку около 38 тысяч китайских граждан»⁷²; по другим, в 1951—1962 гг. «в Советском Союзе прошли производственно-техническое обучение более 8 тыс. китайских граждан. В учебных заведениях Советского Союза училось в это время свыше 11 тыс. китайских студентов и аспирантов»⁷³. В 1959 г. «численность китайского населения в СССР составила 25,8 тыс. чел.»⁷⁴.

Хотя пребывание китайцев в СССР в 1950-е гг. «является одним из самых малоизученных эпизодов истории китайской иммиграции в Россию»⁷⁵, их будущее в общих чертах известно — подавляющая их часть покинула нашу страну. «Летом 1963 г. большинство китайских рабочих вернулись на родину»⁷⁶. Возвращение китайских граждан на родину и прекращение прибытия новых граждан Китая в СССР было связано с резким охлаждением отношений между Советским Союзом и Китаем. В. Я. Портяков констатировал, что после 1966 г. «какого-либо нового притока граждан КНР на территорию Советского Союза не было свыше полутора десятилетий»⁷⁷.

Что касается судьбы китайцев, живших в СССР до 1950-х гг., она нам неизвестна. Возможно, это поколение постепенно ушло из жизни по старости.

Хочется надеяться, что по мере поступления дополнительной информации удастся представить картину жизни и занятий китайцев в России более точно, подробно и объемно.

Примечания

1. КЛИПКА К.К. Китайцы в Томске в конце XIX — начале XX века. — Вестник Томского государственного университета. История. 2013, № 6, с. 159.
2. БРУШТЕЙН А. Дорога уходит в даль... Повесть. Главы из второй части. — Пионер. 1958, № 5, с. 8.
3. РЕШЕТОВ А.М. Китайцы. В кн.: Народы России. Энциклопедия. М. 1994, с. 194.
4. КЛИПКА К.К. Ук. соч., с. 160.
5. Там же.
6. РЕШЕТОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
7. РИВОШ Я.Н. Время и вещи: очерки по истории материальной культуры в России начала XX века. М. 1990, с. 168—169.
8. ЛАРИН А.Г. Китайские мигранты в России. История и современность. М. 2009, с. 63.
9. Там же, с. 67.
10. КАМЕНСКИХ М.С. «В лаптях и под зонтом»: быт китайцев на Среднем Урале в начале XX века. — Традиционная культура. 2012, № 2, с. 42.
11. ЛАРИН А.Г. Ук. соч., с. 67.
12. РИВОШ Я.Н. Ук. соч., с. 168—169.
13. РЕШЕТОВ А.М. Ук. соч., с. 194.
14. Там же, с. 195.
15. РИВОШ Я.Н. Ук. соч., с. 168—169.
16. ЗАСОСОВ Д., ПЫЗИН В. Повседневная жизнь Петербурга на рубеже XIX—XX веков: Записки очевидцев. М. 2003, с. 190.
17. Малая советская энциклопедия. Т. 9. М. 1931, стб. 784.
18. Товарный словарь. Т. IX. М. 1961, стб. 541.
19. РИВОШ Я.Н. Ук. соч., с. 168—169.
20. Там же.
21. Там же.
22. ЗАСОСОВ Д., ПЫЗИН В. Ук. соч., с. 112, 190.
23. РИВОШ Я.Н. Ук. соч., с. 168—169.
24. ХОХЛОВ А. Политика России в отношении китайских иммигрантов в период Первой мировой войны. — Российская история. 2015, № 3, с. 17—18.
25. Там же, с. 18.
26. ПОЛТОРАК С. Петроградские интернационалисты. — Родина. 2011, № 2, с. 58.
27. ВОРОНКОВА Л.Ф. Детство на окраине. М. 1959, с. 203.
28. Там же, с. 203—204.
29. Там же, с. 204.
30. ИОВЛЕВА В.Н. Михайловская площадь. — Шадринский альманах, 1997. Шадринск. 1997, вып. 1, с. 51.
31. Там же.
32. У истоков была «Исеть». — Шадринская новь. 1990, 16 августа.
33. КАМЕНСКИХ М.С. Политика советского государства в отношении китайского и корейского населения в 1917—1937 гг.: (на примере Пермской области). В кн.: ГУЛАГ. Начало: материалы всероссийской научно-практической конференции. Пермь. 2017, с. 82.
34. КЛИПКА К.К. Ук. соч., с. 163.
35. РЕШЕТОВ А.М. Ук. соч., с. 195.
36. РОЗОВ В. Глазами ребёнка. В кн.: РОЗОВ В. Путешествие в разные стороны: автобиографическая проза. М. 1987, с. 260.

37. ФЕДОСЮК Ю. А. Утро красит нежным светом... Воспоминания о Москве 1920—1930-х годов. М. 2004, с. 129.
38. БЕЛЕНКИНА Л. Окнами на Сретенку. М. 2013.
39. РЕШЕТОВ А. М. Ук. соч., с. 195.
40. ИЛЬФ И. Москва от зари до зари. В кн.: ИЛЬФ И. А., ПЕТРОВ Е. П. Собрание сочинений. В 5-ти т. Т. 5. М. 1961, с. 61.
41. ЛАРИН А. Г. Ук. соч., с. 113.
42. Там же.
43. ЯКИМЕНКО Л. Г. Китаец, фокусы и Чёрная Африка. В кн.: ЯКИМЕНКО Л. Г. Все впереди. Куда вы, белые лебеди?...: повести и рассказы. М. 1974, с. 393—395.
44. КОНОВАЛОВ А. Пароход моего детства. В кн.: Казарма. Орехово-Зуево. 2000.
45. РЕШЕТОВ А. М. Ук. соч., с. 195.
46. СУШКОВ И. Безбожная улица и Китай-город. В кн.: Мой Новосибирск: книга воспоминаний. Новосибирск. 1999.
47. ТРОСТОНЕЦКИЙ А. Нахаловка. В кн.: Мой Новосибирск: книга воспоминаний. Новосибирск. 1999.
48. СУШКОВ И. Ук. соч.
49. ТРОСТОНЕЦКИЙ А. Ук. соч.
50. ГУТОВ А. Базар на ступеньках мэрии. В кн.: Мой Новосибирск: книга воспоминаний, с. 29—33.
51. ТРОСТОНЕЦКИЙ А. Ук. соч.
52. Там же.
53. БРИЛЛИАНТОВА Р. Два тополя на Советской. В кн.: Мой Новосибирск: книга воспоминаний, с. 29—33.
54. ТРОСТОНЕЦКИЙ А. Ук. соч.
55. СТАРИКОВА Е. В. В наших переулках: биографические записи. М. 2003, с. 226.
56. Там же.
57. НАУМОВ М. Краткий курс практического интернационализма. — Дружба народов. 2009, № 2.
58. РЕШЕТОВ А. М. Ук. соч., с. 195.
59. Там же.
60. ЗИНОВЬЕВ А. А. Русская судьба, исповедь отщепенца. М. 1999.
61. СУШКОВ И. Ук. соч.
62. НАУМОВ М. Ук. соч.
63. РЕШЕТОВ А. М. Ук. соч., с. 196.
64. ДАЦЫШЕН В. Г. Китайцы в России и советско-китайский конфликт 1929 года на КВЖД. — Российская история. 1991, № 5, с. 52—53.
65. КАЛКАЕВ Е. Г. К вопросу о начале «китайской операции» НКВД (1937—1938 гг.). — Вопросы истории. 2018, № 12, с. 67.
66. КАЛКАЕВ Е. Г. Ук. соч., с. 67.
67. Там же, с. 69.
68. БОРОВИКОВ С. В русском жанре — 7. — Волга. 1995, № 4, с. 172.
69. ЗИНОВЬЕВ А. А. Ук. соч.
70. НАУМОВ М. Ук. соч.
71. КОВЕНЧУК Г. Из записок художника. — Звезда. 2009, № 6.
72. ЛАРИН А. Г. Ук. соч., с. 142—143.
73. БЕЛОУСОВ В. Н. Почта дальних дней: повести. М. 1974, с. 178.
74. ЗАЛЕССКАЯ О. В. Китайские мигранты на российском Дальнем Востоке во второй половине XIX — начале XXI вв.: основные вехи присутствия и деятельности. — Уровень жизни населения регионов России. 2013, № 1, с. 119.
75. КАМЕНСКИХ М. С. Китайские рабочие в Прикамье в период советско-китайской дружбы: проблемы быта и адаптации. — Вестник Пермского университета. 2013, № 3, с. 41.
76. Там же.
77. Цит. по: КАМЕНСКИХ М. С. Китайские рабочие..., с. 41.

МЕЖДУНАРОДНОЕ НАУЧНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

ББК 63.3(0)64.5

Вопросы формирования азербайджанского народа, его языка и культуры в иранской историографии

Э.Я. Мадатли

Аннотация. Большинство иранских историков, языковедов и литературоведов отмечает, что азербайджанские тюрки наряду с персами сыграли значительную роль в формировании и развитии древней и богатой иранской культуры. В начале XX столетия в Иране появились «идеологи», служившие политике шахского режима. Они старались унижить неперсидские народы, особенно азербайджанских тюрков, их язык и культуру и «научно обосновать» положение о том, что «неперсидские народы являются пришлыми, их языки произошли от персидского языка, а культура этих народов в течение столетий развивалась под благоприятным влиянием персидской культуры». В публикации на основе многочисленных исследований, в том числе и трудов некоторых иранских историков, анализируется и аргументировано критикуется предвзятое отношение к вопросу формирования азербайджанского народа, его языка и культуры.

Ключевые слова. Азербайджан, азербайджанский народ, тюркский язык, культура, Иран, иранские историки.

Abstract. As confirmed by majority of Iranian historians, as well as many language and literature experts, Azerbaijani Turks have played a significant role alongside Persian people in evolution and development of ancient Iranian culture. In the beginning of 20th century there were appeared “ideologists” serving to shah’s regime policy. They tried to “academically prove” that people of all other nationalities had migrated to these lands at later periods in history and their languages had descended from Persian. In the article, based on many studies, including the works of some Iranian historians, the prejudiced attitude to the formation of the Azerbaijani people, their language and culture is analyzed and convincingly criticized.

Key words: Azerbaijan, Azerbaijani people, Turkic language, culture, Iran, Iranian historians.

Прежде, чем обратиться к научным трудам и статьям иранских историков, посвященным проблемам формирования азербайджанского народа и его языка, необходимо обратить внимание на историческую географию Азербайджана. Одну треть территории исторического Азербайджана составляет современная Азербайджанская Республика, а почти две трети (провинции Восточный Азербайджан, Западный Азербайджан, Зенджан, Газвин, Хамадан, Ардебиль) входят в состав нынешней Исламской Республики Иран.

В результате двух войн, произошедших между Российской империей и Гаджарским государством в 1804—1813 и 1826—1828 гг., и по условиям Гюлистанского (1813) и Тюркманчайского (1828) договоров, территория Азербайджана была разделена между двумя державами: Азербайджанские земли, находящиеся на левом берегу реки Араз (северные территории страны), были включены в состав Российской империи, а южные остались в подчинении побежденной в этих войнах стороны — тюркской династии Гаджаров, отстраненной от власти в 1925 году. Территорию Северного Азербайджана, в свою очередь, поделили на губернии и уезды, и вплоть до 1917 г. она управлялась как колония. С начала XIX столетия древнеазербайджанский город Дербент был включен в состав Российской империи, ряд территорий Южного Кавказа, населенных азербайджанскими тюрками, вновь завоеванных «обновленной», большевистской Россией, в годы Советской власти был передан Армении и Грузии. Несмотря на это, азербайджанские тюрки, оказавшиеся в пределах этих государств (Российской Федерации, Армении и Грузии), сумели сохранить родной язык и культуру, передав эти ценности последующим поколениям.

Территории азербайджанских ханств, оставшиеся после двух войн между Российской империей и Иранским Гаджарским государством в составе державы Гаджаров (1795—1925), в результате административно-территориальной реформы были включены в состав провинции Азербайджан — одной из четырех провинций централизованного государства.

Большинство населения этой провинции и сегодня составляют азербайджанские тюрки. Кроме того, они живут также в столице Ирана Тегеране, в других провинциях и больших городах. Несмотря на искусственные меры иранских властей по ассимиляции азербайджанских тюрков и ряд объективных процессов, даже в неазербайджанских провинциях и городах Ирана, где компактно живут азербайджанские тюрки, народ сумел сохранить родной язык и свою культуру. Рассмотрев официальную статистику, данные переписей населения, проведенных в разные годы, можно убедиться в том, что азербайджанские тюрки составляют более одной трети населения Исламской Республики Иран¹.

Родной язык азербайджанских тюрков (в Иране его называют «торки») является вторым по значению языком в Иране после персидского. Если же учитывать то обстоятельство, что он представляет собой общепонятное средство общения для всего населения исторических территорий Азербайджана, то можно прийти к выводу, что почти половина населения современного Ирана является или носителем тюркского языка, или же знает этот язык. Следует отметить и то, что родной язык иранских тюрков полностью соответствует языку десятиmillionного населения, проживающего в Азербайджанской Республике, и в условиях нынешних

Мадатли Эйнулла Ядулла оглы — доктор философии, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории им. А.А. Бакиханова. Баку. E-mail: emadatli@gmail.com.

Madatli Eynulla — candidate for philosophical sciences, associate professor, senior scientific researcher at the Institute of History named after A.A. Bakhikhanov. Baku. E-mail: emadatli@gmail.com.

добрососедских отношений между двумя странами играет значительную роль в общении представителей единого народа.

Большинство иранских историков, языковедов и литературоведов отмечает, что азербайджанские тюрки наряду с персами сыграли значительную роль в формировании и развитии древней и богатой иранской культуры. Тюрки, поселившиеся на территории Ирана и Южного Кавказа, начиная с III тысячелетия до нашей эры, жили в условиях добрососедства и взаимовлияния с арийцами, пришедшими в этот регион из северных территорий древней Индии и считающимися предками персов.

Персы и тюрки на протяжении столетий имели схожую судьбу и культуру. В 224—651 гг. территория Южного Кавказа входила в состав империи Сасанидов. На протяжении VII—XI вв. огромный регион от Индии до Испании был частью Арабского Халифата, большинство народов этого региона приняло ислам. Все это способствовало формированию общих ценностей, создателями которых стали народы, принадлежавшие к разным культурам и говорившие на разных языках.

Научная литература свидетельствует о том, что с начала VII в. стали появляться совершенные образцы фольклора на азербайджанском тюркском языке. Эпос «Китаби-Деде Горгуд» («Книга Деда Горгуда»), превратившийся в памятник духовной культуры всех тюркских народов, является вершиной азербайджанского фольклора. В последующие столетия на обширной территории сформировалась богатая мусульманская культура. Следует отметить, что только в медресе «Низамийа» в Багдаде учились и трудились десятки прославленных впоследствии азербайджанских ученых, поэтов, литературоведов, языковедов, философов, теологов.

С XI в. на Ближнем и Среднем Востоке установилась политическая власть тюркской династии Сельджукидов (1038—1157). Вскоре государство Сельджукидов превратилось в мощную империю, Арабский Халифат пал (1258), в регионе появились татары-монголы (большинство которых составляли тюрки). Все эти события привели к возрождению персидского языка и его превращению в литературный язык народов мусульманского Востока. В период Сельджукидов и в последующие столетия (XII—XIV) ряд видных литераторов, поэтов, ученых Азербайджана наряду с произведениями, научными трудами на персидском языке создали бессмертные образцы литературы и науки на тюркском языке. Исключительную роль в развитии персидской поэзии за пределами «Ирана» сыграли такие видные азербайджанские поэты-мыслители, как Низами Гянджави (1141—1203), родившийся и проживший всю свою жизнь в городе Гянджа, Афзаладдин Хагани Ширвани (1120—1199), живший и творивший в Шемахе — столице азербайджанского государства Ширваншахов (861—1538), их современница — поэт и музыкант Мехсети Гянджави. С чувством сожаления следует отметить, что ряд современных иранских исследователей с целью присвоения культурных ценностей азербайджанского народа считают этих и других поэтов-мыслителей, ученых «иранскими» только потому, что они, следуя традициям своей эпохи, писали на персидском языке.

Необходимо отметить, что в периоды правления различных тюркских династий (XI—XIV) и господства азербайджанско-тюркских династий XV—XIX вв. (Гарагоюнлу, Аггоюнлу, Сефевиды, Афшары, Гаджары)

в «Иране» азербайджанский язык наряду с персидским был языком науки, литературы, а также занимал значительные позиции на официальном, государственном уровне. С начала XVI столетия — в период существования азербайджанского государства Сефевидов (1501—1736) — тюркский язык наряду с персидским широко использовался в качестве государственного, а также в межгосударственной, дипломатической переписке. Основатель азербайджанского государства Сефевидов Шах Исмаил I (1487—1524) создал поэтический «Диван» («Сборник») на тюркском языке, состоящий из известных стихов и газелей. В период существования азербайджанской тюркской династии Афшаров (с 1736 г.) в обществе, во дворце правителей, в армии, в официальной переписке Надир-шаха Афшара (1736—1747) тюркский язык был основным средством общения.

После убийства Надир-шаха Афшара централизованная власть в Иране полностью развалилась, на исторических землях Азербайджана сформировались независимые государства-ханства. И в этот критический период азербайджанский тюркский язык занимал в обществе господствующее, ведущее место. В период правления тюркской Гаджарской династии официальная государственная переписка, делопроизводство велось на персидском языке. А в провинции Азербайджана основным средством общения населения был тюркский язык. Столицей Азербайджана являлся город Тебриз, где сидели «шахзаде» — наследные принцы и другие официальные лица Гаджарской державы. Они как правило говорили на родном тюркском языке. В годы правления династии Гаджаров большинство населения провинции Азербайджан вообще не знало персидского языка.

В начале XX в. произошли глобальные региональные и социальные потрясения, глубокие революционные изменения. Под непосредственным влиянием первой русской революции в Иране начались социально-политические волнения, в которых азербайджанские тюрки принимали активное участие². Основоположники конституционного движения в Иране Саттар-хан («Сардари-милли» — «глава народа») и Багир-хан («Салари-милли» — «полководец»), их соратники, идущие в первых рядах движения «Мешруте» (это персидское слово имеет значение Конституция) во имя ликвидации абсолютной и установления конституционной (парламентской) монархии в стране, также были азербайджанскими тюрками. В их честь создавались песни, дастаны (эпосы) на тюркском языке. С древних времен в Иране бытует поговорка: «фарси шеккер аст, торки хонар аст», то есть «персидский язык сладкий, как сахар, а тюркский язык это мир искусства». Великий поэт Азербайджана и Ирана Мухаммед Хусейн Шахрияр, воспевая тюркский язык, писал: «Не может быть языка, более любимого, чем тюркский. Если смешать этот благородный язык с чужим, он потеряет свою суть» (дословный перевод с тюркского).

Создание в мае 1918 г. в Северном Азербайджане независимого государства (1918—1920), объявление азербайджанского тюркского языка государственным, прогрессивные изменения, происходившие в Азербайджанской Народной Республике, оказали значительное влияние на движение национального возрождения в южной части исторического Азербайджана. В 1920 г. в Тебризе поднялось восстание против шахского режима управления. Его руководителем выступил шейх Мухаммед Хиябани, выросший в семье религиозного деятеля. Народ в знак уважения

называл его «Шейхом» (это слово помимо религиозного титула означает «мудрец», «старец», «учитель», «глава», «наставник»). В результате тебризского восстания было создано Азербайджанское Национальное Правительство (апрель-сентябрь 1920 г.), официальным языком был объявлен тюркский, ставший основным в устном общении, делопроизводстве, в государственной и дипломатической переписке, в официальной и повседневной жизни Южного Азербайджана ³.

В результате внутренних раздоров, происходивших в Гаджарском государстве, а также соперничества международных сил, в 1925 г. к власти пришел Рза-хана. Он с первого же дня взял вымышленное имя «Пехлеви» и приступил к борьбе против азербайджанских тюрков и тюркского языка. Новая власть страны старалась возродить традиции времен Сасанидской империи, добиться утверждения «одного, единого языка (персидского. — Э.М.) для единой нации». Началась политика запрета тюркского, а также курдского, арабского и других языков.

В действительности Рза-шах был профессиональным военнослужащим, сыном бедного тюрка Дадашбека и не имел никакого отношения к вымышленной «династии Пехлевидов». Все его «реформы» были направлены лишь на укрепление личной власти ⁴. «Основоположник» вымышленной «династии» приступил к военной службе в казацкой бригаде последнего шаха из Гаджарской династии, созданной с помощью русских, в качестве пулеметчика, активно участвовал в беспощадном подавлении мятежей, восстаний, беспорядков, направленных против шахского режима в стране, за что получил звание полковника. Своей активностью Рза-хан привлек внимание англичан, с их помощью стал главным везиром (министром), министром обороны и главнокомандующим вооруженными силами, а впоследствии шахом Ирана ⁵. Во время церемонии коронации одна из знатных женщин, принадлежавшая к распавшейся династии Гаджаров, назвала его «вором короны», на что Рза-шах ответил: «Я не вор, я взял ее только потому, чтобы она не валялась под ногами».

Рза-шах не имел образования, однако он видел и понимал реальности начавшегося XX века. Для развития просвещения и культуры в стране он был намерен проводить реформы, аналогичные реформам Мустафы Кямамал-паши Ататюрка (1889—1938) в соседней Турецкой Республике. Он стал инициатором определенных мероприятий для ликвидации безграмотности в стране, учреждал школы, по его указанию организовывались различные курсы. Рза-шах дал поручение министерству образования сделать так, чтобы не только в процессе обучения, но и в перерывах между занятиями был введен запрет на общение на азербайджанском (тюркском) языке. Кроме того он призывал: «Старайтесь, чтобы азербайджанские мужчины женились на персиянках и в результате их дети заговорили “на родном языке”, как этого всегда требуют тюрки». Учеба только на персидском языке привела к тому, что миллионы азербайджанских тюрков, не знавших его, оставались неграмотными.

Рза-шах отмечал, что «персы принадлежат к “арийской” расе, поэтому все население страны должно говорить на персидском языке, только персидский язык может служить единению иранской нации, а другие нации, языки и культуры следует вытеснить из общественной жизни Ирана». Такая политическая линия шаха постепенно сформировала в иран-

ской историографии враждебную «методологию» исследования. В стране появились «идеологи», служившие политике шахского режима. Они старались принизить неперсидские народы, особенно азербайджанских тюрков, их язык и культуру, «научно обосновать» положение о том, что «неперсидские народы являются пришлыми, их языки произошли от персидского языка, а культура этих народов в течение столетий развивалась под благоприятным влиянием персидской культуры». Подобная политическая линия превалировала вплоть до падения шахского режима в феврале 1979 года

Историк азербайджанского происхождения Сейид Ахмед Кесреви Тебризи (1890—1946) был самым известным исследователем, служившим политике шаха Ирана в области языка. Его труды, посвященные проблемам истории, литературы, языкознания, философии, культуры, политики, развития общества, религии, вероисповедания, права, экономики и сегодня привлекают большое внимание ученых, и иранские исследователи периодически обращаются к его трудам в качестве «ценного источника». Соображения Ахмеда Кесреви Тебризи об иранизме, национализме, религиозности, государственности отличаются новаторством, но они крайне противоречивы. Например, он призывал шахский режим «положить конец шиитско-суннитскому противостоянию, служить единой исламской вере — “чистой религии”» и считал необходимым «ликвидацию всех национальных, культурных и языковых различий и создание “единой нации Ирана”, обладающей единым языком (персидским. — Э.М.)».

Статья «Тюркский язык в Иране» Тебризи привлекает особое внимание исследователей. По сведениям доктора Джавада Хейята, эта статья была написана на арабском языке и опубликована в журнале «Аль-Ирфан», издающемся в Сирии. Эван Зегал перевел ее на английский, а профессор Гарвардского Университета (США) Шахаби — на персидский язык. Известный исследователь Ахмед Амир Фарханги издал эту объемную статью в Тегеране в виде брошюры ⁶. Следует отметить, что Ахмед Кесреви Тебризи в отличие от других своих книг и статей, опубликованных в Иране, в этой статье высказал ряд позитивных и объективных соображений об азербайджанских тюрках и их языке. Например, ученый отмечал, что «тюрки с древних времен пришли из Туркестана в Иран, поселились в различных местах этой страны, современные иранские тюрки являются потомками тех тюрков, для которых Иран стал родиной». С этой мыслью можно согласиться частично. Однако следует учитывать и то обстоятельство, что еще до появления арийцев в Иранском нагорье, на этих территориях жили различные племена и народности, в том числе тюрки — аборигены Ирана. Тебризи в отличие от ряда иранских историков, необоснованно утверждающих, что «тюрки появились в Иране только в XII—XIII вв.», в этой статье не поддержал шовинистических положений официальной иранской историографии. Он писал: «Азербайджанский тюркский язык является совершенным, сильным, созидательным, прогрессивным, независимым языком, соединяющим все своеобразные особенности и превосходства любого средства общения. Хотя этим языком в письме пользуются не так уж часто, но он имеет своеобразные особенности, которые отличают его от ряда развитых языков мира» ⁷.

Интересно, что в этой статье Ахмед Кесреви сравнил тюркский язык с персидским и арабским и пришел к выводу, что грамматика тюркского языка опирается на более стабильные правила, а формы глагола в этом языке очень богаты.

Привлекает внимание еще одно признание иранского ученого: «У меня нет сведений о состоянии тюркского языка в период правления Хулагу-хана и его преемников (имеется в виду период правления Хулагуидов — Эльханидов в Азербайджане и сопредельных странах в XIII—XIV вв. — Э.М.). Но документы и источники, дошедшие до нас в последние годы, свидетельствуют о том, что тюркский язык и в предыдущие столетия, всегда (даже в период правления тюркоязычных династий) подвергался упрекам, оскорблениям, унижениям, озлоблениям правителей». Интересна также заключительная часть указанной статьи Ахмеда Кесреви: «Повышение склонности и симпатии населения Азербайджана к тюркскому языку свидетельствует о том, что может быть это событие превратится в литературное движение во имя восстановления нарушенных прав азербайджанских тюрков, прекращения оскорбления их, прекращения запрета и давления на тюркский язык»⁸.

Следует отметить, что в своих книгах и статьях, опубликованных в Иране, Ахмед Кесреви Тебризи демонстрировал совершенно другое, предвзятое, враждебное отношение к истории азербайджанских тюрков, языку и духовному миру азербайджанского народа. С этой точки зрения следует специально рассмотреть его книгу «Азери или древний язык Азербайджана»⁹. Высказывая свое отношение к мнению ряда европейских исследователей, называющих азербайджанский тюркский язык «азери», он ссылается на сведения об Азербайджане из сочинения «Муджам ал-булдан» арабоязычного географа конца XII — начала XIII в. Ягута аль-Хамави: «У них имеется полуязык (наречие, диалект. — Э.М.), который называют “азери”. Кроме них этот язык никто не понимает». После этого Тебризи отмечает, что «он считает язык “азери” одной из ветвей персидского языка»: «... до первых веков исламского летоисчисления (хиджри. — Э.М.) население Азербайджана состояло из арийцев или ариев, а язык этого населения был не чем иным, как языком, произошедшим от персидского языка»¹⁰.

В первой главе книги («Первые тюрки в Азербайджане») Ахмед Кесреви Тебризи писал: «Первые тюркские отряды появились в Азербайджане в годы правления Султана Махмуда Газневи... Наши исследования свидетельствуют о том, что “торки” (тюркский язык. — Э.М.) появился в Азербайджане вместе с тюркскими переселенцами в годы господства Сельджукидов»¹¹.

Ахмед Кесреви игнорировал сведения исторических источников, свидетельствующих о том, что тюркские племена (гунны, сабиры, булгары, хазары и др.) пришли и осели в Азербайджане еще в IV—V веках. В годы существования Сасанидской империи (III—VII вв.) в «Иране» появились тюркские племена, входившие в состав союза племен «Гейтюрк», и по указу Сасанидского шахиншаха Хасрова I Ануширевана (531—579) они были расселены в различных местах Азербайджана. Известный исследователь Джавад Хейят, опираясь на «Воспоминания Ануширевана», прокомментировал эти сведения в своей книге¹².

Ахмед Кесреви, выражая свое отношение к утверждениям иранских историков о том, что «массы тюрков появились и размножились в Азербайджане именно в годы господства монголов», писал: «Мы не сможем утверждать, что в период правления монголов число тюрков в Азербайджане увеличилось. Ибо мы не имеем доказательств, аргументов в пользу этого утверждения»¹³. Эта мысль Ахмеда Кесреви отражает исторические реальности: еще задолго до господства монголов-татар — в период правления Сельджукидов (XI—XII вв.) в Иране, Восточной Анатолии и Азербайджане проживало огромное количество огузов-тюрков, а также кыпчагов-тюрков, прибывших с северных берегов Каспийского моря и Кавказа, осевших в этих краях, и тюркский язык уже был основным средством общения для населения огромного региона. Однако здесь следует иметь в виду и то, что более половины монгольских войск и их полководцев составляли тюрки. Об этом свидетельствуют исторические источники и исследовательские труды европейских и русских авторов. Следует отметить и то, что еще с XIII в. русские летописи называли этих тюрков «татарами», и в русской историографии утвердилось выражение «татаро-монголы». Имеются также сведения о том, что в период правления монголов-татар в «Иране», особенно в Азербайджане, поселилось более двух миллионов тюрков. Ибн Баттута и Ибн Фазлуллах-ал-Омари, побывавшие в Тебризе в XIV в., отмечали, что «население Тебриза было тюркоязычным»¹⁴.

Ахмед Кесреви писал: «Тюркский язык распространился в Азербайджане в период существования государств Гарагоюнлу и Аггойунлу, а в период правления Сефевидов находился на вершине своего развития, далее наступили застой и отступление. В годы правления Шаха Исмаила I (1501—1524) и шаха Тахмасиба I (1524—1576) тюркский язык использовали наряду с персидским, и тюркский язык занимал вторую позицию в государстве. После воцарения шаха Аббаса I (1587—1629) и переноса столицы государства Сефевидов из Газвина в Исфахан (1598) тюркский язык потерял прежнюю позицию. Однако в результате начала движения “Мешруте” и усиления патриотических чувств в стране процесс отступления тюркского языка остановился». Ахмед Кесреви справедливо отмечал, что движение «мешруте» было освободительным, оно не способствовало запрету тюркского языка. Приход к власти Рза-шаха (1925), роспуск парламента и усиление персидского национализма вновь остановили процесс развития тюркского языка.

Необходимо отметить, что текст и образцы поэзии, представленные Ахмедом Кесреви в своей книге для доказательства «правильности» его положения «о существовании языка “азери”», не имеют ничего общего с историей и культурой азербайджанских тюрков, поскольку вырваны автором из «арсенала» диалектов, говоров татского и талышского языков. Джавад Хеият справедливо отмечал: «Ахмед Кесреви, претендующий выступить в качестве исследователя и лингвиста, выступил не как лингвист, а как профессиональный политик, смешивал, путал свои доводы и таким образом, старался навязать читателям свои мысли». Например, называя различные диалекты «языком азери», он отождествлял их с персидским языком. Ахмед Кесреви пришел к выводу, что тюркский язык, являющийся средством общения миллионов азербайджанцев и иранцев,

изживает себя, и азербайджанцам следует отказаться от него, а тюркский язык должен быть заменен персидским.

Можно привести много примеров ошибочных «нововведений» Ахмеда Кесреви, не имеющих научной основы. Так заложенная им традиция фальсификации истории происхождения и формирования азербайджанских тюрков, истории тюркского языка была развита последующими иранскими исследователями, придерживающимися линии «кесревизма»¹⁵.

«Кесревизм», основы которого появились в книгах и статьях Ахмеда Кесреви Тебризи 90 лет тому назад, служащий паниранизму и крайнему персидскому национализму, направлен против естественных, справедливых требований половины населения Ирана и ныне занимает определенное место в общественной жизни страны. Его идеи пропагандируются не только в исследовательских трудах современных иранских историков, лингвистов, но и в газетах и журналах Ирана и даже за его пределами с помощью иранских эмигрантов, проживающих в различных странах мира. Среди подобных публикаций можно отметить книгу «Азербайджан: этническая принадлежность и его борьба за власть в Иране» Тураджа Атабеги, изданную в Нью-Йорке и Лондоне на английском языке и переведенную в 1997 г. на персидский язык под названием «Азербайджан в современном Иране», а также статью «Где находится Азербайджан?» Джалала Метини, опубликованную в журнале «Ираншунаси» («Ирановедение»), издающемся в США (1989, № 3), и др.¹⁶.

Приходится с чувством удивления и сожаления отметить, что в условиях современной глобализации в Исламской Республике Иран имеются «исследователи», которые как и в первые десятилетия прошлого века, под влиянием антинаучных «положений» Ахмеда Кесреви Тебризи пишут о том, что азербайджанские тюрки, курды, арабы и представители других народов Ирана «принадлежат» к «Иранской расе» (вымышленной еще в начале прошлого столетия) и «они вынуждены говорить на тюркском, арабском и курдском языках только под воздействием исторических событий». Подобные утверждения вызваны тем, что в Исламской Республике Иран персидский язык имеет статус единственного официального языка. По Конституции страны граждане Ирана имеют право учиться, получить образование на родном языке. Но, несмотря на это, официальные власти не допускают учебу на азербайджанском тюркском языке, который даже не включен в учебные планы в качестве отдельного предмета. Азербайджанский тюркский язык является средством общения миллионов людей в разных странах мира, но азербайджанские тюрки, столетиями живущие в Иране и составляющие более одной трети населения страны, лишены такой возможности. Вместо развития, обогащения азербайджанского тюркского языка происходит его ассимиляция, за что определенную ответственность несут историки, лингвисты, представители интеллигенции Ирана.

Примечания

1. Iran Yearbook 96. Bonn. 1995.
2. АХМЕД КЕСРЕВИ. Тарих-е Хидждансалеи Азербайджан. Джелде еввел. Техран. 2537 (по старому календарю) (на перс. яз.); ЕГО ЖЕ. Дер пирамун-е тарих. Техран. 1378 (хиджри) (на перс. яз.).
3. ТАГИЕВА Ш. Национально-освободительное движение в Иранском Азербайджане (1917—1920 гг.). Баку 1956, с. 96—97 (на азерб. яз.).
4. АЛИЕВ С.М. История Ирана (XX век.). М. 2004, с. 539.
5. Турадж Атабеги. Азербайджан дер Иране моасер. Техран. 1376 (хиджри), с. 157 (на перс. языке).
6. Варлыг. Техран. 2007, зимний выпуск (на азерб. яз.).
7. ХЕЙЯТ Дж. Во имя нашего языка, нашей литературы и национальной принадлежности. Баку. 2011, с. 496 (на азерб. яз.).
8. Там же, с. 498.
9. АХМЕД КЕСРЕВИ. Азери уа зебан-е бастан-е Азербайджан. Техран. 1309 (хиджри) (1926) (на перс. яз.).
10. Там же; ЕГО ЖЕ. Тарих-и мешруте-йе Иран. Техран. 2537 (по старому календарю) (на перс. яз.); ЯХЬЯ ЗОКА. Карвенд-е Кесреви. Техран. 352 (хиджри) (на перс. яз.); ИНАЯТУЛЛАХ РЗА. Азербайджан аз кихентерин аям та емруз. Тебриз. 1367 (хиджри) (на перс. яз.).
11. АХМЕД КЕСРЕВИ. Азери уа зебан-е бастан-е Азербайджан, с. 15.
12. ХЕЙЯТ Дж. Во имя нашего языка, нашей литературы и национальной принадлежности, с. 496.
13. АХМЕД КЕСРЕВИ. Азери уа зебан-е бастан-е Азербайджан, с. 18.
14. ХЕЙЯТ Дж. Во имя нашего языка, нашей литературы и национальной принадлежности, с. 503.
15. АХМЕД КЕСРЕВИ. Азери уа зебан-е бастан-е Азербайджан.
16. ЭЙНУЛЛА МАДАТЛИ. Азербайджанские реальности в иранской историографии. Баку. 2011 (на азерб. яз.); ХЕЙЯТ Дж. Во имя нашего языка, нашей литературы и национальной принадлежности, с. 496.

Формирование социальной инфраструктуры в новых городах севера Западной Сибири (1960—1980-е гг.)

А. И. Прищепа

Аннотация. В публикации освещаются вопросы создания в новых городах и поселках расселения прибывающей на север Западной Сибири рабочей силы необходимых условий для производственной деятельности и повседневной жизни геологов, нефтяников, строителей, энергетиков и других специалистов. Автор отмечает, что решение социально-культурной проблематики являлось важнейшим адаптационным фактором их закрепления на предприятиях севера. Забота властных и хозяйственных органов о строительстве жилья, создании предприятий торговли и бытового обслуживания способствовали снижению текучести кадров и решению многих производственных и социальных задач.

Ключевые слова. текучесть кадров, бытовое обслуживание, складские помещения, продукты питания.

Abstract. The publication highlights the creation of new towns and settlements in the North of Western Siberia, the resettlement of labor force necessary conditions for production activities and daily life of geologists, oil workers, builders, power engineers and other professionals. The author notes that the solution of social and cultural problems was the most important adaptation factor of their fixing at the enterprises of the North. The concern of the authorities and economic bodies for the construction of housing, the establishment of trade and consumer services enterprises contributed to the reduction of staff turnover and the solution of many industrial and social problems.

Key words: employee turnover, domestic service, warehouse, food.

Интенсивное промышленное освоение крупнейшей в стране нефтегазовой провинции в 1960—1980-е гг. сопровождалось бурным строительством городов. В Ханты-Мансийском автономном округе — Югре было построено 15 городов. Первыми в 1965 г. появились поселки Сургут

Прищепа Александр Иванович — доктор исторических наук, профессор Сургутского государственного университета ХМАО-Югры, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа-Югры. E-mail: IPrishepa@yandex.ru.

Prishchepa Aleksandr I. — doctor of historical sciences, professor at the Surgut State University of KHAMAO-Yugra, honored scientist of Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug-Ugra. E-mail: AIPrishepa@yandex.ru.

и Урай. В 1967 г. вырос город Нефтеюганск, в 1972 г. — Нижневартовск, в 1980 г. — Мегион. 1985 г. стал годом рождения для Лангепаса, Радужного, Нягани и Когалыма. Затем городами стали поселки: Белоярский — в 1988 г., Пыть-Ях и Лянтор — в 1990, Покачи и Юганск — в 1992, Советский — в 1996 году ¹. Всего же за время создания Западно-Сибирского нефтегазового комплекса был построен 21 новый город ².

Широкомасштабное жилищное строительство сопровождалось обострением проблемы социокультурного обеспечения приезжающих рабочих кадров. В Тайлаково, например, из-за отсутствия в продаже постельного и нательного белья мужчины ходили в дамских кофточках ³. В магазинах Югана полтора года не было пуговиц. А приехавшие в Сургут рабочие сейсмических партий не имели никаких постельных принадлежностей ⁴.

Тяжелые условия проживания, недостаток производственных помещений, необходимого оборудования, инструментов и спецодежды приводили к нарушениям правил техники безопасности, случаям тяжелого травматизма. Даже в передовой бригаде В.П. Лагутина, по его признанию, сделанному на пленуме Сургутского райкома КПСС в 1963 г., «рабочие не были снабжены ни перчатками, ни другими инструментами, отсутствовали огнетушители». Опытный мастер предупреждал, что это может привести к несчастным случаям на производстве ⁵.

В Сургутской нефтеразведочной экспедиции только за первые семь месяцев 1961 г. произошло 5 аварий на Мегионском, Ермаковском и Юганском буровых участках. На Ермаковском участке из-за аварии пришлось перемещать буровую установку на новую точку. На Пимском участке в 1961 г. при выполнении служебного задания утонул геологоразведчик Гришечко. В том же году возле деревни Пилюгино загорелся катер БМК. Речники получили тяжелые ожоги. В феврале 1963 г. в

сургутскую районную больницу попали с травмами пять рабочих геологоразведочной экспедиции, а в декабре 1964 г. на XV районной партийной конференции первый секретарь Тюменского промышленного обкома КПСС А.К. Протазанов с горечью сообщал: «В Сургутской экспедиции имели место пять случаев смертельного исхода» ⁶.

Плохое решение социальных вопросов и недостатки в культурно-просветительской и воспитательной работе вели к нарушению трудовой дисциплины и уголовным преступлениям. В июле 1959 г. районная газета «К победе коммунизма» опубликовала «Открытое письмо членам районного штаба рабочих дружин», в котором приводились факты нарушений общественного порядка работниками Сургутской нефтеразведочной экспедиции. В нем, в частности, говорилось: «17 июля 1959 г. рабочие Новосибирской геофизической партии Сергей Чекарев и Виктор Кайдалов, вдохновленные винными парами, носились с душераздирающими воплями по огороду гражданина Кольцова до тех пор, пока не были задержаны работниками милиции» ⁷. На пленуме Сургутского РК КПСС в декабре 1960 г. отмечалось, что «в сейсмических партиях среди ИТР процветает пьянка, они допускают грубости и дебош. В 1961 г. в Сургутском районе к ответственности за мелкое хулиганство было привлечено 119 чел., из которых 26 чел. являлись работниками нефтеразведочной экспедиции» ⁸.

Продолжавшийся вынужденный форсированный прием на работу в нефтеразведочную экспедицию в первой половине 1960-х гг. в условиях дефицита подготовленных специалистов сопровождался снижением требовательности к поступающему контингенту, нарушениями кадровой политики и последующим ростом преступности членов трудового коллектива. В 1961 г. в Сургутском районе было совершено 114 преступлений — на 46 больше, чем в 1960 году: Из них 19 приходилось на Сургутскую комплексную геологоразведочную экспедицию, являвшуюся бесспорным лидером среди всех предприятий Сургутского района по этому показателю ⁹.

Серьезным сдерживающим фактором полноценного обеспечения нефтяников Севера предметами быта и продовольствием являлась большая удаленности новых нефтяных городов и поселков от основных баз и, прежде всего, от Тюменского промышленного узла.

Фарватер Оби длиной почти 3 тыс. км. не справлялся с перевозкой необходимого объема грузов и продовольствия за 3—4 месяца навигации. Потребности городов обеспечивались только наполовину. Так, например, к концу навигации 1964 г. в Сургут было доставлено лишь 40% всего необходимого для производственной деятельности и повседневной жизни его населения. Острейшая нехватка продуктов питания, промышленных товаров, инструментов и материалов заявила о себе уже в начале ноября. Город нуждался во всем: «от хлеба до обсадочных труб» ¹⁰. Ситуация обострялась отсутствием речных причалов в городе. Из-за недостатка мест выгрузки и складских помещений для приема увеличивающегося потока грузов, 3 сентября 1968 г., например, у дебаркадеров Сургута находилось под разгрузкой только 13 из 23 судов, остальные простаивали в ожидании своей очереди ¹¹.

Как вспоминали служащие созданного в 1964 г. отдела рабочего снабжения НПУ «Сургутнефть», «сметану и колбасу в то время доставляли самолетами. По четвергам покупатели с мешками выстраивались в очередь за свежей продукцией. Правда, если непогода и самолеты не прилетали, то в магазинах было пусто, ни сметаны с колбасой, ни очередей... Запасов еды хватало до января, затем склады катастрофически пустели» ¹².

Интенсивное промышленное освоение региона, рост численности городского населения требовали значительного увеличения темпов развития торговли и бытового обслуживания по сравнению с предшествующим периодом. Однако в 1963 г. из 93 городских предприятий Райпотребсоюза 34 не выполнили план товарооборота, а по ОРСу леспромхоза из 19 магазинов и ларьков не справились с плановыми заданиями 9 магазинов и 2 ларька. В Сургуте систематически происходили перебои в продаже товаров, в достаточном количестве имевшихся на базах. Часто магазины были закрыты из-за инвентаризации, ремонта помещений и нехватки продавцов. Только по линии Рыболовпотребсоюза в продаже отсутствовало 59 наименований различных товаров, имевшихся на складах ¹³.

По мере строительства города ситуация менялась медленно. В 1968 г. на Сургутской районной партийной конференции делегаты с горечью рассказывали о перебоях в снабжении основными продуктами питания: «В нашем микрорайоне постоянно перебои с хлебом, нет молока, мас-

ла»¹⁴. Особое недовольство вызывало качество товаров, поступавших как от местных поставщиков, так и с основных баз. В магазинах № 1, 2 и 9 Сургутского рыбкопа в 1968 г. из осмотренных 548 тыс. банок консервированной продукции было забраковано и снято с продажи 5 тыс. штук. В магазине № 2 было снято с продажи печенье выработки 1958—1959 годов. Им торговали до тех пор, пока не вмешалась Государственная инспекция по торговле¹⁵.

В торговую сеть города поступала мебель от Сургутского райпромкомбината крайне низкого качества. Так, в сургутском хозмагазине в том же году была забракована вся осмотренная партия мебели в количестве 123 единиц. Она имела крупные дефекты, кроме того, цены на нее были установлены выше рекомендованных прейскурантом. В 12 магазинах при проверке выяснилось, что 45 из 583 наименований товаров продавались по неправильным, в основном завышенным ценам¹⁶.

Улучшению торговли мешала ведомственность. Уже на начальном этапе формирования нефтегазового комплекса началось создание ведомственных торговых организаций — управлений рабочего снабжения «Тюменьнефтегазстрой», «Главтюменьнефтегаза», «Главтюменьгазпрома», «Главтюменьгеологии». Торговое обслуживание населения районов нового освоения осуществляла разветвленная сеть отделов 11 разных торговых организаций¹⁷. В 1978 г. в Сургуте, например, действовало 9 торговых систем¹⁸, что существенно затрудняло специализацию торговой сети, вело к ненужному параллелизму в работе, искусственному дефициту одних товаров и излишкам других, порождало безответственность и злоупотребления. На долю этих торговых организаций, по данным экономистов, приходилось 95% залежалых товаров¹⁹. Так, при наличии острейшего дефицита в магазинах, на базах Сургута в июне 1964 г. было сконцентрировано 20 т мяса, 20 т рыбы, 15 т картофеля, 18 т сливочного масла²⁰.

Товарный голод порождал социальный и психологический дискомфорт в условиях стабильного роста покупательной способности северян. Так, например, с 1965 по 1970 г. средняя заработная плата сургутян увеличилась почти в 4 раза — с 80 до 310 руб., а с 1970 по 1985 г. — с 310 до 800 руб., то есть в 2,5 раза²¹.

Развитие системы торговли и общественного питания в новых городах существенно сдерживало отставание строительства и ввода в эксплуатацию подобного рода объектов. Так, в 1966 г. в Сургуте началось возведение торгового центра сметной стоимостью 238,8 тыс. рублей. После освоения 124 тыс. руб. строительство было приостановлено, а в 1967 г. полностью прекратилось²². В том же году был сорван план введения в строй столовой на 150 мест²³. В 1968 г. трест «Сургутгазстрой» не обеспечил запланированный ввод в строй магазина, аптеки, детсада и школы, не завершил работы по благоустройству как ранее застроенных, так и новых микрорайонов²⁴. Отделы рабочего снабжения только на 35% были обеспечены складскими и холодильными помещениями²⁵.

Интенсивный рост населения в Среднем Приобье в 1960-е гг. ставил перед строителями большие задачи по вводу в строй учреждений социально-бытового обслуживания. В мае 1964 г. единственный тогда комбинат бытового обслуживания в рабочем поселке Сургут был реорганизован

в райпромкомбинат. Его годовой объем выполняемых работ составлял всего 200 тыс. рублей. Он имел очень слабую производственную базу, которую составляли два швейных цеха на 52 рабочих места, две парикмахерские на 12 рабочих мест, две сапожные мастерские, каждая на 1 рабочее место, часовая мастерская на 2 рабочих места, два фотоателье. Всего в штате комбината вместе с персоналом, работавшим в цехах Нефтеюганска, насчитывалось 198 чел., из которых 105 были заняты непосредственно обслуживанием населения²⁶. Так называемая «Сургутская гостиница» представляла собой размещенный в приспособленном ветхом помещении «Дом приезжих» на 12 мест, тогда как, по расчетам, городу в конце 1964 г. требовалась гостиница на 80 мест, в 1965 г. — на 120, а к 1970 г. — не менее, чем на 350 мест²⁷.

Однако, в 1960-е гг. в Сургуте не был достигнут уровень существовавших норм ни по одному виду культурно-бытового и коммунального обслуживания. Так, в 1969 г. при наличии в городе населения в количестве 27 728 чел. его жители должны были иметь 2800 мест в детских садах и яслях, а имели 1520 или всего 54% от утвержденной социальной нормы, в банях вместо 279 мест было 176 или 63%, больницами сургутяне были обеспечены на 53%, школами — на 71%, магазинами — на 72%²⁸.

В этой связи важно отметить, что в 1966 г. в НПУ «Сургутнефть» поступило на работу 662 чел., а уволилось 307. В заявлениях в качестве главных причин ухода называлось отсутствие социально-бытовых объектов и учреждений культуры²⁹. Их особая значимость предопределялась спецификой населения Сургута как преимущественно молодого, с высоким образовательным уровнем и соответствующими повышенными запросами к организации сферы досуга. До 1989 г. средний возраст сургутян не превышал 26,3 года³⁰. По данным паспортного стола, в Сургуте в 1968 г. прописалось 10,5 тыс. чел., а выписалось 5,5 тысяч. Текучесть кадров на основных предприятиях составляла от 30 до 70%³¹.

При достаточно скромных жилищных условиях нефтяников и газовиков, энергетиков и строителей формирование бытовой и социально-культурной инфраструктуры Западно-Сибирского нефтегазового комплекса приобретало все большее значение не только с точки зрения производственных потребностей, но и в силу выполняемых ею традиционных культурно-просветительских функций. В городах нового нефтегазового освоения учреждения быта и культуры были призваны стать главным адаптационным фактором преодоления у мигрирующего населения психологии «временщика», чувства отчуждения и изолированности от «большой земли». Весьма показательным являлось то, что, например, в январе 1969 г. в Сургуте проживало 27 728 чел., из которых 14 928, то есть больше половины, являлись непосредственно рабочими. А это свидетельствовало о нежелании мигрантов переселять на север членов своих семей и их жизненных планах временного пребывания в этом городе³².

Особое значение в решении вопросов строительства культурно-бытовых учреждений на севере Западной Сибири имел производственный опыт созданного 12 февраля 1966 г. строительного треста «Сургутгазстрой». Его уникальность заключалась в том, что организованный для капитального строительства, он логикой социальной необходимости и вопреки ведомственному сопротивлению был утвержден в качестве не-

формального городского строительного треста. С приходом строителей «Сургутгазстроя» на социальные объекты решительно изменилось положение на строительстве клуба на 600 мест, больничного комплекса на 240 мест, бани на 101 место в поселке Нефтяников, комплекса объектов второй очереди тубдиспансера, профтехучилища на 600 учащихся в поселке Строителей. Кроме 23 пусковых объектов плана 1968 г. труженниками «Сургутгазстроя» было подготовлено возведение еще одной школы на 640 мест, детсада на 280 мест, бани-прачечной и больницы в районе Строителей³³.

С каждым годом доля объектов социально-бытового обслуживания в государственном задании строительного треста «Сургутгазстрой» возрастала. В 1976 г. из 28 млн. руб. общего объема освоения 14 033 000 руб., то есть 50,6% составляло строительство объектов социально-бытового назначения³⁴. Трест возводил в Сургуте 42 объекта соцкультбыта, в число которых входило 10 объектов торговли: городской торговый центр, торговый центр НГДУ, холодильник и магазин в НГДУ, столовая-ресторан на 210 мест, молочная кухня и другие сооружения; 3 объекта здравоохранения: детская поликлиника, санэпидемстанция, акушерский корпус; 7 объектов просвещения: 3 школы и 4 детских сада; 26 бытовых объекта и клуб³⁵.

Важное место в формировании системы качественного бытового обслуживания горожан занимали предприятия пищевой продукции. Практически все они были построены «Сургутгазстроем». История их создания имела довольно забавный эпизод. По воспоминаниям В. Бирюкова, воспроизводившего рассказ первого секретаря Сургутского городского комитета КПСС В.В. Бахилова, во время посещения города в 1967 г. Председатель Совета Министров СССР А.Н. Косыгин вечером за богато сервированным столом попросил принести ему стаканчик кефира. Но сколько кефир не искали — не нашли, потому что тогда его на севере не производили. Пришлось Бахилову извиняться перед Председателем Совета Министров³⁶. Зато после его отъезда во всех новых городах среди первоочередных объектов строительства появились молокозаводы.

«Сургутгазстрой» последовательно сдавал в эксплуатацию важнейшие социальные объекты, «питавшие» город Сургут. 1 февраля 1974 г. СУ-28 ввело в строй Сургутский городской молочный завод. 16 сентября 1976 г. выдал продукцию Сургутский хлебозавод³⁷. В 1978 г. вступил в строй мясоперерабатывающий завод. В 1980 г. сургутяне стали потреблять пиво собственного пивоваренного завода. В 1994 г. вошла в строй созданная «Сургутгазпромом» первая в России фабрика по производству джемов из дикоросов, оборудованная шведскими технологическими линиями³⁸.

Таким образом, в 1960-е гг. темпы введения в строй объектов социально-бытового обеспечения существенно отставали от динамики роста населения ХМАО-Югры и потребностей преимущественно молодежного контингента рабочих и специалистов. Улучшение социальной инфраструктуры жизнедеятельности новых «нефтяных городов» становилось главным фактором их адаптации к тяжелым условиям производственной деятельности и повседневной жизни. Усилиями трудовых коллективов в 1960—1980-е гг. были преодолены основные трудности начального

периода градостроения на севере Западной Сибири и заложены основы дальнейшего благополучного развития в них жилищного строительства, торговли и бытового обслуживания.

Примечания.

Материал публикуется в рамках работы над грантом Федерального государственного бюджетного учреждения «Российский фонд фундаментальных исследований» по теме: «Градостроение в Ханты-Мансийском автономном округе — Югра в годы его нефтегазового освоения», договор № 18—49—860007\18

1. ФИЛИППЕНКО А. В. Ханты-Мансийский автономный округ. Обзор. В кн.: История и перспективы градостроительного освоения территории Севера. М. 2004, с. 138.
2. ДОНГОРЯН Ш. С. Взгляды на градостроительство на севере Западной Сибири. Там же, с. 190.
3. Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (ГАСПИ ТО), ф. 113, оп. 16, д. 1, л. 8.
4. Там же, оп. 12, д. 2, л. 5.
5. Там же, оп. 16, д. 1, л. 3.
6. Там же, д. 39, л. 18.
7. К победе коммунизма. 31.07.1959.
8. ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 12, д. 2, л. 5.
9. Там же, ф. 113, оп. 12, д. 105, л. 15.
10. Древний город на Оби: история города Сургута. Екатеринбург. 1994, с. 309.
11. Архивный отдел администрации города Сургута (АОАГС), ф. 51, оп. 1, д. 93, л. 1.
12. Долгая дорога к нефти. Сургут. 1997, с. 290.
13. ГАСПИ ТО, ф. 4, оп. 16, д. 31, л. 224.
14. Там же.
15. Там же, ф. 113, оп. 16, д. 31, л. 210.
16. Там же, л. 211.
17. ГАВРИЛОВА Н. Ю. Социальное развитие нефтедобывающих районов Западной Сибири (1964—1985). Тюмень. 2002, с. 146.
18. ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 29, д. 3, л. 20.
19. ГАВРИЛОВА Н. Ю. Ук. соч., с. 146.
20. ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 16, д. 46, л. 19.
21. АОАГС, ф. 6, оп. 1, д. 02—23, л. 1.
22. ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 19, д. 40, л. 97.
23. Там же, л. 101.
24. Там же, оп. 31, д. 7, л. 78.
25. Там же, д. 1, л. 13.
26. Там же, л. 13.
27. Там же, оп. 16, д. 1, л. 13.
28. АОАГС, ф. 3, оп. 1, д. 33, л. 269.
29. ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 20, д. 67, л. 29.
30. Город Сургут в цифрах. Сургут. 1995, с. 36—37.
31. ГАСПИ ТО, ф. 113, оп. 1, д. 2204, л. 36.
32. АОАГС, ф. 3, оп. 1, д. 24, л. 21.
33. Там же, д. 101, л. 223.
34. Там же, д. 24, л. 23.
35. Там же, л. 23.
36. Югра. 1999, апрель.
37. Долгая дорога к нефти, с. 38.
38. Сургутская трибуна. 28.02.1995.

Особенности сельского хозяйства и положение крестьян Арзамасского уезда в 1779—1860 гг

М. Б. Щавелёва

Аннотация. Арзамасский уезд относился к категории смешанных, занимая промежуточное положение между промышленными и земледельческими уездами Нижегородской губернии. Основное значение в экономике крестьянского и помещичьего хозяйства принадлежало хлебопашеству. На территории Арзамасского уезда сформировался район товарного коноплеводства и льноводства. Товарный характер имело выращивание лука и разведение гусей местной высокопродуктивной породы. Подавляющее большинство сельского податного населения уезда составляли в исследуемый период времени помещичьи крестьяне. В числе крестьянских повинностей преобладал оброк (главным образом, денежный), который к середине XIX в. увеличился в 2,1 раза. Вовлечение помещичьего хозяйства в торговлю сопровождалось усилением экономического гнета и ухудшением положения крестьян, что порождало различные формы стихийного протеста.

Ключевые слова. Нижегородская губерния, земледельческие и смешанные уезды, Арзамасский уезд, хлебопашество, льноводство, категории сельского населения, виды крестьянских повинностей, формы сопротивления крепостному гнету.

Abstract. The Arzamas uyezd was related to the category of mixed uyezds having an interim position between industrial and agricultural uyezds of the Nizhny Novgorod governorate. The main meaning in the economy of the peasant and landlord household was connected with bread agriculture. On the territory of the Arzamas uyezd there formed the district of trade cannabis and linum cultivation. The trade character was also presented in onion growing and high quality goose breeding. The majority of rural tax poll population consisted of landlords' peasants. Among the curvees the main one was a rent ("obrok") (mainly in money) which had increased by 2.1 times by the end of the XIX century. The involvement of a landlord household in trade was connected with strengthening economic oppression and worsening peasants condition which lead to different forms of spontaneous protests.

Key words: Nizhny Novgorod governate, agricultural and mixed uyezds, the Arzamas uyezd, bread agriculture, linum cultivation, rural population categories, types of peasant curvees, types of serfdom oppression resistance.

Нижегородское наместничество, в состав которого в 1779 г. вошла Арзамасская провинция, ставшая уездом, а позднее (в 1796 г.) Нижегородская губерния относились в числе других¹ к региону Среднего Поволжья, где большое значение имели неземледельческие занятия населения — торговля, промыслы, промышленность. Наряду с этим росло товарно-земледельческое значение южных и юго-восточных районов губернии. Все ее уезды делились по характеру соотношения земледель-

ческих и неземледельческих занятий на три группы: промышленные (Горбатовский, Семёновский, Балахнинский), земледельческие (Лукояновский, Сергачский, Княгининский) и смешанные (Нижегородский, Арзамасский, Макарьевский, Ардатовский, Васильский). Арзамасский уезд, таким образом, относился к разряду смешанных уездов Нижегородской губернии.

Основная роль в экономике крестьянского хозяйства принадлежала хлебопашеству. В ответе на анкету Вольного экономического общества по Арзамасской провинции в 1766 г. отмечалось наличие там хлебопашества, а также хлебного торга. «Хлеб отвозился в Нижний Новгород, Муром, Гороховец и отчасти в Ростов»².

По мнению Я.Б. Водарского, распаханность Нижегородской губернии составляла 36%, наиболее распаханными были Нижегородский (65%) и Арзамасский (60%) уезды³.

Основной массой земли Арзамасского уезда (76%), таким образом, владели помещики, 24% земли принадлежало дворцовому ведомству, духовенству, государственным и экономическим крестьянам.

В южной черноземной полосе Арзамасского уезда господствовала 3-польная система земледелия, в северной части — 2-полье и 1-полье. В уезде выращивались, в основном, рожь, овес, гречиха, ячмень, чечевица, пшеница. Средний урожай по уезду составлял «сам-3»⁴, достигая в отдельных районах значения «сам-5». Во второй половине XVIII в. отмечено растущее распространение сельскохозяйственных орудий труда более высокого — плужного — типа, что тесно связано с ростом хлебопашества, развитием 2-поля и 3-поля, интенсификацией обработки пашни. Многие исследователи, среди которых Н.Л. Рубинштейн, отмечают высокие показатели обеспеченности пашней по уездам в расчете на 1 душу мужского пола (д.м.п.) по Нижегородской губернии в конце XVIII в.: Балахнинский — 3,2—3,5 дес. на 1 д.м.п., Семёновский — 3,2—3,5, Арзамасский — 4,5—5, Перевозский — 5, Лукояновский — до 5,5, Княгининский — 7,4⁵.

Неурожаи частного и общего характера были весьма частым явлением. В благоприятные годы хлеб был дешев, а в засушливые и холодные цены на него неизменно возрастали. Так, в 1832 г. цены на хлеб выросли почти в 2 раза по сравнению с 1828 годом. Урожай 1832 г., действительно, был очень скудным. Местный историк Н.М. Щегольков пишет: «... Во многих местах от недостатка хлеба питались дубовыми желудями, древесными корами и кой-чем...»⁶

Щавелёва Марина Борисовна — кандидат исторических наук, доцент Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского, Национальный исследовательский университет; Институт международных отношений и мировой истории; Кафедра теории политики и коммуникации. E-mail: for-shaveleva@yandex.ru.

Shaveleva Marina B. — candidate of historical sciences, associate professor at the Institute of International Relations and World History Department of Political Theory and Communications. E-mail: for-shaveleva@yandex.ru.

По данным арзамасской городской полиции, в 1837 г. в Арзамас из уездных сел и деревень было привезено ⁷:

- пшеницы — 4870 четвертей ⁸,
- муки пшеничной — 2490 кулей ⁹,
- муки ржаной — 7830 кулей,
- ржи — 14820 четвертей,
- овса — 9810 четвертей,
- ячменя — 290 четвертей.

В общем объеме привезенного хлеба значительно преобладала рожь.

На территории Нижегородской губернии сформировался обширный район коноплеводства и льноводства. В большом количестве разводили в Арзамасском уезде лен и коноплю — главные технические культуры, отличающиеся особой требовательностью и трудоемкостью, в последней четверти XVIII в. остававшиеся, в основном, принадлежностью крестьянского хозяйства. На землях Арзамасского уезда выращивали северную породу льна — из «обских» семян, закупаемых на Ростовской ярмарке. В юго-западной части Арзамасского уезда культивировали мак, сурепицу.

В пригородных арзамасских селениях — селах Выездная слобода, Красное, Кичанзино — выращивали репчатый, лук, широко известный по всей России.

Топографическое описание Арзамасского уезда 1780-х гг. отмечает наличие в районе Арзамаса «рыхлой и тучной огородной земли», благоприятной для разведения капусты, моркови, редьки, бобов, гороха, свеклы, брюквы и других овощных культур. В селах Абрамово, Новый Усад, Собакино, Выездная слобода культивировали капусту и огурцы; в Хватовке, Выковке, Каменке — картофель. На протяжении первой половины XIX в. огородничество развивалось, в основном, «для собственного продовольствия», и лишь частично — на продажу ¹⁰.

Дополнительное, вспомогательное значение в ряду крестьянских сельских занятий принадлежало пчеловодству, которое являлось основным промыслом коренного мордовского населения Арзамасского уезда ¹¹. Главными рынками сбыта продукции пчеловодства были село Городец, базары села Спасского и арзамасские воскобойни.

М. Назимов, живший в Арзамасе в начале XIX в., отмечал, что «садоводство и огородничество было у многих горожан любимым занятием» ¹². Обширный сад, в котором росли лучшие яблони и другие плодовые деревья, в Арзамасе принадлежал семье Цыбышевых и располагался в 300 метрах от Ильинской церкви, на вершине горы. Сад и двор с хозяйственными постройками занимали площадь более чем 1,5 десятины. Славились сады Нового Усада, Абрамова, Костянки, Крутого Майдана, Выездной слободы ¹³.

Особое место в экономике Арзамасского уезда занимало разведение гусей местной высокопродуктивной породы ¹⁴, известных по всей России.

Разведение крупного рогатого и мелкого скота не только удовлетворяло потребность населения уезда в продуктах питания, но и давало в большом количестве сырье для салотопенных, свечновосковых заводов, скорняжных и кожевенных предприятий. Скотоводство не получило большого самостоятельного значения и по своим размерам было ограничено, в основном, нуждами крестьянского двора. Тем не менее, Арзамас

являлся одним из двух пунктов Нижегородской губернии, откуда скот вывозился на продажу в Москву и Нижний Новгород ¹⁵.

Самой многочисленной категорией населения России являлось крестьянство. В последней четверти XVIII — первой половине XIX в. на территории Арзамасского уезда проживали крестьяне всех трех разрядов: помещичьи, государственные (казенные), удельные. Помещичьи крестьяне принадлежали дворянам и составляли основную массу сельского податного населения ¹⁶. В 1777 г. в Арзамасской провинции числилось 402 дворянина-землевладельца, в Алатырской — 492, в Нижегородской — 678 человек ¹⁷.

В начале XIX в. только одна Вадская волость была заселена государственными крестьянами, село Волчиха принадлежало удельному ведомству, большая часть селений находилась в помещичьем владении ¹⁸.

Нижегородская губерния принадлежала к числу таких, где ярко выраженную форму имела оброчная система эксплуатации крестьян: в конце XVIII в. 82% крестьян несли оброчные, 18% барщинные тягла.

Положение крепостных крестьян Арзамасского уезда также определялось преобладанием оброчной системы, которая зачастую была тяжелее барщины. Соотношение оброка и барщины на протяжении изучаемого периода несколько изменялось в сторону увеличения барщины, но общая тенденция преобладания оброка оставалась постоянной. В середине XIX в. 55% крестьян несли оброчные тягла, 32% — барщинные, 13% — смешанные. Раскладка тягол требовала, прежде всего, определения единицы и соответствующей нормы обложения. Полным тяглецом мог быть только взрослый трудоспособный работник — мужчина, обычно от 18 до 60 лет. Однако большей частью, особенно при барщине, полноценное тягло включало одного мужчину и одну женщину (мужа и жену) трудоспособного возраста ¹⁹. Если в конце XVIII в. размер оброчных платежей составлял 4 руб. 75 коп., то к середине XIX в. он вырос до 10 руб. 14 коп., то есть в 2,1 раза ²⁰.

Владелец Выездной слободы Арзамасского уезда помещик В. П. Салтыков во второй половине XVIII в. постоянно увеличивал размер денежного оброка. В начале XIX в. оброки и подати поднялись до 110 руб. ассигнациями в год на каждую ревизскую душу. На эту сумму в то время можно было купить целую крепостную семью. Наряду с денежным оброком сохранялся и натуральный, но он не имел большого значения. Еще один вид денежных поборов с крестьян составляли мирские сборы, производимые выборными от крестьян. Большой своей частью эти сборы расходовались по указанию помещиков и на их нужды.

Первый опыт учета барщины по провинциям Европейской России дала анкета Вольного экономического общества от 1766 года. Арзамасский ответ отмечал 3-дневную барщину, но с выполнением господских работ в первую очередь. Между тем добавлялось: «... другие же токмо и по два дня в неделю крестьянам делают льгот, и как то все в воле помещиков состоит, то неравно с крестьянами поступают» ²¹. Действительно, занятость на барщине намного превосходила 3-дневную норму; при этом крестьяне выполняли и другие многочисленные господские работы: плотничьи, подводную повинность, поставку столовых припасов.

По данным «Ведомости о количестве крепостных у помещиков, имеющих владения в Нижегородской губернии», составленной в 1801 г., в Арзамасском уезде без уездного центра насчитывалось около 225 дворян, владеющих крепостными крестьянами²². Среди них: действительный камергер Сергей Васильевич Салтыков, имеющий в Выездной слободе 1856 душ, граф Павел Мартынович Сковронский — 2302 души. В возможно неполном списке дворян Арзамасского уезда от 1806 г. названо 46 чел., из которых помещик П.И. Чемоданов владел 1700 крепостными крестьянами, а генерал-лейтенант Кутлубицкий — 1077 душами. У остальных было от нескольких сот до нескольких десятков крестьян²³.

К моменту крестьянской реформы в Арзамасском уезде 133 140 крестьянских душ владели 177 392 десятинами земли, а 3500 дворян и помещиков имели 216 000 десятин²⁴. 68,45% крестьян несли оброчные тягла, 22,7% — барщинные, 8,87% выполняли смешанные повинности.

В последней четверти XVIII — первой половине XIX в. в развитии помещичьего и крестьянского хозяйств появились новые тенденции. Помещичье хозяйство, утверждаемое на труде крепостных крестьян, все более и более ориентировалось на рынок, производило продукцию для продажи. Увеличилась, в частности, торговля хлебом. Вовлечение помещичьего хозяйства в торговлю сопровождалось переводом крестьян с барщины на оброк и с натурального оброка на денежный, а также значительным ухудшением их положения (особенно, помещичьих крестьян), усилением экономической зависимости.

В селе Красном Арзамасского уезда, принадлежавшем дворянину Зубову, сбор оброка, был бесконечным: «есть деньги — плати, нет — ложись под розги»²⁵. Крестьяне пытались жаловаться, дважды подавали прошение губернатору. Дело было передано в суд, который принял сторону помещика, а грамотный крестьянин Каракин, писавший жалобу, был приговорен к наказанию плетью с предоставлением владельцу права ссылки его в Сибирь. Остальных жалобщиков Зубов наказал сам: на одних наложил большой штраф, других выселил из родного села.

В одной только «Книге записной Арзамасского уездного суда крепостной конторы в продаже и закладке дворовых людей, женок и девок за 1804 г.» есть записи о продаже 29 крепостных в течение 1 года по одному только уезду²⁶.

В Нижегородской уголовной палате слушалось дело о покушении дворовых на жизнь своего помещика Бетлинга. На суде один из обвиняемых показал: «Наказывал меня барин часто и бесчеловечно, например: за неотыскание в бане простыни — розгами, за упуск на охоте зайца — розгами, за слабое привязание к неводу камня — по голове железным аршином»²⁷. Показания подсудимых подтвердили все свидетели и медицинская экспертиза. Тем не менее, уголовная палата приговорила, всех участников покушения к каторжным работам, а помещику не было сделано даже обычного внушения.

Одной из форм крестьянского сопротивления крепостному гнету было бегство крестьян от своих владельцев. Только через один арзамасский уездный суд в период с 1801 по 1811 г. проходило 535 дел о количестве беглых крепостных: 1801—58, 1802—57, 1803—57, 1804—50, 1805—46, 1806—45, 1807—36, 1808—60, 1809—36, 1810—46, 1811—44²⁸.

Дворовый помещика Панютина Михаил Куракин из-за жестокости и преследований своего владельца покушался на самоубийство. В 1828 г. покончил с собой один из лучших учеников художественной школы А. В. Ступина Григорий Мясников, крепостной помещика Гладкова. Работы Мясникова получили высокую оценку в Санкт-Петербурге, и Общество поощрения художеств решило выкупить его, предложив хозяину 2000 рублей. Гладков отказался и художник застрелился, оставив записку, что «умирает за свободу».

Самоубийства крепостных, особенно дворовых, были обычным явлением. Только по официальным данным, в Арзамасском уезде с 1819 по 1828 г. покончили с собой 57 чел. и 115 умерли «насильственной смертью».

Особенно бесправным было положение крестьянских женщин. Владелец села Водоватова, например, торговал крепостными невестами²⁹. Каждую осень, в определенное время к нему съезжались «женихи» — покупатели со всей округи. Девушек сгоняли на барский двор, и начиналась торговля. Крики и плач неслись по всему селу.

В мае 1815 г. арзамасский исправник получил донесение, что в селениях Кожино и Князевка близ Арзамаса появился неизвестный человек, который «делает буйства», выдает себя за офицера, посланного царской властью для извещения помещичьих крестьян о передаче их в казну. Вскоре этот неизвестный был задержан и оказался отставным солдатом Николаем Тарасовым, служившим некоторое время управляющим имениями Баженова.

Арзамасский уездный суд определил: подсудимого Тарасова «за разглашение вольной помещичьим крестьянам..., учиня наказание кнутом, вырвав ноздри до кости, поставив на лбу и на щеках литерные знаки, сослать навечно в каторжную работу»³⁰ В апреле 1858 г. крестьяне села Казакова отказались пойти на барщину. Бунт был подавлен воинской командой.

Таким образом, Арзамасский уезд в исследуемый период относился к числу так называемых смешанных уездов, то есть занимал промежуточное положение между промышленными и земледельческими уездами Нижегородской губернии. Основное значение в экономике крестьянского и помещичьего хозяйства имело хлебопашество. Подсобную роль играли садоводство, огородничество, пчеловодство, удовлетворяющие, большей частью, местные потребности. Широкую известность принесло Арзамасу выращивание лука, конопли и льна, а также разведение гусей местной породы. Эти промыслы имели товарный характер. Продукция их вывозилась далеко за пределы Арзамасского края. На территории Арзамасского уезда проживали крестьяне всех трех категорий: помещичьи, удельные, государственные. Основную массу сельского податного населения в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. составляли помещичьи крестьяне. Вовлечение помещичьего хозяйства в торговлю сопровождалось усилением экономического гнета и ухудшением положения крестьян (особенно, помещичьих), что порождало различные формы протеста: жалобы в суд, самоубийства крепостных, бегства, покушения на жизнь помещика, стихийные крестьянские выступления.

В 90-х гг. XVIII в. помещичье крепостное хозяйство вступило в последний этап своего развития — этап глубокого кризиса, быстро нараставшего на протяжении первой половины XIX в. и завершившегося отменой крепостного права.

Примечания

1. Н.Л. Рубинштейн объединяет в регион Среднего Поволжья Нижегородскую, Казанскую, Симбирскую и частично Саратовскую губернии.
2. РУБИНШТЕЙН Н.Л. Сельское хозяйство России во второй половине ХУШ века. М. 1957, с. 263—264.
3. ВОДАРСКИЙ Я.Е. Дворянское землевладение в России в ХУШ — первой половине XIX века. М. 1988, с. 281.
4. «Сам-3» — единица измерения, означающая, что собранный урожай в 3 раза больше посеянного.
5. РУБИНШТЕЙН Н.Л. Ук. соч., с. 228.
6. ЩЕГОЛЬКОВ Н.М. Исторические сведения о городе Арзамасе. Арзамас. 1911, с. 178.
7. Центральный архив Нижегородской области (ЦА НО), ф. 61, оп. 216, д. 8, л. 28об.
8. Четверть — мера объема сыпучих тел (хлеба), колебалась от 5 до 8 пудов.
9. Куль — старая торговая мера сыпучих тел (около 9 пудов); 1 пуд равен 16,3 кг.
10. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 год. Нижний Новгород. 1864, с. 17.
11. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск. 1939, с. 275.
12. НАЗИМОВ М. В провинции и в Москве с 1812 по 1828 год. — Русский вестник. 1976, т. 124, с. 75.
13. Арзамасский уезд. — Нижегородские губернские ведомости. 1859, 14 ноября.
14. Гусь арзамасский — крупный с широким, плотным, горизонтально поставленным туловищем, оранжево-красным клювом. Хорошо откармливается. Масса гусаков — 7 кг, гусынь — 6 кг.
15. Памятная книжка Нижегородской губернии на 1865 год. Нижний Новгород. 1864, с. 18.
16. В 1764 г. (по материалам 3-й ревизии) помещичьи крестьяне составляли 54% всего податного сельского населения России.
17. РУБИНШТЕЙН Н.Л. Ук. соч., с. 161.
18. ЩЕГОЛЬКОВ Н.М. Ук. соч., с. 142.
19. Обычный расчет повинностей на одну душу мужского пола не мог лежать в основе раскладки тягол, так как в число ревизских душ включались также малолетние и престарелые, то есть нетрудоспособные.
20. АРХАНГЕЛЬСКИЙ С.И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII—XIX вв. Горький. 1950, с. 168—190.
21. РУБИНШТЕЙН Н.Л. Ук. соч., с. 161.
22. ЦА НО, ф. 4, оп. 2, д. 85, л. 1—213.
23. ПАРУСОВ А.И. К истории сельского хозяйства России в конце XVIII — первой четверти XIX столетия. — Ученые записки ГГУ. Горький. 1963, вып. 58, с. 5.
24. ЦА НО, ф. 61, оп. 216, д. 8, л. 15—16.
25. АБКИН Д. Из истории крепостного крестьянства Арзамасского уезда. — Арзамасская правда. 1975, 6 июля.
26. ЦА НО, ф. 153, оп. 97, д. 13, л. 1—32.
27. АБКИН Д. Ук. соч.
28. СНЕЖНЕВСКИЙ В.И. К истории побегов крепостных крестьян в последней четверти XVIII и XIX столетиях. В кн.: Нижегородский сборник. Т. 10. 1890, с. 584.
29. Городу Арзамасу 400 лет. Арзамас. 1979, с. 72.
30. ЩЕГОЛЬКОВ Н.М. Ук. соч., с. 165.

Аграханское казачье войско в планах Российской империи на Северном Кавказе (1722—1735 гг.)

М.-П.Б. Абдусаламов, Н.Д. Чекулаев

Аннотация. В публикации на основе материалов Центрального государственного архива Республики Дагестан и специальной литературы рассматривается история создания Аграханского казачьего войска в Дагестане. Подробно освещается влияние на Терское казачье войско присоединения Западного и Южного побережья Каспийского моря к Российской империи, которое выразилось в том, что часть терского казачества, по указу императора Петра Великого, стала одной из основных частей нового казачьего войска на Северном Кавказе, а именно — Аграханского. Большое внимание уделено роли и месту Аграханского казачьего войска на Северном Кавказе.

Ключевые слова. Российская империя, Петр I, Дагестан, Святой Крест, Аграхань, казаки, войско, гарнизон.

Abstract. In publication on the basis of materials of the Central state archive of the Republic of Dagestan and special literature history of creation of Agrakhansky Cossack army in Dagestan is considered. As a result of the Persian campaign of Peter I Russia was approved on the western coast of the Caspian Sea. Seaside Dagestan has appeared under empire jurisdiction. Strongly to secure the attached lands the Russian government built in the region of fortress, the Local case has been created. The Cossacks were fated to play an important role in the Caucasian policy of Russia. Influence on Tersky Cossack army accession of the Western and Southern coast of the Caspian Sea in structure of the Russian Empire which was expressed in what a part of the tersky Cossacks under the decree of the emperor Peter the Great became one of the main parts of new Cossack army in the North Caucasus, namely — Agrakhansky is in detail covered in article. Much attention is paid to a role and the place of Agrakhansky Cossack army in the North Caucasus.

Key words: Russian Empire, Peter I, Dagestan, Sacred Cross, Agrakhan, Cossacks, army, garrison.

Новая страница в истории казачества связана с Персидским походом Петра I (1722—1723 гг.). В этот период русские границы на Северо-Восточном Кавказе расширились. Сама жизнь диктовала необходимость строительства новой крепости вместо Терской, утратившей бывшее стратегическое положение. Пётр Великий решил подвинуть кордонную линию ближе к реке Сулак, заложить крепость Святого Креста, переселить к ней терских казаков, усилив их выходцами с Дона и Волги ¹.

Ознакомившись с исследованиями берегов Аграхани и Сулака, Пётр I нашел, что «сие место зело довольно конским кормом, водою и лесом», «зело изрядное, крепкое и пажитное», а «Терека сто раз удобнее».

Река Аграхань и Аграханский залив, где Пётр I «нашел прекрасный порт с очень удобным входом и защищаемый от бурь тремя островами», обещивали крепость удобной водной коммуникацией, а с прорытием канала, соединившего Сулак с Аграханью, можно было «на всяких судах подходить к самой крепости». Часть терских казаков в количестве 500 конных и 500 пеших была переселена на р. Сулак при слиянии ее с Аграханью, составив Аграханское казачье войско. Их руководителей называли головами, но Пётр повелел отныне именовать их ротмистрами ².

Подойдя к крепости Святого Креста в октябре 1724 г., терцы поставили свои городки по р. Аграхани. На новом месте нужно было начинать все с нуля. Оставив свои хозяйства и не найдя строительного материала в безлесной местности, они вынуждены были для безопасности сооружать земляные валы. Зимовать пришлось в землянках. Эти сырые, недоступные для солнечного света жилища в соединении с лишениями «зловредного свойства лихорадочного климата» губительно действовали на здоровье. Смертность была весьма велика ³.

Казаки разместились в трех городках, о названиях которых, к сожалению, нет сведений. По штату Аграханское казачье войско обязано было иметь 500 конных и 300 пеших казаков ⁴.

Однако после постройки крепости Святого Креста выяснилось, что одни терские казаки не в силах занять и удержать линию между ней и морским берегом. Для подкрепления указом от 5 февраля 1724 г. с Дона переселили 1000 семей «сказочных» (то есть состоявших на службе у государя) казаков. Эти переселенцы пополнили состав Аграханского казачьего войска. Им пришлось потерять в течение десяти лет больше половины своего населения ⁵. На подъем донским казакам было выдано по 4 руб. на семью, а провожатым — по 1 руб. на человека ⁶.

Император хотел переселить на Сулак Гребенское казачье войско, но ему донесли, что гребенские казаки недовольны этим. Во время прежних походов под Тарки они хорошо изучили «прелести тех мест, обездоленных, безлесных, солонцеватых, лихорадочных», и не хотели идти на верную смерть. Гребенцы решительно воспротивились переселению, обещая уйти к черкесам и некрасовцам на Кубань ⁷. Гребенских казаков не тронули, приказав беречь Терскую линию от Червленого городка вплоть до самого моря, где был поставлен редут. В наказание же за упрямство Пётр лишил их обещанной помощи, и 500 донских семейств, которые предназначались для их усиления, были отправлены на Аграхань. Поэтому

Абдусаламов Магомед-Паши Балашович — кандидат исторических наук, доцент Дагестанского государственного университета народного хозяйства. Махачкала. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Чекулаев Николай Дмитриевич* — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии Дагестанского научного центра РАН. Махачкала. E-mail: bratzikow1974@mail.ru.

Abdusalamov Magomed-Pasha B. — candidate of historical sciences, associate professor at the Dagestan State University of the National Economy. Makhachkala. E-mail: vikingpasha@mail.ru; *Chekulaev Nikolai D.* — PhD (History), researcher at the Institute of History, Archeology and Ethnography. Dagestan Scientific Center of the RAS. Makhachkala. E-mail: bratzikow1974@mail.ru.

в 1724 г. было принято решение вызвать 1000 семей донского казачества и усилить ими терское казачество, а само войско переселить с устья Терека в устье Сулака ⁸.

Оживленную картину представляли собой весной придонские и моздокские степи, когда по ним изо дня в день двигались огромные обозы переселенцев, направлявшиеся из Донецких, Бузулукских, Хоперских, Медвединых и Донских городков за Терек, чтобы стать лицом к лицу с неприятелем, образовав новое порубежное казачество. Каждая семья обязана была выставить по одному исправному конно-вооруженному всаднику. Были здесь старые, закаленные в боях казаки, были молодые безусые парни, а также те, кто не имел никаких средств к существованию. Можно было встретить и тех, кто шел под видом охотников, а на самом деле были выселены по тайным приговорам обществ, как люди порочные или беспокойные, от которых кроме конокрадства и других вольных промыслов ничего ожидать было нельзя.

По сторонам обоза толпами шли бабы и девки, а на возах, запряженных волами крупной черкасской породы и доверху нагруженных различным скарбом, сидели дети или лежали клетки с домашней птицей; за некоторыми телегами шли привязанные дойные коровы, а в стороне, поднимая пыль, тянулись стада рогатого скота, овец и свиней. Переселенцы вышли из своих городков 14 мая 1724 г., когда степи еще были покрыты густой травой, идущей на подножный корм, а потому каждый старался забрать с собой как можно больше скота, да и всякой утвари, зная, что на новых местах ничего не достанешь. Правительство отпустило на подъем по 4 руб. на каждую семью, а путевое довольствие, устройство жилищ и домашнего хозяйства было отнесено на средства самих казаков. Труден был этот дальний пятимесячный путь по местам, далеко не безопасным из-за нападений горцев, которые в любой момент могли нагрянуть и все отобрать. Однако переселенческие обозы благополучно достигли крепости Святого Креста. Места для поселения были указаны заранее — казаки поставили свои пять городков по южной границе крепостного района, чтобы прикрыть его от дагестанских народов. А так как от крепости до моря было всего 20 верст, то один городок пришлось разместить в самом углу, где Аграхань отделялась от Койсу. Остальные четыре расположились в две линии: два по среднему Койсу и два по южному Сулаку, на расстоянии в 10 верст один от другого. Позднее были образованы станицы-городки Каменка, Прорва и Кузминка ⁹.

Так на Кавказе появилось новое казачье войско, названное Петром I Аграханским. Оно подчинялось главнокомандующему Низовым корпусом генерал-лейтенанту М. А. Матюшкину. Места для поселения казаков были выбраны крайне неудачно. Они располагались отчасти на каменистой, отчасти на болотистой местности.

Крепость Святого Креста и войсковые казармы возводились из материалов, которые заготавливались в приволжских городах и оттуда сплавлялись по морю. Однако о казаках не подумали, и им пришлось копать землянки, которые из-за сырости и отсутствия солнечного света послужили причиной различных болезней. Смертность в первую же зиму была так велика, что из каждых трех человек выбывал один, а некоторые семьи вымирали поголовно ¹⁰.

Кроме того, на казаков постоянно нападали горцы. Позднее генерал В. Я. Левашов издал особую инструкцию. «Понеже, как всем известно», писал он, «что между всеми горскими народами имеется обычай, кто у кого украдет лошадей, или скот отгонит, или человека в полон возьмет, тогда обиженные к обороне своей трудятся, и в отмщение чинять баранту. По прибытии моем в крепость Святого Креста нашел я, что неизвестно от кого та баранта с нашей стороны была запрещена и сколько бы нашим казакам обид чинено ни было, отыскивать свои обиды не позволено. Усмотря такое состояние и сожалея, что горские люди над нашими людьми корыстаются напрасно, приказываю помянутую баранту попрежнему возобновить, отчего горские народы тотчас смиреннее станут, только строжайше воспрещается быть начинателям обид, но своего отнюдь не упущать»¹¹. Казаки, воспрянувшие духом, в короткое время, по словам Левашова, возвратили несколько сот лошадей и скота, а горцы почувствовали, что с этих пор ни одно нападение не будет оставаться безнаказанным¹².

О том, какое участие в событиях 1725 г. (выступление шамхала Адиль-Гирея против России) принимали терские и аграханские казаки, к сожалению, сведений нет. Имена казацких героев, сложивших свои головы во время защиты новых рубежей Отечества, остались неизвестными для потомства, но то, что герои были, что они участвовали во всех походах генерал-майоров Г. С. Кропотова и Д. Ф. Еропкина, можно судить по тем тяжелым потерям, которые понесли за это время и терцы и аграханцы. Военных действий в шамхальстве не предвиделось, но казакам, охранявшим кордонные линии, приходилось вести борьбу с одиночными нападениями горцев. Между тем, приближалась зима. Дома не были построены, поля лежали не вспаханными, те скудные припасы, с которыми переселенцы прибыли с Дона, были израсходованы, а новые отсутствовали. Тяжелую зиму 1725—1726 гг. пришлось проводить в тех же сырых землянках, и смертность с каждым днем увеличивалась¹³.

Реляции того времени нигде не упоминают о походах терцев и аграханцев. Вряд ли они по своей малочисленности могли принимать тогда участие в дальних походах, их даже не хватало для охраны собственных городков. Когда крепость Святого Креста находилась, по словам генерала М. А. Матюшкина, «в величайшем утеснении», аграханские казаки от непрерывных и жестоких нападений горцев три раза должны были переносить свои городки с места на место, а от непривычного климата и частых сражений с неприятелем число их уменьшилось настолько, что из пяти городков Аграханского войска пришлось образовать три.

Чтобы хоть сколько-нибудь облегчить бедственное положение переселенцев с Дона, императрица Екатерина I указом Правительствующему Сенату от 5 ноября 1725 г. повелела: «1) для новости места и нынешних беспокойств определить Аграханскому войску из доходов Астраханской губернии денежное жалованье такое же, как и у терских и гребенских казаков, с излишком 5 руб. на каждого человека; 2) хлебного жалованья отпускать на семью муки по 6 четвертей, овса по 3 четверика, а соли — по 48 фунтов в месяц. У кого есть дети, то прибавить провианта по четверику и по два, смотря по семье. Кроме того, для отпору от неприятельских людей отпустить старые сабли из имеющихся в оружейной палате, а по-

рох и свинец и пушки для вооружения их городков — из средств Низового корпуса»¹⁴.

5 ноября 1725 г. Аграханскому войску были отправлены знамена из конторы Военной Коллегии: два больших и несколько малых из числа старых, бывших уже в употреблении в стрелецких полках, какие обычно в то время выдавались казачьим войскам. Когда именно доставлены были в войско отправленные ему знамена, сведений нет. Кравцов в своем очерке о создании Терского казачьего войска пишет, однако, что сохранилась копия с грамоты императрицы Екатерины I, озаглавленной «На Аграхань войсковому атаману Антону Андрееву и всему Аграханскому войску...» В ней было сказано: «... да вам же указано выдать в Москве из конторы Военной коллегии из старых нерегулярных знамен, каковые даны и яичким казакам, больших на войско 2, да малых 10, а всего 12 знамен»¹⁵. Эти памятники истории, свидетели первых лет существования войска, не дошли до нашего времени, в том числе не сохранились в числе почетных войсковых регалий.

Правительство установило казакам денежное жалованье в следующем размере: войсковому атаману — 60 руб., муки и овса по — 30 четвертей в год; есаулу, писарю, знаменщику и станичным атаманам — по 20 руб., муки и овса — по 10 четвертей каждому; станичным: есаулу — 16 руб., муки и овса — 7 четвертей; сотникам, писарям и хорунжим — по 15 руб., муки, и овса — по 7,5 четверти; рядовым казакам — по 12 руб., муки, и овса — по 6 четвертей. Дополнительно всем, от войскового атамана до рядового казака, выдавалось соли — по 1 пуду 8 фунтов и круп — по четверти. Для выплаты денежного и хлебного жалованья Аграханским казакам ежегодно требовалось выделять из казны 12 тыс. руб., муки — 600 четвертей, круп — 375 четвертей, овса — 5000 четвертей и соли — 1200 пудов. Сообщая о положении казаков на Аграхани, обер-провиантмейстер Лутовников писал: «Много семей было побито, другие померли от истощения и болезней, а оставшиеся, сказываются, провиантом обтерлись, и множество побирается, что есть нечего»¹⁶.

После смерти Петра I забота о поселении казаков на Аграхани была возложена на астраханского губернатора, причем императрица Екатерина I выразила желание, чтобы казаки жили в удобных местах.

С той поры Аграханское казачье войско стало неоднократно получать императорские грамоты с изъявлением ему монарших милостей. С просьбами и ходатайствами, а также за получением полагавшегося жалованья приказано было отправлять в Санкт-Петербург по 10 войсковых представителей, которым на проезд отпускалось особое жалованье и «прогоны». Такие поездки казаков назывались «зимовыми» станицами. Кроме того, посылались еще «легкие станицы», отличавшиеся от зимовых меньшим числом войсковых представителей, в них по большей части было по 4 человека. При поездках зимовых и легких станиц обыкновенно отправлялись сам войсковой атаман и с ним другие лица, занимавшие в войске руководящие должности. По прибытии их в столицу государыня обходилась с ними милостиво, высоко оценивала их службу и щедро награждала¹⁷.

Все эти привилегии дарованы были Аграханскому войску указом Петра Великого от 25 ноября 1724 г., но из-за его смерти не были осуществлены. Императрица Екатерина I только подтвердила и исполнила то, что было задумано ее супругом ¹⁸.

Большую пользу Аграханскому казачьему войску принес новый главнокомандующий Низовым корпусом — фельдмаршал князь В.В. Долгорукий. Прибыв на Кавказ весной 1726 г., он остановился в крепости Святого Креста и сразу посетил казачьи городки, найдя их в самом бедственном положении. К тяжелым экономическим и климатическим условиям прибавилась еще эпидемия чумы, свирепствовавшая среди местного населения. В живых осталась лишь десятая часть населения. Кладбища сделались такими обширными, что издали казались городками, а казачьи городки выглядели кладбищами — до того они были безлюдными ¹⁹.

Екатерина I грамотой от 12 апреля 1727 г. на имя войскового атамана Антона Андреева и всего Аграханского войска удовлетворила их челобитье, повелев построить в одном из аграханских городков деревянную церковь, для которой высланы были из Москвы четыре колокола, иконостас и церковная утварь. В том же году, по повелению государыни, была сделана печать для войска — по образцу донской, но поменьше ²⁰.

2 октября 1727 г. было приказано от переведенных с Дона казаков с всякими нуждами на каждый год с одной зимовой станицы посылать в Петербург 10 чел. и жалованье давать равное станицам донских казаков ²¹.

Князь генерал-фельдмаршал Долгорукий настаивал на прибавке казакам содержания. По указу Петра II от 10 октября 1727 г., ему было поручено в аграханских казачьих станицах давать денежное жалованье: атаману — 100 руб., есаулу — 60 руб., писарю — 70 руб., рядовым казакам — 37 руб., на наемные и «прогонные» подводы — по 130 руб., в зимовую станицу и обратно — 130 рублей. Подобного рода прибавки казакам состоялись 4 и 23 марта 1730 и 5 февраля 1731 года ²².

К несчастью, в 1727 г., несмотря на предупредительные меры, чума проникла в крепость Святого Креста и оттуда перекинулась на Сулакскую линию. Потери были очень большие, достаточно сказать, что терские казаки, поселившиеся около крепости, потеряли 78 человек. По-видимому, именно в это время у аграханских казаков созрел план бегства на Кубань к некрасовцам. Тайная переписка продолжалась более трех лет, и только случайность помогла русскому командованию раскрыть план побега. 28 мая 1730 г. с Кубани бежал калмык Окень, который на допросе показал: «... казаки прислали к некрасовцам, чтоб некрасовские оных казаков прибрали к себе», и в настоящее время некрасовские казаки ждут прихода из Крыма Салим-Гирея «с войском». Это сообщение встревожило императорское правительство. Военная коллегия приказала донскому атаману Лопатину следить за движением хана Салим-Гирея и, если он с войском приблизится к Дону и начнет переправляться через реку, донские казаки должны этому помешать, устроив где надо в степях и на Дону посты. Командующему Низовым корпусом генерал-фельдмаршалу князю Долгорукому было приказано «иметь от неприятелей крепкую осторожность, а о терских казаках разведать что окажется — накрепко разыскивать и до побегу не допускать» ²³.

Деньги и провиант казаки получали не регулярно, часто жалование присваивали казачьи старшины. Отсутствие хлеба и других припасов, частые голодовки, непривычный климат и болезни — все это вызывало среди казаков большую смертность²⁴.

Войсковой атаман Аграханского войска Зот Киприянов обратился в Военную коллегию с новой просьбой, «чтобы для непрестанных командирований» прибавили овса. Военная коллегия согласилась добавить по 2 четверти, чтобы каждому казаку отпускалось уже не по 3, а по 5 четвертей на год: «понеже прежней дачей овса лошадь содержать нельзя, а у казаков обыкновенно бывает по две или по три лошади, которые и по 5 четвертей содержать бывает трудно». Такую прибавку Сенат сам произвести не мог, и дело разрешилось уже только в царствование Анны Иоанновны, когда на доклад Сената от 26 февраля 1733 г. последовала высочайшая резолюция: «Учинить по сему»²⁵.

Одновременно, пытаясь несколько облегчить участь переселенцев, правительство указом от 4 марта 1730 г. казакам, прибывшим с Дона на Аграхань, установило: 1) прибавка денежного жалования по 5 руб., прибавка провианта — муки и овса — по 6 четвертей, круп по 3 четверика и соли по 48 фунтов на каждую семью; 2) казачьим вдовам и малолетним сиротам прибить провианта по четверику или по два на месяц, смотря по семье, давать без удержания, а казачьих детей мужского пола определять в казачью службу; 3) откомандированных казаков для разных работ не слишком «тяготить»²⁶.

24 апреля 1730 г. аграханским казакам, отправлявшимся в Москву в зимовую станицу, на дорогу было выдано 165 руб. 6 копеек²⁷.

Но, ни атаман Краснощёков, ни князь Эльмурза Черкасский не смогли привлечь пополнение, и казачьи городки по-прежнему стояли «запустелыми». В Петербурге поняли серьезность положения (после смерти Петра I существовала реальная опасность войны России со Швецией и Турцией одновременно), и в указе Военной коллегии 1731 г. было предписано: «Всем служилым людям, Запорожскому войску, гетману обеих сторон Днепра Скоропадскому со всеми малороссийскими казаками и слободскими полками, а также всем Донским, Яицким, Гребенским и Терским казакам быть в полной готовности к походу, куда укажет надобность»²⁸. Указ этот привел казаков, и без того стоявших лицом к лицу с неприятелем, в смущение. В самом деле, по своей малочисленности могли ли они думать о дальних заграничных походах, когда не на кого было оставить защиту своих семей и своего хозяйства. Чем выразился протест казаков, да и был ли он — неизвестно, но генерал-майор А. И. Румянцева писал Долгорукому, что оставить без обороны передовые линии невозможно, так как все они неминуемо сделаются добычей горцев. Долгорукий сам отлично понимал положение казаков и являлся усердным за них ходатаем. В это время на престол вступила императрица Анна Иоанновна, грозные тучи рассеялись сами собой — аграханские казаки остались на месте.

По указу императрицы от 23 марта 1730 г., переведенным с Дона на Аграхань следовало о войсковых нуждах писать князю фельдмаршалу Долгорукому и в Военную коллегию, а жалование на зимовые станицы, кормовые и питейные деньги, а также за наем подвод выдавать из пер-

сидских доходов: атаману — 160 руб. 49 коп., есаулу — 71 руб. 51 коп., войсковому писарю — 60 руб., сотнику — 50 руб. 65 коп., рядовым казакам — по 48 руб. 63 копейки. Всего — 634 руб. 81 коп.; за подводы: атаману — на три, есаулу, войсковому писарю, сотнику — на две и рядовым (6 чел.) — на одну, итого: на 15 подвод по 11 руб. 4 копейки. Всего 800 руб. 41 копейка ²⁹.

5 февраля 1731 г., по указу императрицы Анны Иоанновны, аграханским казакам было выдано денежное жалование — 17666 руб. 66 копеек ³⁰.

Хлебное жалование получали из Аграханского магазина малолетние дети мужского и женского пола. По указу правительства, аграханским семейным казакам хлебное жалование (мука, крупа и овес) следовало выдавать из магазина крепости Святого Креста, а денежное — из средств астраханской губернии ³¹.

В состав гарнизона в аграханских казачьих городках (Каменка, Кузьминка, Прорва) наряду с казаками входили регулярные команды, которые присылали сюда из крепости Святого Креста от Тенгинского, Дагестанского пехотных и Московского драгунского полков для несения караула. Гарнизоны семейных аграханских городков насчитывали в 1731 г. 498 чел., артиллерийских служителей — 3 канонира и 6 фузилеров; в 1732 г.: 2 канонира и 6 фузилеров, 167 чел. регулярной команды; в 1733 г.: 387 чел., из них — 32 регулярных, 1 канонир и 8 фузилеров ³².

Денежное жалование в казачьи городки присылалось из Астрахани. Казакам в Кузьминском городке было выдано: в 1728 г. — 2000 руб., в 1731 г. — 562 руб. 17 коп., в 1732 г. — 2600 руб. 76 копеек. Переведенным с Дона казакам с 1728 г. выдавалось денежное жалование по 12 руб. на человека. Семейные казаки получили, по данным ЦГА РД: в 1728 г. — 7000 руб., в 1729 г. — 5000 руб., в 1730 г. — 5000 рублей. Итого на 23 ноября 1732 г. им было выплачено 17000 рублей ³³.

С выплатой денежного жалования случались задержки. Об этом свидетельствует обращение 28 ноября 1733 г. к коменданту крепости Святого Креста восьми семейных и яицких казаков с просьбой о выплате задержанного подъемного жалования за 1733 год ³⁴.

Аграханские казаки заготавливали дрова для нужд гарнизона крепости Святого Креста. Их регулярно использовали для посылки в горы «для некоторого Ее Императорского Величества интересу», привлекали на все строительные работы в крепости. Казаки Кузьминской станицы снабжали крепость Святого Креста сеном для довольства лошадей семи драгунских полков ³⁵.

Таким образом, период с 1722 по 1735 г., когда Приморский Дагестан был включен в состав Российской империи, стал совершенно новым этапом в развитии русско-дагестанских отношений. Кроме того, на территории Дагестана после Персидского похода Петра I появились военные гарнизоны, которые и являлись одним из главных рычагов осуществления кавказской политики России.

Русско-иранский договор, подписанный в Гяндже в 1735 г., не только положил конец существованию Низового корпуса на Кавказе, возвратив Западное и Южное побережья Каспийского моря в состав Иранского государства, перенеся российскую границу на реку Терек, вызвав снос кре-

пости Святого Креста и строительство вместо нее Кизлярской крепости, но и серьезно отразился и на терском казачестве. По приказу генерал-аншефа В. Я. Левашова вместо Аграханского казачьего войска было создано Терское семейное войско, а Аграханское казачье войско прекратило свое существование.

Примечания

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 16—31—01067/17-ОГОН «Интеграция Дагестана с Россией. Конец XVI — первая половина XIX в.»

1. Записки кавказского отделения императорского русского географического общества. Тифлис. 1897, кн. XIX, с. 162.
2. ЛЫСЦОВ В. П. Персидский поход Петра I 1722—1723 гг. М. 1951, с. 153—154.
3. ПИСАРЕВ С. Трехсотлетие терского казачьего войска 1577—1877: Ко дню юбилейного празднования 3 октября 1881 г. Владикавказ. 1881, с. 19.
4. ПОНОМАРЁВ Ф. П. Материалы для истории Терского казачьего войска с 1559 по 1880 гг. Владикавказ. 1881, с. 10.
5. ПИСАРЕВ С. Ук. соч., с. 19—20.
6. Полное Собрание Законов Российской Империи. Т. VII. 1723—1727 гг. СПб. 1830, с. 192.
7. ТКАЧЁВ Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки: Книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах. Владикавказ. 1911, с. 48—49.
8. ВЕЛИКАЯ Н. Н. Казаки Восточного Предкавказья XVIII—XIX вв. Ростов-на-Дону. 2001, с. 48.
9. ВАСИЛЬЕВ Д. С. Очерки истории низовьев Терека: Досоветский период. Махачкала. 1986, с. 79.
10. ЛЮБАВСКИЙ М. К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен до XX века. М. 1996, с. 401.
11. ПОТТО В. А. Два века терского казачества (1577—1801 гг.). Владикавказ. Т. II. 1912, с. 189.
12. Там же, с. 189.
13. Там же, с. 28—29.
14. ЗАСЕДАТЕЛЕВА Л. Б. Терские казаки (середина XVI — начало XX в.) Ист. этногр. очерки. М. 1974, с. 198.
15. КАЗИН В. X. Казачьи войска: Краткая хроника (Репринт. изд.). Б. м. 1992, с. 172.
16. ОМЕЛЬЧЕНКО И. Л. Терское казачество. Владикавказ. 1991, с. 67.
17. Центральный государственный архив Республики Дагестан (ЦГА РД), ф. 382, оп. 1, д. 29, л. 9.
18. ПОТТО В. А. Ук. соч., с. 30.
19. Там же, с. 33.
20. ПОНОМАРЁВ Ф. П. Ук. соч., с. 11.
21. ТКАЧЁВ Г. А. Ук. соч., с. 203.
22. ЦГА РД, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 35.
23. ОМЕЛЬЧЕНКО И. Л. Ук. соч., с. 67—68.
24. ГРИЦЕНКО Н. П. Города Северо-восточного Кавказа и производительные силы края V — середина XIX вв. Ростов-на-Дону. 1984, с. 79.
25. ПОТТО В. А. Ук. соч., с. 34—35.
26. ЦГА РД, ф. 382, оп. 1, д. 3, л. 55; д. 29, л. 7.
27. Там же, д. 31, л. 20.
28. ПОТТО В. А. Ук. соч., с. 36—37.
29. ЦГА РД, ф. 382, оп. 1, д. 31, л. 17об. —18.
30. Там же, л. 4, 14, 15.
31. Там же, л. 21—21об.
32. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 162, л. 18, 26.
33. Там же, ф. 382, оп. 1, д. 42, л. 13—15, 23.

34. Там же, ф. 18, оп. 1, д. 164, л. 33.

35. Там же, д. 162, л. 37.

УДК 94 (093)

Дагестан в арабских исторических источниках: «Китаб ал-Футух» ал-Куфи

М. А. Гизбулаев

Аннотация. В публикации обсуждаются основные аспекты жизни и творчества Ибн ал-А'сама ал-Куфи, знатока мусульманской истории, который в жанре футух излагает историю завоеваний мусульман от вступления на престол халифа Абу Бакра (ум. 13/632) до смерти халифа ал-Муста'ина (ум. 252/866). Цель работы — освещение сведений по истории Дагестана VII—VIII вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения ал-Куфи «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний»), относящихся к истории народов Кавказа. В исследовании впервые выполнено сопоставление сведений ал-Куфи и сочинений Ибн Хаййата «Та'рих» и ал-Балазури «Китаб ал-булдан».

Ключевые слова. Ибн ал-А'сам ал-Куфи, история Дагестана, «Китаб ал-футух», арабская историография, футух, анализ, Кавказ, Омейядский халифат.

Abstract. The paper is devoted to the examination of the historical events which took place in Dagestan in the 7th — 8th century during the reign of khulafa ar-Rashudun and the Umayyad governors in the Eastern Caucasus through the study of Arabic historical source “Kitab al-futuh” by Ibn ‘Asam al-Kufi. The publication is based on the content analysis of Kitab al-futuh written in the Arabic literary genre, known as futuhah, which highlights the scope of Islamic history from the reign of caliph Abu Bakr (d. 13/632) to the end of reign of caliph al-Musta’in (d. 252/866). It provides a thorough description of the Arabic manuscript, analyses its thematic content using comparative approach with the “Ta’rikh” of Khalifa b. Khayyat and “Kitab futuh al-budan” of al-Balathuri.

Key words: Ibn ‘Asam al-Kufi, history of Dagestan, “Kitab futuh”, Arabic historiography, futuh, analysis, Caucasus, Umayyad Caliphate.

Исторические сочинения на арабском языке сохранили весьма ценные сведения по социально-экономической, культурной и политической истории народов Кавказа. Однако фрагментарность извлечений из арабских источников и скудность источниковой базы не дают возможности

Гизбулаев Магомед Андалавамагомедович — кандидат исторических наук, независимый исследователь. Кудали. E-mail: awariyav@gmail.com.

Gizbulaev Magomed A. — candidate of historical sciences, independent researcher. Kudali. E-mail: awariyav@gmail.com

---

исследователям обстоятельно изучить средневековую историю народов Дагестана.

Цель данной публикации — освещение сведений по истории Дагестана VII—VIII вв. на основе перевода, комментирования и сравнительного анализа выдержек из сочинения «Китаб ал-футух» («Книга завоеваний»), относящихся к истории народов Кавказа. Для выделения сведений о Дагестане в исследовании использовалось Бейрутское издание 1991 г., подготовленное историком Али Шири.

Арабская историография — оригинальное явление. В ее основе лежат два периода: доисламская историческая традиция — интерес к истории древней Аравии (свод исторических легенд, племенные предания в стихотворных и прозаических жанрах) и исламская историческая традиция — интерес к истории жизни и деяний пророка Мухаммада, великих завоеваний, всеобщей истории.

Так, со временем в фонд исторических сведений включаются и рассказы о завоеваниях — футух. Особенностью этой фиксации исторической информации было то, что происходившие несколькими десятилетиями ранее события записывались со слов современников и потомков завоевателей.

Одним из последних арабских историков, писавших о завоеваниях, был современник ал-Балазури (ум. 279/893) Ибн ал-А'сам ал-Куфи. Его сочинение называется «Китаб ал-футух». Занимательный стиль ал-Куфи отличается от документального изложения сведений в сочинении ал-Балазури.

Для данного исследования сочинение ал-Куфи интересно тем, что в нем есть сведения о Дагестане — о военных походах Салмана б. Раби 'а ал-Бахили, Масламы б. 'Абдулмалика, Джарраха б. 'Абдуллаха и Марвана б. Мухаммада в различные области Восточного Кавказа. Сведения об этих походах встречаются также в исторических сочинениях Ибн Хайя-та, ал-Балазури и ат-Табари ¹, но у ал-Куфи представлены другие заметки об этих событиях. Каким источником сведений пользовался ал-Куфи, на сегодняшний день определить очень сложно. Там, где имена информаторов и даты отсутствуют, он пишет: «говорит».

Ибн А'сам ал-Куфи — историк второй половины III в. по хиджри, о жизни которого сохранилось сравнительно мало сведений, причем в основном противоречивых. И все же, некоторые важные биографические данные о нем есть. Он имел имя Ахмад, прозвище Абу Мухаммад и был известен как Ибн А'сам ал-Куфи. Исследователи полагают, что имя автора не стало популярным в арабской литературе вследствие его шиитских воззрений. Как писал известный мусульманский ученый Ибн Хаджар ал-Аскалани (ум. 852/1454), ссылаясь на данные, полученные от арабского хрониста и историка Йакута ал-Хамави (ум. 626/1228), «Ибн А'сам ал-Куфи был шиитом и, прежде всего он воспринимается как один из слабых передатчиков сведений...» ² Точная дата рождения ал-Куфи неизвестна, а умер он, по одним данным, в 314/926 ³, а по другим — приблизительно в 320/932 году ⁴.

Ал-Куфи оставил после себя сочинение «Китаб ал-футух», состоящее из восьми частей и дошедшее до нас в копиях. Оно охватывает историю Халифата от вступления на престол халифа Абу Бакра (ум. 13/632)

до смерти халифа ал-Муста'ина (ум. 252/866). Однако мусульманский историк Йакут ал-Хамави, который имел возможность ознакомиться с полной редакцией «Китаб ал-футух», утверждает, что «сведения, отраженные в труде Ибн А'сама ал-Куфи, относятся ко времени правления халифа ал-Муктадира-би Ллаха (ум. 320/932)»⁵.

«Китаб ал-футух» содержит подробное недатированное повествование об арабо-хазарских войнах. До находки арабского варианта сочинение было известно по его персидскому переводу, а отдельные фрагменты — по сочинениям Абу 'Али Мухаммада Бал'ами, Ибн ал-Асира и «Дербент-наме».

Следует отметить, что списки сочинения «Футух ал-булдан» хранятся в фондах библиотек Европы, таких, как Библиотека Ахмеда III, Топкапу, в Стамбуле⁶, Библиотека Бодлей в Оксфордском университете⁷, Библиотека Кембриджского университета⁸ и др. В нем имеются самые полные сведения о походах мусульманских военачальников на Восточный Кавказ. Историки отмечали легендарность некоторых материалов, что тоже стало причиной его непопулярности в мусульманском мире.

Для средневековой истории Дагестана сочинение ал-Куфи важно потому, что в нем приводятся совершенно новые, отличные от материалов других сочинений, сведения о первых походах мусульман в Дагестан, о деятельности халифатских наместников в дагестанских политических образованиях и об арабо-хазарских войнах. Большое место в «Китаб ал-футух» занимают сведения о Дербенте — главном опорном пункте средневекового Дагестана на Каспийском побережье; интересны его данные о Баланджаре, Самандаре, Бабе и других городах. Ал-Куфи излагает свою версию о пленении правителя Сарира, что не встречается у других авторов IX—X веков.

Списки персидских переводов сочинения находятся в различных библиотеках Европы и Востока. Извлечения из сочинения Ибн А'сама ал-Куфи, касающиеся славян, и о походе ал-Джарраха б. 'Абдаллаха⁹ против хазар, сделаны А. Тоганом¹⁰ и А. Куратом¹¹. В 1976 г. его труд был полностью издан на арабском языке под руководством профессора Абдулваххаба ал-Бухари¹².

Известен полный перевод главы об Азербайджане сочинения ал-Куфи, выполненный З.М. Буниятовым¹³ по изданию «Да'ират ал-ма'ариф ал-'усманийя» (Хайдарабад. 1968—1976). В данном труде содержатся предисловие, комментарий к переводу и указатели. В связи с этим, в данном исследовании выполнено сопоставление сведений, содержащихся в «Китаб ал-футух», и переводе фрагментов из сочинения, выполненного Буниятовым, с целью установить расхождения в существующих сведениях о Дагестане в этих двух трудах.

Следует сказать, что исследователи, пользующиеся трудом Бал'ами, должны знать, что, переводя с арабского сочинение ат-Табари, он включил в этот перевод значительное количество отрывков из «Китаб ал-футух». Работу ал-Куфи широко использовал в своих исследованиях А.Р. Шихсаидов.

Труд ал-Куфи имеет важное значение для изучения истории Дагестана, особенно событий, происходивших в середине VII и первой половине VIII века. Так, в сведениях, относящихся к главе «Рассказ о походе Сал-

ман б. Раби'а ал-Бахили в страну Арминия¹⁴ и ее завоевание»¹⁵, упомянут один из первых мусульманских военачальников, совершивших поход на Кавказ — сподвижник Пророка Салман б. Раби'а¹⁶, которому Ибн А'сам приписывает завоевание таких городов и политических образований на Восточном Кавказе, как Байлакан¹⁷, Барза'а¹⁸, Джурзан [Грузия], Ширван¹⁹, Шабиран²⁰, Маскат²¹. После того, как он и преданные ему иракцы заняли их, «Салман отправил гонцов к правителям гор (местных политических образований. — *М.Г.*) мулук ал-джибал и пригласил их прибыть к нему [в Маскат]. К нему прибыли правители Лакза²², Филана²³ и Табарсарана²⁴ (в тексте издания Табаристана. — *М.Г.*). Все они доставили ему деньги и подарки и согласились ежегодно вносить известную (согласованную в период прежнего Халифа. — *М.Г.*) подать. На все это он дал свое согласие»²⁵.

У ал-Балазури эти же сведения встречаются в другой, сокращенной, редакции: «... Такой же мирный договор с ним (Салманом. — *М.Г.*) заключили и остальные владетели гор, а также и жители Маската, и Шабирана, и ал-Баба»²⁶.

Судя по сведениям, приведенным арабским историком, относящимся к 25/646 г., можно заключить, что причиной для отправки халифатской армии под командованием Салмана на Восточный Кавказ было нарушение местной знатью мирного договора, заключенного с мусульманами еще во времена правления второго халифа — Умара б. Хаттаба — и подчинение хазарами этой области.

Согласно ал-Куфи, на этом наступление 10 тыс. войска под командованием Салмана на Восточном Кавказе не закончилось. Из Маската:

«Он двинулся по направлению к городу ал-Баб (Дербент. — *М.Г.*), в котором находилась 300 тыс. хазарская армия во главе хакана (царский титул правителя хазар. — *М.Г.*)...»²⁷

Что же касается пребывания 300-тысячной хазарской армии на территории города в этот период, то соответствующие сообщения нельзя считать надежными, так как они не подкрепляются данными других источников.

Далее автор исторического сочинения добавляет, что Салман беспрепятственно вошел и занял Дербент. Здесь мусульманская армия остановилась на короткий отдых. А через три дня из Дербента, преследуя войска хакана, «он (Салман. — *М.Г.*) достиг одного из хазарских городов, Йаргу²⁸, в котором не оказалось ни одного из числа [войск хакана]...»²⁹ Этот текст повествует о том, что мусульманский предводитель войск зашел вглубь страны врага, желая вступить на территорию других хазарских городов, в частности, Баланджара.

До сих пор у ал-Куфи приводились сведения только об удачных походах Салмана на Восточном Кавказе, в том числе и в Дагестане, но из этого примера видно, что сочинение написано не для восхваления магази, а как чисто историческое: «... но хакан с 300 тыс. армией повернул назад против мусульман, и, таким образом, Салману пришлось сражаться с хазарами, после чего он и его войско погибло в этом бою. В Баланджаре³⁰ находятся их могилы, и до сих пор (нач. X в. — *М.Г.*) именуют как “могилы мучеников” кубур ал-шухада'»³¹. Этот отрывок из исторического сочинения рассказывает о поражении мусульманских войск в Дагестане. На

наш взгляд, возможно, эти походы Салмана в Таргу и Баланджар носили скорее разведывательный, чем завоевательный характер.

Следует отметить, что у ал-Куфи сведения о количестве погибших мусульман в Баланджаре отсутствуют, но они встречаются у ал-Балазури.

Так, «... к северу от ал-Баба, за р. Баланджар (видимо р. Сулак. — *М.Г.*) произошло кровопролитное сражение, где хазары атаковали и разбили почти весь четырехтысячный отряд мусульман, убив их предводителя Салмана б. Раби'а»³². Следовательно, победа, одержанная над рядом местных политических образований, не дала Салману возможности укрепить свои позиции в Баланджаре, где он и его войско погибли в неравном бою с хазарами.

От 32/653 до 90/709 г. у ал-Куфи отсутствуют сведения о завоевательных походах мусульманских войск в Дагестане. После стабилизации внутреннего политического положения Омейядского халифата к концу VII в., арабские войска начали расширение и повторное завоевание территорий, в частности, на Кавказе. В начале VIII в. Халифат возобновил свои походы на Восточный Кавказ.

Следующее указание автора — это сведения о повторном завоевании Дербента у хазар Масламой б. 'Абдальмаликом³³ по приказу наместника Арминии Мухаммада б. Марвана³⁴. Источник сведений не указан.

«И дошел Маслама до ал-Баба (Дербента. — *М.Г.*), в котором находилась 80 тыс. хазарская армия. Он вступил с ней в бой, который длился в течении многих дней и ночей. Но, несмотря на это ему не удалось взять город из-за его неприступности и прочности его стен, которые были возведены еще Ануширваном б. Кубадом б. Фирузом³⁵»³⁶.

Очевидно, Маслама, подступив к этому городу, располагал не меньшими силами. Между тем, при перечислении количества хазарских войск, расквартированных в Дербенте среди горожан, ал-Куфи называет 80 тыс. чел., что вызывает большое сомнение. У ал-Балазури и Халифы б. Хайяга эти данные не встречаются.

По словам ал-Куфи, Масламе завоевать Дербент удалось благодаря одному хазарскому воину, впоследствии принявшему ислам, который указал тайный ход в крепость. «Он [хазарин] сказал: О, эмир! Я пришел к тебе желая принять твою религию — ислам, а также, чтобы ты назначил мне жалованье, на которое я смог бы содержать себя и своих детей, более того, я укажу место, через которое твои воины смогут проникнуть в этот город [Дербент]...»³⁷

В результате, по данным ал-Куфи, мусульманские воины один за другим стали занимать город через проход в стене со стороны русла реки, указанный этим хазарским воином, около которого хазары не выставили охрану. «... И сразились в эту ночь обе стороны в страшном бою так, что звон от ударов мечей одного по другому и по щитам был подобен ударам одного куска железа по другому. Когда же наступил рассвет, мусульмане возвысили свои голоса словами такбира (произнесение формулы восхваления Господа — “Аллаху акбар” — Аллах велик), а сам Маслама во главе мусульман прибыл для поддержки тех, кто уже внутри [города]. Потом хазары открыли одну из ворот города, откуда они обратились в бегство. А тем временем, они [мусульмане] овладели городом вместе с их [хазар] женщинами и детьми»³⁸. Таким образом, Дербент снова оказался в руках мусульман.

Далее идет рассказ ал-Куфи о намерении Масламы полностью разрушить крепость Дербента, чтобы лишить хазар важного опорного пункта для их дальнейшего вторжения в земли, подконтрольные Халифату, в частности в Арран: «И приказал Маслама разрушить стены города, однако, в это время, один из его приближенных начал отговаривать его от этой затеи и убедил его, наоборот, предпринять меры, рассчитанные на укрепления города. Он ответил ему, что ты прав! Но он разрушил часть стены, так как задолго этому событию он поклялся, что полностью его разрушит. Поэтому, Маслама приказал разрушить часть стены с правой стороны (по всей видимости, под правой стороной подразумевается южная городская стена. — М.Г.)»³⁹.

Мотивы разрушения именно южной стены понятны, так как в случае повторного взятия хазарами Дербента, Масламе было бы легче его отбить. По сведениям хроники «Дербенд-наме», Маслама отреставрировал башни Дербента и дал указания отремонтировать разрушенные места города и крепости⁴⁰.

Как только Маслама со своими войсками «покинул ал-Баб и прибыл с большими трофеями к своему дяде Мухаммаду б. Марвану (наместнику. — М.Г.), который в это время находился в центральной части Арминий, хазары вновь отбили ал-Баб у мусульман»⁴¹.

Халифа б. Хайят добавляет к этому ценное сообщение о том, что наступление войск под командованием Масламы на Дербент и его взятие произошло в 95/714 году.

На этом контрнаступление мусульманских войск в Дагестане не закончилось. Ал-Куфи повествует о вторжении Джарраха б. 'Абдуллаха ал-Хаками с многочисленными войсками в Дагестан по приказу халифа Йазид б. 'Абдулмалика (720—724) в главе «Рассказ о вторжении Джарраха б. 'Абдуллаха ал-Хаками в страну Арминийа и что с ним произошло [в стране] хазар». В 722 г. новый наместник Арминийи Джаррах со своей армией направился к городу Барза 'а, где остановился на несколько дней для того, чтобы его воины и верховые животные отдохнули, отсюда хазары при его приближении отошли к Дербенту: «... Затем он [Джаррах] выступил из Барза 'и, переправился через р. Кура и двинулся по направлению к Баб ал-Абвабу. Он продолжил путь в этом направлении, пока не добрался до реки Рубас, которая протекала в двух фарсах (около 12 км) от города ал-Баба. Он расположился здесь и разослал гонцов к правителям гор. Вскоре к нему стали прибывать [правители] со всех [местных] земель...»⁴²

Реальное расстояние между Баб ал-Абвабом и р. Рубас можно определить по их локализации. Так, по карте между Дербентом (Баб ал-Абвабом) и р. Рубас (например, в местности Авадан, Докузпаринский район) составляет 16,9 км, по данным ал-Куфи — в двух фарсах, а это 12 км, что позволяет говорить о том, что координаты на тот период, указаны относительно близко к реальным расстояниям на местности.

Согласно сведениям ал-Балазури, «...Джаррах [со своим войском] переправился через р. Куру, и продолжал двигаться вперед, пока не пересек реку, известную как Самур»⁴³. Отсюда следует вывод, что Джаррах разбил свой лагерь у р. Рубас в 12 км от Дербента, после чего стал отправлять гонцов к местным правителям, призывая их примкнуть к его армии

для борьбы против хазар. Часть из них были союзниками мусульман, другие приняли сторону хазар.

В «Китаб ал-футухе» мы находим сведения о правителе Лакза, предупредившем хазар о наступлении Джарраха на Дербент. «К Джарраху б. ‘Абдаллаху прибыл один из его союзников, жителя этого края и сказал ему: “О, эмир! Сообщаю тебе, что правитель малик Лакза Ирбис б. Басбас отправил гонца к хазарскому правителю с известием о твоём приближении [в Дербент] и ты [таким образом] действуй по своему усмотрению!” »⁴⁴

Между тем, Джаррах распустил слух, что собирается остановиться с армией у р. Рубас на три дня, а сам той же ночью выступил к Дербенту, где ему никто из хазар не оказал вооруженного сопротивления. Очевидно по совету Ирбиса хазары оставили Дербент. В это время «Джаррах с армией разбил лагерь перед воротами [оборонительной стены] ал-Джихад, в полуфарсахе (около 3 км. — *М.Г.*) от города ал-Баб. На рассвете, он вызвал к себе одного из своих командиров, которому придал 3 тыс. всадников и сказал: иди, пока не доберешься до земель Хайдака⁴⁵, не оставляй его жителям ничего, кроме как обираешь их. Сражайся только с теми, кто выступит против тебя, и смотри, чтобы до восхода солнца (через сутки. — *М.Г.*) ты со своими воинами соединился со мной у реки Арран, протекающей в шести фарсах (около 36 км. — *М.Г.*) от города ал-Баб... Сам же Джаррах с 20 тыс. армией вышел к р. Арран, где и разбил свой лагерь... С наступлением рассвета, к нему присоединился тот командир во главе войска, а также отряда из 3 тыс. пленных [из Хайдака]»⁴⁶.

По мнению А.П. Новосельцева, р. Арран может соответствовать р. Уллучаю или р. Артозеню⁴⁷. В этой связи, реальное расстояние, между Баб ал-Абвабом и р. Арран можно определить согласно их локализации. Так, по карте между Дербентом и р. Уллучай (например, северо-восточнее села Сегелер, Дербентский район) составляет 36,1 км, по данным ал-Куфи — в шести фарсах, а это 36 км, что позволяет говорить о том, что речь не идет о р. Артозень в Каякентском районе.

Согласно ал-Куфи, к этому времени у реки, недалеко от местности Сегелер, уже начала собираться превосходящая по числу 40-тысячная хазарская армия во главе с сыном хакана Нарстика⁴⁸ для того, чтобы вступить в бой с мусульманами (в тексте указана цифра 25 тыс. воинов): «И встали [на близком расстоянии] обе стороны друг против друга. Где в это время, Джаррах сидя верхом на черной муллице, обратился [к своим воинам] со следующими словами: “О, люди! Поистине, не существует для вас иного войска, у которого вы могли бы найти прибежище после Аллаха, кроме как моего. Как вам уже известно, если кто из вас погибнет, то он в Раю, а кто [выжив] победит то, ему трофеи и добрая память [о нем]. Затем, сошлись люди (противоборствующие стороны. — *М.Г.*) и сразу же перемешались, вследствие чего, поднялась пыль, и наступил мрак. Но вдруг ветер подул в сторону хазар, и они, поверженные, обратились в бегство. И стали мусульмане преследовать их и убивать до тех пор, пока не дошли, таким образом, до крепости [в местности Хайдак] Хасийн⁴⁹. Джарраху и его воинам достались богатые трофеи от почти полностью перебитой хазарской армии»⁵⁰.

Со слов ал-Куфи известно, что «в тот же день Джаррах вошел в крепость [Хасийн], жители которой запросили у него гарантии безопасности и перемирие. Он заключил с ними договор на условиях выплаты ими дани. И получил с них требуемый [размер дани]. Затем он переселил их на землю, именуемую Хайзан ⁵¹» ⁵². У кого ал-Куфи заимствовал эти сведения, он не сообщает, однако, при сравнительном анализе арабских источников становится ясным, что эта информация ал-Куфи скорее всего известна от ал-Балазури, который писал, что «... ему (Джарраху. — М.Г.) также, пришлось сражаться с жителями Хамрина [Хасийна] (в тексте издания Хамзин. — М.Г.). Это заставило их заключить с ним мирный договор, по которому он переселял их в две деревни в волость Хайзан (в тексте издания Джайзан. — М.Г.)» ⁵³.

Далее «Джаррах направился к одному из хазарских городов, именуемого Бар'уфа ⁵⁴, жители которого оказывали ему сопротивление в течении шести дней. После чего они запросили у него гарантии безопасности и перемирие. Он заключил с ними договор на условиях выплаты ими дани. И получил с них требуемый [размер дани]. Затем он переселил их на землю, именуемую рустак Кабала ⁵⁵» ⁵⁶.

Продолжая освещение походов Джарраха 722—723 гг. в Дагестане, Ибн А'сам ал-Куфи приводит сведения о его маршруте: «После этого Джаррах вышел из Бар'уфы [Таргу] с новым военным походом на хазарский город Баланджар, который был завоеван мусульманским военачальником после ожесточенного сопротивления хазарских войск... Оттуда он направился к другому городу ал-Вабандар, с населением 40 тыс. хозяйств, жители которого без сопротивления согласились платить ему дань...» ⁵⁷

В силу неопределенности одного из указанных топонимов, локализация Вабандара на данный момент представляется затруднительной.

Далее, по словам ал-Куфи, мусульманский военачальник собирался двинуться на Самандар, но получил от правителя Баланджара письмо о нецелесообразности продолжать поход на город, так как против него направляется большая хазарская армия, над которой он не сможет одержать победу. Поэтому Джаррах решил отступить с войсками в Шеки, где ожидал подкрепления, которое должно было прибыть к нему из Шама для контрнаступления против хазар после окончания зимы.

В историческом сочинении Ибн Хаййата есть небольшие подробности военных действий наместника Арминии, Джарраха б. 'Абдуллаха ал-Хаками, совершавшего походы на алан и хазар. Сведения, которые относятся к 104/722 г.: «И в понедельник от месяца Раби'ул ал-аввал Джаррахом был взят Баланджар. А затем, на р. Арран, на расстоянии двух фарсахов (около 12 км. — М.Г.) от ал-Баба, произошло крупное сражение между войсками Джарраха и сына хакана. В результате сражения сын хакана с армией были разбиты, они были обращены в бегство, и многие из них попали в плен».

Именно в этом фрагменте у Ибн Хаййата ошибочно дается расстояние между Баб ал-Абвab и р. Арран в два фарсаха, что равняется примерно 12 км, тогда как реальное расстояние на местности составляет около 36 км. Это же расстояние указано у ал-Куфи, как было показано ранее, — шесть фарсахов, что более близко к реальному расстоянию между горо-

дом Дербент и р. Уллучай (северо-восточнее села Сегелер, Дербентский район).

Однако отсутствие дальнейших успехов в борьбе с хазарами и аланами повлекло за собой временное смещение Джарраха с должности наместника Арминии в 725 г. и повторное назначение на эту должность Масламы.

На этом не закончились завоевательные походы мусульманских полководцев в Дагестане. Следующее указание в «Китаб ал-футух» — это сведения о том, как войска под командованием Масламы б. ‘Абдулмалика, вновь назначенного правителем Арминии, перешли в наступлении на хазар и повторно завоевали Восточный Кавказ. В это время Маслама принимал региональных правителей, желавших заключить с ним перемирие. «Из Хайзана (в современном Азербайджане. — *М.Г.*) он продолжил свой военный поход и достиг Баб ал-Абваба, правитель которого введя свою конницу и пеших вышел к нему на встречу (в знак покорения. — *М.Г.*). Затем туда (в Дербент. — *М.Г.*) начали пребывать правители гор (ширваншах, лайзаншах, филаншах и др. — *М.Г.*), принося с собой харадж (поземельный налог. — *М.Г.*), чтобы встретиться с ним. После этого они вместе с Масламой вошли в ал-Баб (Дербент. — *М.Г.*), где в это время находились 1000 хазарских тарханов⁵⁸, назначенных [служить в крепости] еще самим хаканом. Маслама не причинил им никакого вреда (не остановился для штурма крепости. — *М.Г.*) и, таким образом, показал свое великодушие по отношению к ним (хазарам. — *М.Г.*), оставив возможность самим покинуть город»⁵⁹.

По словам ал-Куфи, из Дербента Маслама с армией направился на территорию хазар и достиг беспрепятственно (не обнаружил хазарские войска на пути следования) хазарских городов: Баланджара, Вабандара и Самандара, которые им были захвачены. После этого хакан, узнав о продвижении мусульманских войск вглубь его территории, объявил всеобщую мобилизацию населения для того, чтобы начать ответный поход против Масламы. По всей видимости, Маслама во время данного выступления в Хазарию располагал не особенно значительными силами и поэтому разработал тактический план, согласно которому предусматривалось рытье рвов, начиная с Самандара до Дербента, чтобы нанести внезапный удар по наступающей, превосходящей по численности хазарской армии⁶⁰. Более того, оказавшись в трудном положении в борьбе против наступающей, превосходящей хазарской армии, Маслама в местности Баб-Вака/Дар-Бак также «... обратился за помощью к правителям гор [со своими вооруженными силами], которые находились рядом с ним [в качестве союзников], и попросил выразить их мнение о стоявшем перед ним противнике (хазарской армии. — *М.Г.*). Они [правители] ему ответили: “О, наш эмир! Обеспечь нас поставкой необходимого количества зажигательными стрелами лучников, и разреши нам быть в авангарде твоих войск, и оставь нас с ними (с хазарами на поле брани. — *М.Г.*), которым мало не покажется. Но, вдруг, если мы будем убиты, то мы возвращаемся к Аллаху и в Рай, а если же мы победим, то это и есть искомое нами цель”. И тогда Маслама сказал, поистине вы проявили себя наилучшим образом в исламе, а именно, в консультировании [между собой по важным вопросам]...»⁶¹ Данный отрывок имеет большое значение при освещении во-

проса об отношении некоторых дагестанских правителей к мусульманским командующим войсками.

В произведении ал-Куфи зафиксирована информация об организации войск под руководством Масламы. После окончания вышеуказанного совещательного мероприятия «Маслама приступил к организации своего военного состава: в правый и левый фланги, центральную и защитную части. А в авангарде войск находились местные правители, вооруженные зажигательными стрелами лучников. Тем временем, Маслама попросил принести ему знамя ал-лива', чтобы он мог установить его перед собой до начала сражения ⁶². Итак, мусульмане вступили с ними (хазарами. — *М.Г.*) в бой... В итоге, они одержали победу в этом сражении и нанесли сокрушительное поражение хазарским войскам...» ⁶³

По данным ал-Куфи, среди тех, кто участвовал в этом сражении, были такие известные мусульманские военачальники как Марван б. Мухаммад, Сулейман б. Хишам, 'Аббас б. Валид, Хузайл б. Зафа б. Харис ал-Килаби. Маслама в этом походе собрал богатую добычу, которую он поделил между мусульманами за исключением пятой части, которая была отправлена Халифу ⁶⁴. Эти сведения не встречаются у Ибн Хаййата и ал-Балазури.

Далее следуют сведения о том, как Маслама с войском вернулся в Дербентскую цитадель и окружил 1000 хазар, которые находились там. Крепость была взята только с помощью одного хазарина, вероятно перешедшего в ислам, который за плату указал способ проникновения в цитадель. «... Он потребовал от Масламы оплатить по одну сотню крупного и мелкого рогатого скота, последний согласился. Хазарин вместе с людьми Масламы направился в сторону источника, вырытого еще во времена Ануширвана, и сказал им зарежьте то, что было подарено мне, чтобы кровь смешав с водой, просочилась в крепость через этот источник (вода в цитадели испортилась. — *М.Г.*)... Наступила ночь, мусульмане по приказу Масламы покинули одни из ворот крепости, тогда хазары открыли их и сами вышли из города, убегая» ⁶⁵.

Эти же данные приводятся в сокращенном варианте у ал-Балазури: «Затем он (Маслама. — *М.Г.*) повел наступление на город ал-Баб и завоевал его. А там, в городской крепости, которая была взята с использованием камнеметных машин и отравлением воды в источнике, находилось 1000 человек, вместе с их семьями, из хазар, которые ночью вышли из города, убегая...» ⁶⁶ После этого в историческом труде описывается деятельность Масламы, направленная на укреплении мусульманской власти в городе.

Также ал-Куфи сообщает о процессе формирования этнического состава Дербента, в частности о замене хазарского населения арабским, назначении Масламой нового правителя города и сооружении зернохранилищ. «.. Затем по приказу Масламы город ал-Баб был поделен на четыре сектора с арабским населением, а именно из: Дамаска, Хомса, Палестины и других районов Шама и Джазиры. Далее Маслама назначил правителем Баб ал-Абваба одного из своих приближенных, по имени Ибн Сувайд ал-Са'лаби, которому он приказал соорудить хранилища, в крепостных башнях города, для пшеницы, ячменя, оружия, а также проследить за строительством железных ворот, чтобы восстановить значимость города» ⁶⁷.

Согласно, ал-Балазури, Масламой были «переселены вместе с семьями в город Баб ал-Абваб 24 тыс. человек из Шама, обязавшись выдавать им жалованье. Он приказал соорудить хранилища для продуктов, ячменя, оружия»⁶⁸.

Следует сказать несколько слов и о размере ежегодного дохода, установленного Масламой для жителей Дербента. Так ал-Куфи сообщает, что «Маслама назначил жалование для горожан ал-Баба в размере 100 и 10 динаров ежегодно. Не говоря о предоставляемой им для потребления определенной меры из пшеницы, масла, и прочих продуктов на каждого жителя города ежемесячно»⁶⁹. Эти данные отсутствуют у Ибн Хаййата.

Следующее сообщение ал-Куфи касается главы мусульманской общины Дербента: «... на эту должность Маслама назначает вместо себя своего двоюродного брата, Марвана б. Мухаммада⁷⁰, а сам вернулся в Шам (Дамаск, где находилась резиденция Халифа. — *М.Г.*)». Можно также отметить, что как только хазары узнали об отъезде Масламы с Восточного Кавказа, так вновь заняли те прикаспийские города, которые были ранее завоеваны мусульманами. В ответ на это в 113/731 г. Марван начал основательную подготовку к схватке с хаканом, для чего «Марван [наряду с арабским] стал проводить мобилизацию местного населения и, таким образом, собрал 40 тыс. армию, с которой он достиг г. Баланджар. Оттуда он с войсками двинулся вглубь по территории хазар, где Марван начал убивать, брать их в плен, до тех пор, пока не погибло в сражении большое число хазар и не вернулся сам Марван с богатой добычей [женщины, дети и скот] целым и невредимым в ал-Баб. И происходило данное событие в зимнее время года»⁷¹. У Ибн Хаййата и ал-Балазури эти данные отсутствуют.

Весной того же года (731), как сообщает ал-Куфи, халиф Хишам б. ‘Абдальмалик (723—743), сместив Марвана, назначил правителем Армении, Азербайджана, Аррана и Джурзана (Грузии) Са’ида б. ‘Амра ал-Хараши, который оставшись в Дербенте, совершил следующее: «Он предпринимал многочисленные походы днем и ночью против хазар, пока у него не ухудшилось зрение. В связи с этим он написал письмо Хишаму б. ‘Абдальмалику (халифу. — *М.Г.*) о данном недуге, и затем он был им, после того как удостоверился, смещен с должности»⁷².

Из «Китаб ал-футух» следует, что халиф Хишам на место Са’ида б. ‘Амра назначил наместником Арминии Марвана б. Мухаммада б. Марвана и поручил ему вести борьбу с хазарами. «Из Шама Марван во главе 120 тыс. армии выдвинулся в Армению⁷³..., где он подчинил себе силой всех армянских князей. Затем он написал письмо к командующим войсками, расквартированных в Бабе ал-Абвабе, чтобы они, во главе Усайда б. Зафири ал-Сулами, вторглись на территорию хазар, и вышли к нему [сам Марван направился через Дарьяльский проход] в Самандар»⁷⁴. Эти сведения также встречаются у Ибн Хаййата и ал-Балазури⁷⁵ и относятся к 119/737 году.

На этом наступление мусульманских войск на территорию хазар не закончилось. По данным ал-Куфи, из Самандара «Марван со 150 тыс. армией двинулся к городу Байда, где находилась резиденция хакана, правителя хазар. Оттуда хакан стал отступать... Вскоре на реке нахр сакалиба мусульмане разбили хазарскую армию, и устранившись моши

мусульман, хакан запросил мира... Марван предложил ему принять ислам. По пришествии небольшого периода времени, после увещевания (будучи в плену. — *М.Г.*) хакан принял решение стать мусульманином, и вместе с ним приняли ислам множество людей из числа его родных и соплеменников. Марван торжественно принял его, обнял и назвал [своим] братом...»⁷⁶

Данная военная кампания Марвана привела к завершению многолетней арабо-хазарской войны. При этом в ходе похода в плен было захвачено более 40 тыс. хазар, которых в дальнейшем Марван поселил на равнинной местности у р. Самур, относящейся к землям Лакза⁷⁷. Действия Марвана на Кавказе свидетельствуют о существовании у него хорошо продуманного плана по подготовке решающей военной кампании против хазар. После этих событий хазары перестали представлять серьезную угрозу интересам Халифата на Кавказе, и, что не менее важно, Византия лишилась своего сильного союзника в войне с мусульманами.

Последующие события, получившие освещение в сочинении ал-Куфи, связаны с военными действиями Марвана и его маршрутом на территории Дагестана. Исходя из сведений средневековых арабских авторов, можно сделать вывод, что Сарир был по масштабам Кавказа крупным владением, объединявшим целый ряд кавказских народов, с политическим центром в Хунзахе. На северо-востоке Сарир граничил с хазарами, на северо-западе — с аланами, на западе — с грузинскими землями, на юге были расположены Шандан и др.⁷⁸ По его данным, после того как было покончено с хазарской угрозой, Марван вознамерился совершить вторжение в земли Сарира. Для этого он написал письмо своему ставленнику [в Дербенте] Усайду б. Зафири ал-Сулами, чтобы с воинами направился к нему на территорию Сарир. А сам же Марван отправился из Касака через р. Кура в Шеки, оттуда — в земли Сарира.

«... Он (Марван. — *М.Г.*) достиг до неприступной крепости, которую называют как ал-Балал⁷⁹, и никак не мог овладеть ею. Только через месяц воинам, используя железные мобильные сооружения (лестницы. — *М.Г.*), которые переносились с помощью мулл на одну из сторон крепости [чтобы отвлечь внимание ее защитников], ему с 8 тыс. спецотрядом удалось ворваться внезапно с другой стороны крепости, где произошло жестокое сражение»⁸⁰. Марван перебил всех мужчин, защищавших крепость. Затем, он распределил их женщин, детей и имущество между своими воинами и приказал разрушить стены крепости и сравнять их с землей. Данные о завоевании дагестанских политических образований у ал-Куфи подтверждаются также Халифой б. Хаййатом в его историческом труде «Та'рих», где эти события датируются 121/739 г.: «В этом году, Марван б. Мухаммад из Арминии, будучи ее правителем, вступил в земли правителя Сарира, в частности, к его крепости, где он убивал и брал в плен. А затем он вторгся в следующую крепость, где он также вел военные действия».

Далее из «Китаб ал-футух» следует, что Марван продолжал овладевать другими крепостями на территории Сарира: «Затем Марван отправился для вторжения и осады в другую крепость, называемой 'Амик/Кумух, жители которой оказали ему ожесточенное сопротивление, но он

одержал над ними победу. Он убил их мужчин, пленил их женщин и детей, и разрушил их крепость»⁸¹.

Между тем, правитель Сарира, получивший сообщение о наступлении мусульманских войск, бежал в свою резиденцию в Хунзахе (в тексте издания Хайзаджа), и Марван, преследуя его, достиг и окружил ее, но овладеть ею никак не мог⁸². Видя, как тщетны все попытки завладеть хунзахской крепостью, «Марван поклялся, что не покинет ее, пока она не будет взята или сам не погибнет. Он приказал начать строительство здания [для проживания], где ему пришлось провести целый год прямо напротив неприступной резиденции этого [сарирского] правителя ...»⁸³ И только тогда она была взята хитростью, а правитель Сарира запросил мира.

Судя по сообщению летописца из Куфы, замысел Марвана по завоеванию крепости оказался удачным: он написал письмо от своего имени и вручил правителю Сарира, который и не подозревал, что курьером был сам Марван. Содержание письма заключалось в следующем: «От Марвана б. Мухаммада правителю Сахибу ал-Сарира: затем, поистине, я поклялся, что не отступлю [от завоевания резиденции] пока ты не согласишься у меня мира или я не попрошу его у тебя. О, правитель, если ты согласишься [вариант], чтобы позволить мне войти в крепость и осмотреть ее, то тогда ты совершил благодетельный поступок, если пожелает Всевышний Аллах!». На этом текст письма прерывается. Далее ал-Куфи сообщает, что «... с письмом сам Марван направился к воротам крепости, затем попросил разрешение и сказал [стражам] передайте правителю [Сарира], что курьер от Марвана прибыл к воротам! И сообщили об этом правителю, который, в свою очередь, позволил ему войти и передать письмо лично. Затем он (правитель Сарира. — М.Г.) взял письмо и отдал его переводчику, который начал читать ему на его родном языке. После этого он (правитель Сарира. — М.Г.) сказал: ведите этого человека по крепости и пусть увидит, что никто не сможет проникнуть в нее. И стали люди [из окружения правителя] показывать Марвану резиденцию. А он в это время начал внимательно изучать [внутренние] крепостные строения [и вооружения], и размышлять о том, как завладеть этой резиденцией. Далее Марван обратился к этим людям [из окружения правителя] с просьбой что, он голоден и дать ему хлеба для еды. Они дали ему две лепешки и кусок мяса какого-то животного и проводили его за ворота крепости...»⁸⁴

Затем Марван направился в сторону своего лагеря, где он переделался и начал писать письмо правителю Сарира следующего содержания: «Ты — сын мерзкой женщины! Я, Марван б. Мухаммад, тот, кто явился к тебе лично, в качестве курьера, ибо я поклялся, что войду в твою резиденцию, и я это сделал, и теперь знаю ее внутренний план. И я надеюсь, что смогу повторно войти туда, если пожелает Всевышний Аллах, хотя тебе это не понравится, тогда я посмотрю, что ты за мужчина!»⁸⁵

После того, как правитель Сарира получил письмо и прочитал его, он понял, что Марван, выдавая себя за курьера, смог проникнуть в крепость. У Ибн Хаййата и ал-Балазури эти данные отсутствуют.

В «Китаб ал-футух» сохранились сведения, повествующих об условиях заключенного мирного договора между командующим мусульманскими войсками на Восточном Кавказе Марваном и правителем Сарира.

Источник сведений не указан. Правитель Сарира написал письмо Марвану и запросил мира, а последний согласился заключить с ним договор, согласно которому правитель Сарира «обязался ежегодно поставлять в город ал-Баб по 500 юношей и столько же невольниц блондинок, 10 тыс. динаров, и 500 мudd ⁸⁶ [зерна]» ⁸⁷.

Данные о завоевании Сарира и мирном договоре с Марваном у ал-Куфи, за исключением денежных средств, подтверждаются также словами Ибн Хаййата, который сказал: «Марван заключил с ним (правителем Сарира. — *М.Г.*) мирный договор, с условием доставлять, в качестве дани, ежегодно, по 1000 душ и 100 тыс. мudd [зерна]». Кроме того, эти же данные встречаются и у ал-Балазури, который написал: «... правитель Сарира покорился Марвану и заключил с ним мирный договор, согласно которому: приводить 500 юношей и 500 красивых девушек каждый год, и доставлять 100 тыс. мudd [зерна] в Баб ал-Абваб, и взял с него заложников» ⁸⁸.

В этой связи необходимо отметить, что ал-Куфи при перечислении продовольствия приводит цифру около 500 мudd зерна вместо 100 тыс. как указано у Ибн Хаййата и ал-Балазури. В таком случае можно предположить, что в приведенном нами количестве продовольствия обнаруживаются неточности, которые можно отнести к ошибкам самого автора или переписчиков.

Следующий маршрут мусульманского полководца, как рассказывает ал-Куфи, пролегал из хунзахской крепости «в сторону [другой] крепости, известной как Туман, жители (видимо речь идет о лакцах, которых аварцы называют тумал. — *М.Г.*) которой заключили с ним (Марваном. — *М.Г.*) мирный договор, согласно которому они обязались ежегодно поставлять в город ал-Баб по 100 пленников, по 1000 скотины и столько же мudd [зерна]» ⁸⁹.

Согласно ал-Балазури, Марван заключил с жителями Туман договор, где указывается значительно больший размер подати, чем у ал-Куфи, что представляется наиболее правильным. А именно: «... приводить 50 служанок, 50 юношей, 50 красивых девушек, и доставлять 20 тыс. мudd [зерна] каждый год» ⁹⁰.

Оттуда Марван «отправился в путь, пока не остановился у крепости Хамрин ⁹¹ (в тексте издания Хамзин. — *М.Г.*), жители которой оказали столь ожесточенное сопротивление ему, что мусульманам пришлось понести большие потери убитыми» ⁹².

Далее следуют сведения о том, как Марван силой завладел крепостью Хамрин. И в этом случае ал-Куфи не приводит имя информатора. «Марван сказал: О, люди! Кто из вас поднимется на крепость (Хамрин. — *М.Г.*), и благодаря которому, она будет взята, то тому самая красивая девушка из нее (крепости. — *М.Г.*) и вознаграждение в 1000 динаров. И в это время вскочил с места один араб из племени Танух ⁹³, который сказал: о, командующий [войсками], я готов [к военной операции]! Этот танухиец отправился к тому месту, по которому, как ему представлялось заранее, он сможет проникнуть в крепость. И вот, он начал отсюда подниматься на крепость незаметно от ее защитников, и добрался до ее центра, откуда он громко произнес такбир, что вселило страх [в сердца] защитников, которые ее и сдали [мусульманам, которые] получили все богатство крепости:

имущество, женщин и детей... [А тем временем] правитель Хамрин-шах обратился в бегство в другую крепость, где и он предпринял меры по ее укреплению»⁹⁴.

Затем Марван подошел к танухийцу с той суммой динаров, которая была им обещана, и предложил выбрать любую из невольниц. Он выбрал самую красивую из них, «... и когда они оба стали спускаться с крепости в [мусульманский] лагерь, она ударила его рукой⁹⁵, вцепилась за него [танухийца], и бросилась с ним с обрыва, где оба разбились насмерть»⁹⁶. Эти сведения не встречаются у Ибн Хаййата.

Данный инцидент привел Марвана в ярость, и он приказал отрубить головы всем мужчинам крепости Хамрин. «Затем он отправил своих всадников в земли Хамрина, где ими были подвергнуты разорению более 300 сел. А сам Хамрин-шах запросил мира у Марвана, на что последний согласился заключить с ним договор, согласно которому, правитель Хамрина обязался ежегодно поставлять в город ал-Баб по 500 юношей и столько же мулд [зерна]»⁹⁷.

В «Футух вл-булдан» ал-Балазури сообщается: «... приводить 500 душ и 30 тыс. мулд зерна одновременно с освобождением от доставок впрдь в Баб ал-Абваб»⁹⁸.

Далее, как повествует ал-Куфи, Марван в Дагестане «стал завоевать одну крепость за другой, пока не покорил все крепости стран: Сарира, Хамрина, Тумана, Шандана, а также еще кроме них. После этих походов он вернулся в город ал-Баб, где и перезимовал»⁹⁹.

С наступлением весны Марван с помощью гонцов пригласил к себе правителей «Ширвана, Лайзана (в тексте издания Иран. — *М.Г.*), Филана (в тексте издания Килан. — *М.Г.*), Табарсарана (в тексте издания Табаристан. — *М.Г.*) и прочих владений, только правитель Лакзов Ирбис б. Басбас отказался прибыть к нему. Марван во главе экспедиции направился за ним, пока не остановился у населенного пункта Билистан¹⁰⁰, расположенного в среднем течении р. Самур. В течении целого года, по приказу Марвана, жители Лакза подвергались многочисленным разорительным походам мусульман»¹⁰¹.

Данные о завоевании вышеперечисленных дагестанских политических образований у ал-Куфи подтверждаются также Ибн Хаййатом и ал-Балазури.

После продолжительной осады крепости «Ирбис со своими приближенными, незаметно для Марвана, обратился в бегство пока не дошел до границы города Баб ал-Абваба. Затем Ирбис встретил в пути молодого пастуха и сказал людям из своего окружения, чтобы забрали у него одного барана из стада. Они на этом месте сделали стоянку [для отдыха], где Ирбис сняв верхнюю одежду [остался в кафтане], присел, а одни из его спутников были заняты разделыванием тушки для приготовления пищи, а другие присматривались за конями»¹⁰².

В это время, «спрятавшись за деревом, тот молодой пастух, у которого в руках был лук, прицелился в Ирбиса, пустил в него стрелу и убил его. Спутники правителя Лакза начали¹⁰³ препираться друг с другом из-за того, что не смогли защитить своего господина, и стали кричать: Правителя убили! А сам мальчик с этого места убежал в селение, жителям которого он сообщил о своем поступке, а оттуда он направился в ал-Баб

к управляющему города Усайду б. Зафир ас-Сулами, чтобы сообщить ему новость»¹⁰⁴.

И, наконец, последние сведения о Дагестане, которые приводит ал-Куфи, — о том, как Усайд б. Зафир отправил отрубленную голову Ирбиса к Марвану. Следующий отрывок сообщает о прибытии Усайда с группой приближенных людей к месту гибели лакзкого правителя: «Затем он (Усайд. — *М.Г.*) вернулся в ал-Баб, после чего вызвал своего сына Йазид и передал ему отрубленную голову [Ирбиса], а затем сказал: отправляйся к Марвану и представь ему голову!»¹⁰⁵

Йазид отправился в путь к местопребыванию Марвана, которое располагалось в среднем течении р. Самур напротив осажденной крепости Лакза, и сообщил ему весть, которой Марван не поверил, пока сам не увидел отрубленную голову Ирбиса. «Марван приказал надеть голову на свое копьё и выставить напротив крепости, защитники которой смогли бы ее увидеть, затем мусульмане возвысили свои голоса словами такбира. После этого защитники крепости, увидев голову своего правителя, покорились [Марвану] и запросили заключить мирный договор, согласно которому их оставляли жить в своей крепости [городе], кроме этого они обязались ежегодно поставлять в город ал-Баб по 10 тыс. мудд [зерна]»¹⁰⁶. Источник сведений не указан.

Ал-Балазури в «Футух вл-булдан» сообщает, что «... жители Лакза заключили с ним (Марваном. — *М.Г.*) мирный договор, согласно, которому они обязаны были доставлять 20 тыс. мудд зерна ежегодно, а также он назначил им правителя по имени Хашрама ал-Сулами»¹⁰⁷.

Как видно из источников, территория Дагестана привлекала внимание ранних мусульманских историков. В сведениях о Дагестане у ал-Куфи содержится недостаточная датировка исторических событий. Все эти недостатки можно восполнить по сочинениям других авторов, в которых выдержана последовательность исторических событий.

Сопоставление сведений Ибн Хайята и ал-Балазури о Дагестане позволяет отметить, что Ибн А'сама ал-Куфи в своем историческом сочинении использовал материалы обоих авторов. У кого ал-Куфи заимствовал сведения о Дагестане, которые отсутствуют в трудах «Та'рих» и «Футух ал-булдан», нам неизвестно.

Таким образом, для изучения средневековой истории Кавказа данные арабских авторов представляют особую ценность, в частности, сочинение «Китаб ал-футух» заслуживает дальнейшего углубленного изучения. Ибн А'сама ал-Куфи последовательно излагает историю от вступления на престол халифа Абу Бакра (ум. 13/632) до смерти халифа ал-Муста'ина (ум. 252/866). У ал-Куфи мы находим некоторые сведения и факты, отсутствующие у более ранних авторов, излагающих те же события подробнее. Историческое сочинение «Китаб ал-футух» имеет важное значение для изучения истории народов Кавказа, особенно событий, происходивших в VII—VIII веках.

1. ТА'РИХ ар-РУСУЛ ва-л-МУЛУК. Очерки истории, источниковедения, археографии средневекового Дагестана. Махачкала. 2008.
2. IBN HAJAR AL-'ASQALĀNĪ. Lisān al-Mīzān. Vol. 1. Beirut. 1996.
3. BROCKELMANN C. Ibn A'tham al-Kufi. In: Encyclopaedia of Islam. First Edition (1913—1936). http://dx.doi.org/10.1163/2214—871X_ei1_SIM_2955.
4. FUAD SEZGIN. T'arikh al-Turath ak-'Arabi. Vol. 1. Cairo. 1978.
5. AL-ZEREKLY. A'lam (Biographical Dictionary). Vol. 1. Beirut. 1969.
6. Топкари Sarayi Muezesi Kuetuephanesi Arapca. Yazmalar katalogu, hazirlayan Karatay F.E, N A 2956/1—2. Istanbul. 1966, p. 341—342.
7. IBN A'THAM AL-KUFI. Ahmad. Bodlein Library, Oxford University (MS Fraser 111).
8. IBN A'THAM AL-KUFI. Ahmad. University Library, Cambridge University (MS G.1.2).
9. Джаррах б. 'Абдуллах ал-Хаками (уб.730) был при халифе Валиде б. 'Абдулмалике (ум. 715) наместником Басры. В 723 г. стал наместником Арминийи.
10. TOGAN ZEKI VALIDI. Ibn Fadlan's Reisebericht. Leipzig. 1939, p. 396—402.
11. KARAT A.N. Abu Muhammad Ahmad bin A'sam al-Kufi'nin Kitab al-Futuh'u. Ankara. 1948, vol. VI, p. 385—425; 1949, vol. VII, p. 255—282.
12. Kitabu'l Futuh by Abu Muhammad Ahmad ibn A'tham al-Kufi. Vol. 1—8. Hyderabad. 1974—1976.
13. БУНИЯТОВ З.М. Абу Мухаммад ибн А'сам ал-Куфи. Книга завоеваний. Баку. 1981.
14. Это не современная Армения, а область, включавшая в рассматриваемый период, территории совр. Армении, Грузии, восточного Азербайджана и южного Дагестана.
15. Буниятов ошибочно переводит название этой главы как «Рассказ о походе Салмана ибн Раби'и ал-Бахили в страну Азербайджан и завоевание других стран».
16. Сначала он был утвержден халифом 'Умаром б. Хаттабом (уб. 23/644) в звании судьи в Куфе. После этого Салман не раз участвовал в военных походах на Кавказ, но был убит в одном из сражений с хазарами в г. Баланджар около 650/653 года.
17. Байлакан — небольшой город, от которого остались только археологические следы. Был расположен недалеко от слияния рек Кура и Аракс на месте Карадонлы в Муганьской степи, на территории современного Азербайджана.
18. Город Барза'а. от которого не осталось никаких следов, и, который был расположен поблизости от современного города Азербайджана с идентичным названием Барда.
19. Шарван — название государства, созданного в пределах исторической области Ширвана (часть территории современного Азербайджана и Дагестана).
20. Шабиран — древний город в современном Азербайджане, развалины которого находятся в 25 км к юго-востоку от г. Кубы.
21. Маскат — область, расположенная южнее р. Самур, близ побережья Каспийского моря.
22. Страна Лакз охватывала территорию Южного Дагестана, занимаемую лезгинами, агулами, цахурами, рутулами и отчасти аварцами.
23. Сведения о локализации дагестанского Филана противоречивы.
24. Ныне Табарсаран — Табасаранский район в юго-восточной части Дагестана.
25. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Китаб ал-футух. Бейрут. 1991, с. 343.
26. АЛ-БАЛАЗУРИ. Китаб Футух ал-булдан. Т. 1. Каир. 1957, с. 240.
27. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., ч. 6, с. 344.
28. Ошибка в тексте лишь в расстановке диакритических точек. Город Таргу находился примерно посередине между Дербентом и Махачкалой.
29. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 345.
30. Наиболее вероятным местом нахождения Баланджара может быть Вернечириютовское городище, расположенное у р. Сулак.
31. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 345.
32. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 240.
33. Маслама б. 'Абдулмалик (ум. 738) — известный мусульманский полководец, сын омейядского халифа 'Абдулмалика б. Марвана (685—705) — был правителем Ирака. Он достиг большой известности во время осады Константинополя и в походах на Кавказ.
34. Мухаммад — сын халифа Марвана (ум. 685) и брат халифа 'Абдулмалика — был наместником Арминийи до 91/710 года.
35. Хосров I Ануширван (ум. 579) — царь Сасанидского Ирана с 531 года.
36. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 353.

37. Там же.
38. Там же.
39. Там же.
40. ШИХСАИДОВ А.Р., АЙТБЕРОВ Т.М., ОРАЗАЕВ Г. М.-Р. Дагестанские исторические сочинения. М., 1993, с. 64.
41. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 353.
42. Там же, ч. 8, р. 235.
43. АЛ-БАЛАЗУРИ, Ук. соч., с. 243.
44. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., р. 235.
45. Хайдак — политическое образование в VIII в., в территориальном отношении примерно соответствовало бассейну р. Уллучай, долина которой является частью естественно-географической границы между Центральным и Южным Дагестаном.
46. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 235.
47. НОВОСЕЛЬЦЕВ И.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М. 1990, с. 202.
48. В русскоязычной историографии традиционным стало чтение «Барджиль», предложенное академиком Б. Дорном.
49. Хасийн — небольшая крепость на территории современного Каякентского района Дагестана.
50. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 236.
51. Хайзан должно быть восстановлено как Хизан — округа современного с. Хизы в Азербайджане.
52. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 236.
53. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 243.
54. Вероятно Бар'уфа идентичен месту городища Йаргу — Таргу на р. Гамриозень в Каякентском районе.
55. Территория современного Габалинского района в Азербайджане.
56. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 235.
57. Там же.
58. Тарханы — очевидно, военная знать у хазар.
59. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 255.
60. Там же.
61. Там же.
62. У Буниятова отсутствует упоминание о знамени Марвана.
63. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 256.
64. Там же.
65. Там же.
66. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
67. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 259.
68. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
69. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 259.
70. Марван б. Мухаммад — последний халиф (744—750) из династии Омейядов. Именно назначение на должность наместника на Кавказе молодого Марвана б. Мухаммада сделало возможным осуществление крупной военной операции, которая привела к практически полному разгрому хазарской армии.
71. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 260.
72. Там же.
73. У Буниятова слово Армения заменено на Азербайджан.
74. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 261.
75. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
76. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 261.
77. Там же.
78. БЕЙЛИС В.М. Из истории Дагестана VI—XI вв. (Сарир). В кн.: Исторические записки. Т. 3. 1963, с. 254.
79. Балал возможно считается другим названием аварского общества Андалал. Судить на основании текста ал-Куфи о том, что речь идет о данном обществе, можно, так как оно в прошлом занимало часть территории, которая граничила с землями 'Амика/Кумуха.

80. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 264.
81. Там же.
82. Там же.
83. Там же.
84. Там же, с. 265.
85. Там же.
86. Мудд — это мера измерения сыпучих тел, равная 675 г.
87. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 265.
88. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
89. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 265.
90. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
91. Речь идет о хазарской крепости Хамрин в районе р. Гамри-озень и с. Утамыш в современном Каякентском районе.
92. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 265.
93. Танух — арабское племя, жившее в районе Хиры (Ирак).
94. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 265.
95. У Буниятова несколько неточный перевод: «Ал-Танухи взял наложницу и направился к воинам, и в это время наложница ударила ат-Танухи ножом и отрубила ему голову, а затем сама бросилась в пропасть. Она расшиблась о камни и погибла».
96. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 266.
97. Там же.
98. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 244.
99. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 266.
100. Билистан, возможно, локализуется на месте с. Винистал (Верхний Стал) в Касумкентском районе.
101. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 266.
102. Там же, с. 267.
103. У Буниятова несколько неточный перевод: «Его спутники набросились на него (на па-стуха) и стали кричать на своем языке. Ты убил царя».
104. ИБН А'САМ АЛ-КУФИ. Ук. соч., с. 267.
105. Там же.
106. Там же.
107. АЛ-БАЛАЗУРИ. Ук. соч., с. 246.

Миссионерская деятельность московских иезуитов в конце XVII в

А. Н. Андреев

Аннотация. В публикации анализируется миссионерская деятельность католического клира в Москве конца XVII столетия в тесной связи с вопросами развития церковного и культурного диалога между православными и католиками. Выявляются способы осуществления латинского прозелитизма и его результаты, исследуется отношение русского духовенства к католическим священникам и их церковной работе. Автор приходит к выводу о том, что миссионерская деятельность московских иезуитов, возникшая в процессе европеизации России благодаря увеличению числа католиков, препятствовала проведению европеизационной политики, так как обостряла антагонизм в межконфессиональных отношениях. В связи с этим по-новому интерпретируется изгнание иезуитов из России в 1689 году.

Ключевые слова. католическое духовенство в Москве, иезуиты, пропаганда католичества, русское общество, межконфессиональные отношения.

Abstract. The publication analyzes the missionary activity of the Catholic parish clergy in Moscow in the late 17-th century in close connection with the development of Church and cultural dialogue between Orthodox and Catholics. It reveals the ways to proselytism and its results, explores the Russian priesthood's attitude to Catholic priests and their Church work. The author concludes that the Jesuits' missionary activity in Moscow, which arose as a result of the increasing Catholics in the process of Russian Europeanization, hindered the implementation of the Europeanization policy; because this activity strengthened antagonism of inter-religious relations. In this regard, the article reinterprets the expulsion of Jesuits from Russia in 1689.

Key words: Catholic clergy in Moscow; Jesuits; Catholic propaganda; Russian society; interfaith relations.

Московская римско-католическая община, возникшая в 1684 г. в Новонемецкой слободе, в течение многих десятилетий оставалась одним из крупных очагов западноевропейской культуры в России. Ее деятельность способствовала первым опытам модернизации страны, поскольку верующие католики были представлены высококлассными военными и гражд-

---

Андреев Александр Николаевич — доктор исторических наук, профессор Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета). Челябинск. E-mail: alxand@yandex.ru.

Andreev Alexander N. — doctor of historical sciences, professor of the South Ural State University (National Research University). Chelyabinsk. E-mail: alxand@yandex.ru.

данскими специалистами, весьма востребованными в «Московии», а некоторые из них (такие, как генерал Патрик Гордон и генерал-майор Пол Мензис) содействовали формированию европоцентристской позиции самого Петра I. Московские католики не были нацелены на эскалацию религиозного противостояния, а, наоборот, стремились к установлению мирных межконфессиональных отношений, прямо или косвенно направляя свою социальную и религиозную деятельность к преодолению «антилатинского синдрома» у русских. Однако известно, что церковная организация «латинян» в Кирочном переулке изначально функционировала не только в качестве приходской структуры, но и как миссионерский пункт. Если католики-миряне были заинтересованы преимущественно в поддержании богослужебных функций прихода ¹, то с точки зрения Конгрегации пропаганды веры и членов дипломатического корпуса Священной Римской империи, курировавших костельное строительство, церковь на Язуе должна была стать центром большой миссии ². Нет сомнений в том, что латинские священники направлялись в Москву с миссионерскими целями, однако их прозелитические усилия в конце XVII в. еще не получили системной исторической оценки в контексте развития межконфессиональных отношений. Католический прозелитизм существенно осложнял начавшееся сближение «москвитов» с Западом, провоцируя немало конфликтов.

На исходе XVII в. общину московских католиков последовательно окормляли монахи из «Общества Иисуса»: Иоганн Шмидт (1684—1688), Шарль-Морис Вота (1684), Ян Альберт де Бойе (1685), Иржи Давид (1686—1689), Товия Тихавский (1689), Конрад Терпиловский (1690), Франциск Эмилиан (1698—1719) и Иоанн Бериула (1698—1719). В промежутке между изгнанием И. Давида и Т. Тихавского, состоявшимся в октябре 1689 г., и прибытием новых иезуитов в 1698 г. приход возглавляли доминиканец Людовик Коблич (1691—1692) и францисканцы Франциск Лефлер (1692—1698) и Павел Ярош (1692—1698). Все они были наделены статусом апостолических миссионеров, однако наибольшую активность в распространении католичества проявили именно иезуиты.

Нацеленность московских патеров на пропаганду выдает переписка Давида с папским нунцием в Польше: в мае 1687 г. иезуит сообщал, что «обратил в римо-католичество супругу Патрика Гордона, бывшую до того лютеранкой», и обнадежил, что «готовится еще много таких переходов» ³. Скорее всего генеральша Элизабет Гордон (урожденная Ронаэр), дочь нидерландского полковника на русской службе, обратилась к католической вере не столько под влиянием чешского монаха, сколько повинаясь воле своего набожного мужа, однако налицо стремление иезуита продемонстрировать миссионерскую активность. Латинский прозелитизм в России (в первую очередь, конечно, в православной среде) был одним из главных направлений восточной политики Римской курии, выработавшей особую стратегию тайной проповеди, при которой «миссионер, чтобы не быть узанным, должен превратиться в азиата, приноровиться к духу москвитов, въехать в Россию с мешками товара под предлогом торговли» ⁴. Священникам московской католической церкви в 1680-е гг. уже не было необходимости прятать от чужих глаз свою монашескую одежду, однако действовать явно в интересах миссии было по-прежнему

опасно. Последним обстоятельством определялись средства, использовавшиеся для осуществления миссионерской работы, практиковавшиеся московскими иезуитами.

Главными способами «сеяния» католичества на Руси историки признают распространение «пропагандических книг на русском языке и католических образов»⁵. Не менее важным инструментом религиозного влияния выступала деятельность московской иезуитской школы, основанной о. Иоганном Шмидтом в 1684—1685 гг., в которой обучались не только иностранцы, но и русские дети⁶. Императорский посол Иоганн Жировский писал, что иезуитская школа в Москве с момента своего основания «не ограничивалась приемом только сыновей католиков и иностранцев, но принимала всех вообще»⁷. В этой школе в 1700 г. миссионеры из чешской орденовой провинции «Общества Иисуса» Франциск Эмилиан и Иоанн Берула «обучали детей с таким успехом, что московские бояре и князья, возбужденные молвою о столь великих успехах, почти массами отдавали отцам миссионерам своих сыновей для обучения»⁸. Чтение проповедей по-русски католикам категорически запрещалось, поэтому на педагогические труды миссионеры возлагали особые надежды⁹.

Иезуиты использовали и ряд иных мер к повышению авторитета своей Церкви. Весьма эффективными были признаны акты милосердия — раздача милостыни и лекарств, «за что бедняки много прославляли католиков»¹⁰. В обращении с русскими миссионеры старались быть кроткими и пеклись о своей нравственной репутации¹¹, тем более что их реальное поведение не всегда соответствовало высоким моральным стандартам. В частности, служителям Посольского приказа стало известно о распущенности Иржи Давида, который имел в Москве не менее двух любовниц. Одну из них звали Сарой Майотовой, она была вдовой капитана Юрия Меота (Майота). Иезуит писал ей письма, в коих обнаружили «много бесчинство срамное и блудное»¹². Другая была простой «девочкой». Ее, беременную от Давида, уже после высылки иезуитов из России, стали «бесчестить», и миссионер обещал ей свою помощь, если она придет в пограничную Ригу¹³. Таким образом, Давид не снискал славу смиренного богомольца, зато его предшественник и коллега по ордену, доктор теологии Ян Альберт де Бойе (Альбер Дебуа, Дебой), по-видимому, пользовался нравственным авторитетом у москвичей. Одна старушка самозабвенно ухаживала за отцом Альбертом во время его смертельной болезни, и вообще о нем вспоминали «с величайшими похвалами»¹⁴. В связи с вопросом о нравственном облике патеров отметим, что де Бойе скончался в Москве 3 ноября 1685 г. от спинной сухотки, тяжелой формы нейросифилиса, сопровождающейся психическим расстройством (*tabes hectica*)¹⁵.

В орбиту влияния иезуитов попадали как иноземцы-протестанты, так и те из православных, которые жадно стремились к европейскому знанию. В 1698 г. к «католическому стаду» в Москве присоединились пять лютеран и один кальвинист¹⁶. В 1689 г. иезуитом Товией (Тобиашем) Тихавским (Тихановским) были обращены в католичество два московских жителя — студент Богоявленского училища Пётр Артемьев (1670-е гг. — 1700) и его однокашник, служивший диаконом Богоявленского монастыря, Палладий Роговский (в миру Фёдор Рогов) (1655—1703). Имена этих

русских прозелитов историкам известны давно, однако укрепилось мнение, будто П. Артемьев и П. Роговский стали апостатами за границей, то есть их обращения не связывались с деятельностью московских иезуитов. В 1688 г. Артемьев вместе с Иоанникием Лихудом совершил поездку в Венецию и Рим (вернулся в Москву в том же году), а Роговский, согласно уточненным датировкам, пребывал за границей в 1689—1698 годах¹⁷. Артемьев в послании к патриарху Адриану (отрывки этого сочинения сохранились в «Обличении заблуждений диакона Петра»), описывая Венецию, упомянул, что к латинству его «склонили высокоученые люди», из чего делали вывод, что православие он оставил в городе святого Марка¹⁸. Роговский в своей челобитной патриарху прямо писал, что, желая приступить к изучению риторики, в Оломоуце был вынужден временно оставить православие: «присягал на унию в римскую веру, для того, государь, что тамо до тех высоких наук без присяги в их римскую веру учиться не допускают»¹⁹. Однако архивные документы Конгрегации пропаганды свидетельствуют о том, что Артемьев и Роговский приняли католичество еще в Москве под влиянием о. Товии Тихавского²⁰. Их отступничество от православия произошло в кратчайшие сроки: Тихавский прибыл в Москву в первой декаде февраля 1689 г. вместе с доктором Григорием Карбонари²¹ (а не в 1687 г., как считалось ранее²²), а в начале октября уже был выслан из России.

А. В. Флоровский, работавший с ватиканскими архивами, отмечал: «Как и когда Тихавский вошел с ними (Артемьевым и Роговским. — А. А.) в первый контакт, мы не знаем, вероятно, они сами нашли путь к иезуитской миссии, но безусловно, что еще в Москве Тихавский принял их в Римскую Церковь, а также помог Роговскому выехать за границу, чтобы тот учился в иезуитских школах в Вильне, Нейссе, Оломоуце и Риме»²³. В официальных письмах Тихавский неоднократно упоминал, что он лично обратил в католичество отца Палладия, диакона из окружения московского патриарха²⁴. «Свидетельствую словом священника, — писал он в 1693 г., — а если понадобится, то готов подтвердить его и торжественною клятвою, что достопочтенный брат Палладий Роговский, русский подданный, в чине Базилианского ордена, был мною в ту пору, когда я находился в Москве в звании цесарского миссионера, обращен в истинную веру»²⁵. В некрологе, составленном после смерти иезуита для членов «Общества Иисуса», говорится, что он «обратил множество душ и особую роль сыграл в обращении московского базилианца» (то есть Палладия Роговского)²⁶. О конвертизме отца Петра (Артемьева) недвусмысленно свидетельствовали иезуиты Ф. Эмилиан и И. Берула: «... диакон по имени Пётр» был обращен «в унию с нашей церковью блаженной памяти отцом Тихавским»²⁷.

Истинные обстоятельства обращений Артемьева и Роговского в католичество сохранялись в строжайшей тайне — о них российские власти так никогда и не узнали. Среди москвичей ходили слухи о пропаганде, осуществляемой Давидом и Тихавским, но доказательств не было²⁸. Осенью 1689 г. вопрос о миссионерской работе московских иезуитов с подачи патриарха Иоакима был поставлен на повестку дня Освященного Собора²⁹. Собор постановил ходатайствовать о высылке иезуитов из России, поскольку они «чинят многую святой Соборной Апостольской

Церкви и догматам ее противность печатными письмами и образами на полотнах и на роговой кости, также и иными прелестями»³⁰. 2 октября 1689 г. вышел именной указ об изгнании Давида и Тихавского с теми же формулировками, из которых следует, что духовные власти ограничивались только подозрениями — реальных доказательств соvrщений в католичество в самой Москве у них не было, иначе сведения об апостатах сохранились бы в следственных документах, а «отщепенцы» обязательно были бы поименованы в царском указе и уже тогда понесли бы наказание. Патриарх Иоаким избегал конкретных обвинений, настаивая лишь на том, что иезуиты вообще «чинят противность и раскол и людей прельщают и римской своей вере научают»³¹. В бумагах Посольского приказа находим уточнение: Давид и Тихавский, интегрируясь в русское общество, «учали жить противно и не в свои дела вступаться и новое вмещать и благочестию и святейшему патриарху чинили многую противность»³²; «... учали они чинить многую противность, листы многие печатали русским языком на прелесть и на ссору и в училища учали призывать русских малых детей»³³.

По мнению самих иезуитов, толчком к подозрению и разбирательствам стало политическое преследование Сильвестра Медведева — ученика Симеона Полоцкого, духовного писателя, симпатизировавшего католической богословской науке³⁴. С. Медведев был пытан по делу Ф.Л. Шакловитого, и патриарх Иоаким, чтобы иметь поводы к изгнанию иезуитов, пытался установить, существовала ли у Медведева связь с католическими миссионерами Немецкой слободы³⁵. Связи не было: Медведев под пыткой все отрицал, а иезуиты, судя по переписке, никогда не видели этого человека, хотя и слышали о нем как о справщике Московского печатного двора. Отец Сильвестр напитался латинскими мнениями без участия московских иезуитов, благодаря сотрудничеству с белорусскими богословами, обучавшимися в иезуитских коллегиях Польши³⁶. Тем не менее патриарху были выгодны слухи о прозелитической работе патеров, жертвой которых представлялся Медведев. Иезуиты докладывали: «... из-за него о нас пошла молва и разговоры среди еретиков и схизматиков, особенно среди духовенства и у патриарха, который воспользовался случаем начать действия против нас, и никто ему не противился»³⁷.

Молва об иезуитской пропаганде имела под собой серьезные основания, поскольку Артемьев и Роговский были не единственными католическими прозелитами в Москве. Иезуиты упоминали преданного им русского монаха Андрея³⁸. В донесении за 1698 г. отмечалось: «К святой церкви нашей перешли из ереси три человека; один принял унию и один, отказавшийся от унии, снова ее принял»³⁹. Если под «ересью», исходя из контекста, иезуиты могли понимать как протестантские конфессии, так и православие, то сведения об уклонившихся в унию однозначно свидетельствуют о возросшем влиянии католиков среди православных. Сами иезуиты утверждали, что их закон принимали и многие другие лица, но подтвердить это или опровергнуть при недостатке источников и тайном характере обращений крайне сложно⁴⁰.

Отношение русского духовенства к католическим священникам и их церковной деятельности «на Москве» могло быть различным — негативным, нейтральным или даже благосклонным, что доказывают и случаи

переходов в унию, и иные свидетельства современников. На восприятие иезуитов и их конфессиональной организации существенно влияла позиция выходцев из Малороссии, так называемых «черкесов», игравших все большую роль в московской церковной жизни⁴¹. Доброжелательно относился к иезуитам Иоанн Лаврентьевич Поборский, духовник Петра I в 1700—1703 годах⁴². Миссионеры из «Общества Иисуса» докладывали: «Многие монахи [здесь] суть или униаты. или весьма близки к уни, а еще больше таких, которые имеют прекрасное мнение о наших делах»⁴³. В другом месте они отмечали: «Здесь есть один старичок, который больше всех оказывал помощь нашим священникам, и хотя терпел от русских великую неприятность, тем не менее продолжал поддерживать этих священников»⁴⁴. Впрочем, есть все основания утверждать, что у православного духовенства столицы все же преобладала негативная реакция на становление конфессионального сообщества московских католиков — миссионерская работа иезуитов, которая явственно угадывалась, существенно обостряла взаимную религиозную антипатию. Давид писал, что по Москве ходили слухи об иезуитских кознях, патриарх Иоаким был «разъярен», а духовенство «разозлено»⁴⁵.

Без сомнений, прозелитическая деятельность московских патеров усугубляла традиционную враждебность в межконфессиональных отношениях, вызывая протесты, в первую очередь, у руководства Русской православной церкви. Вышние иерархи «Московии» опасались роста конкуренции за религиозное и политическое влияние на православной канонической территории, и в оценках инославного прозелитизма (в силу внутрицерковной дисциплины) за ними должны были следовать столичные батюшки. Справедливый характер их опасений подтверждается слухами о церковной «распре», устроенной польским иезуитом Михаилом Яконовичем в Москве в 1690 г. при избрании нового патриарха. Яконович, скрывая принадлежность к Ордену, выдвинул свою кандидатуру на патриарший престол⁴⁶. Как ему это удалось — неизвестно, возможно, тайный иезуит по совместительству являлся «православным» архиереем в одной из тех польских епархий, которые готовились присоединиться к Униатской церкви (Львовской или Луцкой). Он был частым гостем в смоленском доме канцлера Марциана Огинского, квартировал в бывшей резиденции польских послов в Кадине (ныне деревня Кадино Смоленской области недалеко от белорусской границы)⁴⁷. Об аванюре Яконовича известно только из его переписки с другими иезуитами, в которой он, между прочим, жаловался, что «ево Москва в патриархи не приняла, а голоса подала на митрополита Казанского»⁴⁸. Упоминание о «покушении» Яконовича «быть в России патриархом»⁴⁹ встречается и в послании архимандрита московского Новоспасского монастыря Игнатия (И.С. Римского-Корсакова), в том же 1690 г. писавшего Холмогорскому преосвященному Афанасию, своему приятелю: «... бысть же пред возведением его (кир Адриана) и некая распря от некоего иже бяше иноплеменик притворяшесе же россиянин, иже не вем како промчесе яко бы произволяшесе оному и на потриаршество возведenu быти»⁵⁰.

Негативизм российских духовных властей в отношениях с «папистами» явно обнаружился во время пребывания в Москве архиепископа Анкирского Петра-Павла Пальмы д'Артуа, транзитом направлявшегося

в Персию. 6 июля 1698 г. «монсеньер Пальма» прибыл в столицу и хотел посетить кремлевские соборы, но патриарх Адриан «его в соборную апостольскую церковь пускать не велел»⁵¹. Тогда католический архиепископ «говорил с соборными протопопами и архидиаконами о вере православной христианской, и о законе, и о церквах, и о службах, чтоб службы служить церковные на одних опресноках, а не так, как у нас, и иные сказывал многие прилоги: “Я-де сам лучше вашего патриарха”»⁵². Это вызвало бурю негодования в церковных кругах и существенно отразилось на характере отношений с иезуитами Эмилианом и Берулой, окормлявшими московский приход в 1698—1719 гг. под видом плебанов Оломоуцкой епархии. Негативизм восприятия их деятельности, кроме того, подогревался обнаружившимися фактами вероотступничества Артемьева и Роговского. Характер исповедания этих иезуитских питомцев представляет собой интересное историко-культурное явление, свидетельствующее о результативности иезуитской миссии в новых условиях сближения России с Западом.

Влияние, оказанное иезуитами Давидом и Тихавским на «русских католиков», было весьма глубоким, по сути мировоззренческим, хотя и проявилось не сразу. Около 1690 г. патриарх Адриан рукоположил Артемьева в сан диакона и предоставил ему место в Новомещанской слободе в приходе святых Петра и Павла. Новоиспеченный отец Пётр сохранял дружеские отношения с патерами костела: иезуит Конрад Терпиловский (в Москве находился с начала марта по 12 июля 1690 г.) считался его духовным отцом⁵³. Тесные связи были налажены у диакона с моравскими священниками Франциском Лефлером и Павлом Ярошем, а затем с вышеупомянутыми иезуитами Эмилианом и Берулой⁵⁴. Артемьев исповедовался и причащался у них, однако до 1698 г. явно не обнаруживал свое «латинство», считая, что время для страдания за веру еще не пришло⁵⁵. Весной 1698 г. он впервые проявил свое католичество: служил литургию с использованием римских чинопоследований, в проповедях с фанатизмом защищал римское вероучение. В письме к своему отцу, суздальскому священнику, Артемьев писал об этом: «... ты меня назвал Петром, чтобы я сделался ему сопричастником, и ты не ошибся: я признаю себя всенародно исповедником Петра и его кафедры»⁵⁶. В начале мая 1698 г. священник той церкви, где служил Артемьев, донес на диакона, что «после евангелия он читал поучение, похвалял в вере поляков, лях, литву, прочитал молитву Отче наш на амвоне по-римски, приклякнув на колена, и иные некие молитвы прилагая римская. Носит он на себе вместо животворящего креста мошонку, а в ней образок латынина Антония Падвианина (Антония Падуанского. — А.А.), еретика суца. Глаголет исхождение Духа Святаго от Отца и Сына. Исповедовался и приобщался у иезуитов. И с иными иезуитами, из Москвы изгнанными, зело слезно разлучался»⁵⁷. Московская общественность осудила «латинствующие словеса» Петра и потребовала наказать диакона-отступника. 13 июня 1698 г. Артемьев был расстрижен и предан анафеме на церковном соборе в присутствии патриарха Адриана, сарского митрополита Тихона (Т.В. Воинова), нижегородского преосвященного Трифиллия (Инихова), вологодского архиепископа Гавриила (Кичигина) и др.⁵⁸ Лишенный сана, но упорствовавший в своих католических взглядах, Артемьев был сослан в Холмого-

ры, а затем в Соловецкий монастырь, где умер в заточении в 1700 году⁵⁹. Иезуиты пристально следили за его судьбой и восхищались силой его духа. Эмилиан в декабре 1699 г. сообщал: «Наш мученик, диакон Пётр..., поистине живой мученик и остается твердым, хотя и находится в ссылке, в монастыре, именно у берегов моря, у Архангельска. Он заключен в подземную темницу и питается черствым хлебом и малым количеством воды. Он совершил много подвигов твердости, вполне достойных истории»⁶⁰.

В отличие от своего товарища, Роговский счел нужным отречься от католичества, чем заслужил полное прощение. 1 апреля 1699 г. «чернец Палладий» составил «Исповедание веры», в котором прямо ругал католичество и папство («от того, глаголю, вреда... римские архиереи, иже нарицаются папы, вонючего гроба трупы, христианскому народу тяжко вложиша»). Он обличал «зablуждения» католиков — такие, как филиокве, служение на опресноках, догмат о «чистеце» и иные⁶¹. 2 июня 1699 г. в монастыре у Спаса на Новом Роговский был «в церковное единение по благочестию и мудрованию Святыя восточныя церкви причтен»⁶². Это дало ему возможность не только оправдаться перед патриаршим судом, но и получить престижное место в церковном управлении. Вскоре он был назначен игуменом Заиконоспасского монастыря и ректором Славяно-греко-латинской академии⁶³. Однако католические убеждения о. Палладий сохранил до конца своих дней. В дошедших до нас проповедях он предстает находящимся «в кругу римской доктрины»⁶⁴. Даже его намеренно антикатолическое «Исповедание веры» выдает латинское мышление. Например, когда Роговский рассуждает о посмертной участи христиан, он находится в семантическом поле римского богословия и лексически транслирует учение об удовлетворении Богу за грехи (рассуждает о покаявшихся правоверных христианах, «не удовлетворивших за своя согрешения»⁶⁵).

Вероотступничество Петра и Палладия, в свете их дружеских отношений с католическими миссионерами Москвы⁶⁶, сильно компрометировало последних, хотя в распоряжении русских властей по-прежнему не было прямых доказательств иезуитского прозелитизма. Раздражение от деятельности иезуитов росло: в секретных донесениях 1698 г. патеры отмечали, что русское духовенство пыталось обвинить их в причащении Артемьева, но за неимением свидетелей было вынуждено отступить⁶⁷. Сами же иезуиты в секретных бумагах признали, что диакон Пётр накануне своего ареста навестил Франциска Эмилиана, «вел разговоры о некоторых неясных вопросах и на коленях в католическом костеле вручил себя охранению Деве Марии и св. Яну Непомуцкому»⁶⁸.

Миссионерская деятельность московских иезуитов становилась серьезным препятствием для дальнейшей европеизации России, поскольку обостряла антагонизм в межконфессиональных отношениях. Мирные межконфессиональные связи выступали важным условием для развития страны по западному пути, но их существование, поддерживаемое многими католиками-мирянами, оказывалось под угрозой благодаря прозелитической работе латинского духовенства. Без священнослужителей община не могла функционировать, а пропаганда вменялась любому патеру в обязанность *in partibus infidelium* («в странах неверных»). В Москве конца XVII столетия прозелитическая работа оказалась довольно успешной,

породив явление «русского католичества», ставшее одной из характерных примет эпохи. История московского католического прихода, в целом, демонстрирует противоречивый характер участия иноземцев и их профессиональных объединений в жизни России — община римо-католиков, с одной стороны, благодаря социальной и профессиональной деятельности ее членов, содействовала европеизации «Московии», однако, с другой стороны, затрудняла этот процесс, повышая конфликтный потенциал межконфессиональных отношений. В данном свете получает новую интерпретацию высылка иезуитов из России в 1689 г., обычно трактуемая в контексте антимодернизационных инициатив патриарха Иоакима. Изгнание иезуитов было попыткой законсервировать традиционные формы русской духовной жизни, складывавшиеся в условиях религиозной изоляции, однако косвенным образом оно способствовало временному сглаживанию религиозных противоречий в ходе начавшейся модернизации страны, а значит, помогло трансферу «современности».

Примечания

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 17—31—01011.

1. АНДРЕЕВА Ю.С. Социальный облик московских католиков конца XVII столетия: опыт просопографического исследования. — Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2018, т. 18, № 3, с. 11—12.
2. FLOROVSKÝ A. V. *Čeští jesuité na Rusi. Jesuité české provincie a slovanský východ*. Praha. 1941, s. 115—132.
3. *Ibid.*, s. 140.
4. PIERLING P. *La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques*. Vol. IV. Paris. 1907, p. 69.
5. ЦВЕТАЕВ Д.В. История сооружения первого костела в Москве. М. 1885, с. 62.
6. FLOROVSKÝ A. V. *Op. cit.*, s. 119.
7. ФЛОРОВСКИЙ А.В. Латинские школы в России в эпоху Петра I. В кн.: XVIII век. Вып. 5. М.-Л. 1962, с. 318.
8. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв. Иржи Давид. Современное состояние Великой России, или Московии. Рязань. 2010, с. 131.
9. Некоторые православные проявляли интерес даже к иноязычной проповеди («народ охотно приходит в храм и вслушивается в проповеди, ничего не понимая»). См.: Там же, с. 57.
10. Там же, с. 58.
11. Там же.
12. Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 5.
13. Там же.
14. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв., с. 68.
15. FLOROVSKÝ A. V. *Op. cit.*, s. 133.
16. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв., с. 34.
17. ЯСТРЕБОВ А.О. Венецианский след в жизненном пути игумена Палладия Роговского. — Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. 2014, вып. 4, с. 19.
18. БОРОЗДИН А.К. Русские католики в Москве в конце XVII столетия. — Исторический вестник. 1886, т. 25, № 9, с. 594.
19. Челобитная к патриарху Адриану, описание жития и учения, и исповедание веры игумена Заиконоспасского училищного монастыря Палладия Роговского. В кн.: Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся... Ч. XVIII. М. 1791, с. 149, 159.

20. ФЛОРОВСКИЙ А. В. Московские навигаторы в Венеции в 1697—1698 гг. и Римская церковь. В кн.: *Ost und West in der Geschichte des Denkens und der Kulturellen Beziehungen. Festschrift für Eduard Winter zum 70. Geburtstag.* Berlin. 1966, S. 199; ЕГО ЖЕ. Из истории русских «встреч с Западом» на переломе XVII и XVIII веков. В кн.: *The religious world of Russian culture. Russia and Orthodoxy.* Vol. 2. Hague-Paris. 1975, p. 227.
21. РГАДА, ф. 150, оп. 1 (1685 г.), д. 7, л. 43; ф. 152, оп. 1 (1694 г.), д. 1, л. 2.
22. ТОЛСТОЙ Д. А. Римский католицизм в России. Т. 1. СПб. 1876, с. 113.
23. FLOROVSKÝ A. V. *Op cit.*, s. 142.
24. ШМУРЛО Е. Ф. Русские католики конца XVII в. по данным архивов Пропаганды и Коллегии св. Афанасия. В кн.: *Записки Русского научного общества в Белграде.* Белград. 1933, с. 7, 25; FLOROVSKÝ A. V. *Op. cit.*, s. 143.
25. ЯСТРЕБОВ А. О. Ук. соч., с. 18.
26. FLOROVSKÝ A. V. *Op. cit.*, s. 143.
27. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв., с. 188.
28. РГАДА, ф. 364, оп. 1, д. 113, л. 163; ЦВЕТАЕВ Д. В. Ук. соч., с. 62.
29. Полное собрание законов Российской империи. Т. 3. СПб. 1830, с. 39, № 1351.
30. Там же.
31. Там же, с. 40.
32. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1694 г.), д. 1, л. 2.
33. Там же, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 15.
34. ЛАППО-ДАНИЛЕВСКИЙ А. С. История русской общественной мысли и культуры XVII—XVIII вв. М. 1990, с. 137—141.
35. ДАВИД И. Современное состояние Великой России, или Московии. В кн.: *Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв.*, с. 234.
36. Записки Сильвестра Медведева. В кн.: *Записки русских людей. События времен Петра Великого.* Ч. 1. СПб. 1841, с. 101.
37. ДАВИД И. Ук. соч., с. 234.
38. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв., с. 56.
39. Там же, с. 188.
40. ФЛОРОВСКИЙ А. В. Из истории русских «встреч с Западом», с. 228.
41. ХАРЛАМПОВИЧ К. В. Малороссийское влияние на великорусскую церковную жизнь. Т. 1. Казань. 1914, с. 257.
42. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв., с. 56.
43. Там же, с. 57.
44. Там же, с. 68.
45. ДАВИД И. Ук. соч., с. 237.
46. Un document inédit sur l'expulsion des jésuites de Moscou en 1689, publié par le P. Gagarin. In: *Extrait des Etudes de théologie, de philosophie et d'histoire.* Paris. 1857, p. 413—418.
47. ЦВЕТАЕВ Д. В. Ук. соч., с. 81—82.
48. РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1, л. 9; ЦВЕТАЕВ Д. В. Ук. соч., с. 82.
49. Формулировка взята из заголовка-легенды архивного дела. См.: РГАДА, ф. 152, оп. 1 (1690 г.), д. 1.
50. Послание к боголюбивому Афанасию архиепископу Колмогорскому како бысть преставление Святейшаго Иоакима патриарха. В кн.: *Житие и завещание святейшего патриарха Московского Иоакима.* СПб. 1879, с. 99; ЦВЕТАЕВ Д. В. Ук. соч., с. 81—82.
51. ЖЕЛЯБУЖСКИЙ И. А. Дневные записки. В кн.: *Рождение империи.* М. 1997, с. 308—309.
52. Там же, с. 309.
53. БОРОЗДИН А. К. Ук. соч., с. 595.
54. FLOROVSKÝ A. V. *Op. cit.*, s. 143.
55. БОРОЗДИН А. К. Ук. соч., с. 596.
56. Там же.
57. КАРТАШЁВ А. В. Очерки по истории Русской Церкви. Т. 2. М. 2006, с. 368.
58. БОРОЗДИН А. К. Ук. соч., с. 598.
59. КАРТАШЁВ А. В. Ук. соч., с. 368.
60. Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII вв., с. 74, 188.

61. Челобитная к патриарху Адриану, описание жития и учения, и исповедание веры игумена Заиконоспасского училищного монастыря Палладия Роговского, с. 164—177.
62. Там же, с. 151.
63. Надписи, находящиеся Заиконоспасского училищного в Москве монастыря в трапезе. В кн.: Древняя Российская Вивлиофика. Ч. XVIII. М. 1791, с. 198.
64. ФЛОРОВСКИЙ Г.В., прот. Пути русского богословия. Минск. 2006, с. 81.
65. Челобитная к патриарху Адриану, описание жития и учения, и исповедание веры игумена Заиконоспасского училищного монастыря Палладия Роговского, с. 157.
66. П. Роговский также поддерживал контакты с Ф. Эмиланом и И. Берулой. См.: FLOROVSKÝ A. V. Op. cit., s. 144.
67. Ibid., s. 143.
68. Ibidem.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ТЕРЕНТЬЕВ М.А. *История завоевания Средней Азии*. В 3-х томах. М. АИРО-XXI, 2018. Т. 1. 544 с.; Т. 2. 560 с.; Т. 3. 560 с.

Трехтомный труд генерал-лейтенанта М.А. Терентьева «История завоевания Средней Азии», увидел свет в 1903—1906 годах. В России он впервые переиздается спустя более чем сто лет. Вступительную статью, справки и комментарии, именной и географический индексы подготовили Г.А. Бордюгов, А.Г. Макаров и Б.В. Соколов.

Михаил Африканович Терентьев¹ описывал завоевание русскими Средней Азии (в советское время эта территория называлась Средней Азией и Казахстаном), происходившее в XVIII—XIX вв., в тот момент, когда этот процесс был уже полностью завершен. Руководствуясь принципом исторической критики, он так изложил свое кредо: «... Не желая быть рабом реляций, я относился к ним критически: панегириков я писать и не собирался, а правду высказать не боялся, мало заботясь о том, понравится ли это тому или другому из деятелей, прославленных уже и превознесенных на полях Средней Азии» (т. 1. с. 26). Разумеется, русский генерал, непосредственно участвовавший в завоевании среднеазиатских народов, монархист по своим убеждениям, освещал историю с имперских позиций, считая завоевание естественным процессом, а присоединение территорий на периферии Российской империи — процессом естественным, оправданным и несущим благо народам этих территорий.

Первые обширные труды на тему российской политики в Средней Азии — «Россия и Англия в Средней Азии» и «Россия и Англия в борьбе за рынки» — Терентьев опубликовал, соответственно, в 1875 и в 1876 гг., а над «Историей

завоевания», по собственному признанию, работал с 1870 года. Он старался учитывать все факты, в том числе и те, что негативно характеризовали завоевателей: коррупцию, жестокость по отношению к местному населению, хотя и допускал определенную идеализацию российской колониальной политики. Кроме того он верил, что практика занижать собственные потери и численность войск и завышать потери и численность войск неприятеля, столь распространенная в российской армии, к концу XIX в. практически исчезла, что вряд ли соответствует действительности, о чем свидетельствует опыт русско-японской и первой мировой войн. Следует отметить, что Терентьев всегда включал в свои труды почерпнутые из архивов статистические данные.

Прежде всего генерал стремился возвеличить скромных «строителей империи» — русских офицеров в средних чинах, игравших главную роль как в покорении Средней Азии, так и в последующем управлении ею. Само Андижанское восстание 1898 г., подробно описанное в последнем томе, он во многом объяснял тем обстоятельством, что на смену боевым генералам и офицерам, непосредственным участникам Туркестанских походов, пришли администраторы, тоже офицеры, но непосредственно в завоевании Средней Азии не участвовавшие и местных обычаев не знавшие. Офицеры-«туркестанцы» привыкли действовать самостоятельно, обладали долей здорового авантюризма и нередко в своих действиях выходили далеко за рамки полученных директив, захватывая гораздо больше территорий, чем было предписано.

Колонизация Средняя Азии стала главным направлением российских завоеваний в конце XIX в., когда поражение Российской империи в Крымской войне на длительное время остановило русскую экспансию на Ближнем Востоке в направлении Константинополя и Проливов. Даже победа России в последней русско-турецкой войне 1877—1878 гг. принципиально не изменила положения, поскольку плоды российской победы в той войне были значительно урезаны совместными усилиями других великих держав на Берлинском конгрессе. Только в Средней Азии Россия могла продолжать завоевания, не встречая серьезного противодействия других государств. Даже когда российские владения стали непосредственно соприкасаться с британскими завоеваниями в Индии и завязался российско-британский спор о контроле над Афганистаном, эти противоречия, в конечном счете, удалось разрешить с помощью соглашения 1907 г., разграничившего сферы влияния Российской и Британской империй в Средней Азии. Это было сделано для упрочения Антанты — англо-франко-русского союза против Германии. Замечу, что, издавая свой труд за год до подписания этого соглашения, Терентьев предвидел совсем иное развитие англо-русских отношений: «Россия по-прежнему будет стоять лицом к лицу с Англией, может быть, даже передвинет свои границы еще ближе к Индии, и тогда уже не газетными статьями будет сдерживать кичливую и надменную болтовню купеческой нации, а кое-чем более веским и грозным» (т. 3, с. 527). К счастью, здесь генерал оказался плохим пророком.

Составители трехтомника справедливо отмечают, что, в противоположность точке зрения Терентьева, в историографии центрально-азиатских республик Российскую империю по-прежнему называют «тюрьмой народов», хотя и признают «ее роль в зна-

комстве народов региона с достижениями европейской цивилизации» (т. 1, с. 5). Такую трактовку они называют национальной, в противоположность имперской, и подчеркивают, что подобного сводного труда о русском завоевании Средней Азии в принципе не может появиться. Историков Казахстана интересует прежде всего, как входила в состав Российской империи территория современного Казахстана, историков Туркмении — территория современной Туркмении и т.д. Точно так же невозможно было создать подобный обобщающий труд в Советском Союзе, даже с использованием одной только марксистской теории. Такому проекту препятствовали противоречия как между отдельными республиками, так и между центрально-азиатскими республиками и союзным центром. Но и в современной России, считающей себя наследницей Российской империи и СССР, до сих пор трудов, охватывающих два века завоевания Средней (Центральной) Азии, не появилось. Да и сам термин «завоевание», применительно к российским колониям, в том числе Средней Азии, современные российские историки стремятся не употреблять, предпочитая более нейтральные «присоединение» и «включение в состав».

Можно отметить целый ряд интересных работ, так или иначе затрагивающих ту же тему, что и труд Терентьева, но ни одна из них не охватывает весь период и все военные, политические и социальные аспекты, затронутые генерал-лейтенантом более 100 лет тому назад. Здесь, прежде всего, стоит указать на работы профессора Европейского университета в Петербурге Сергея Николаевича Абашина². Понятно, что за сто с лишним лет историческая наука не стояла на месте. Появились и новые исторические источники, хотя корпус архивных материалов, впервые введенных в научный оборот Терентьевым, по-прежнему остается осно-

вой для изучения русского завоевания Средней Азии в XVIII—XIX веках. Но, что еще важнее, появились новые теории, объясняющие ход исторических событий. Ученые стали обращать внимание на те проблемы, которые в то время, когда Терентьев писал свой труд, оставались в тени. Среди них, например, столь модная сейчас история повседневности. Хотя как раз у Терентьева много внимания уделено быту как коренного населения Средней Азии, так и русских военных и переселенцев. Сегодня бы объем солидного трехтомника, с учетом новых материалов и новых подходов, возрос бы в несколько раз, и его создание вряд ли оказалось под силу одному исследователю. Тем более, что сочетанием многих уникальных качеств, которыми обладал Михаил Африканович, в принципе не может похвастаться ни один из современных историков. Издатели его труда верно отмечают, что Терентьев не только непосредственно участвовал в завоевании Средней Азии во второй половине XIX в. и имел неограниченный доступ к соответствующим архивам, но и был человеком разносторонне образованным и одаренным, владел всеми языками народов Средней Азии, прекрасно знал местный быт и имел большой опыт работы в качестве судьи.

Будущую ассимиляцию народов Средней Азии в составе Российской империи Терентьев видел через предоставление им одинаковых прав с населением Европейской части государства. «... Все мероприятия наши по вопросу об ассимиляции народностей Туркестанского края принадлежат будущему. Но есть одно мощное средство, которое всегда применялось в России немедленно ко всем присоединяемым к ней народам — это мощное средство: равноправность. Перед таким, искони усвоенным нами, христианским космополитизмом не существуют: “ни раб, ни свободь, и грек, ни варвар, ни скиф, ни иудей”. Наша политика, по отношению к поко-

ренным народам, есть политика гражданского равноправия. Житель, только что занятой Кульджи, только что взятых Ташкента, Самарканда и т.д. делается сразу таким же русским гражданином, каков, например, житель Москвы, да еще пожалуй и с большими льготами» (т. 1, с. 10). Такая точка зрения представляется несколько наивной и внеисторичной. Применение одних и тех же норм к обществам, представляющим разные культуры и стоящим на различных ступенях развития, может привести к порой прямо противоположным результатам, не говоря уже о том, что сами по себе правовые нормы непосредственно не ведут к восприятию языка и культуры, в которой они были созданы. Исламская культура, до сих пор очень тесно связанная с религией, на протяжении веков демонстрирует высокую устойчивость против ассимиляции со стороны европейских культур даже в условиях, когда мусульманская диаспора находится в европейской стране.

Колонизация среднеазиатских земель выходцами из Европейской России сопровождалась постепенным вытеснением представителей коренного населения. Это приводило к острым столкновениям, и всего через 7 лет после смерти Терентьева, в 1916 г., в Средней Азии разразилось предсказанное им мощное восстание, направленное, в значительной мере, против европейских поселенцев, за возвращение коренному населению отнятых у него земель.

Вопреки распространенному мнению, даже военная (казачья) колонизация в Средней Азии была не добровольной, а принудительной, поскольку осуществлялась по приказу начальства. При этом зажиточные казаки нанимали вместо себя беднейших и отнюдь не самых достойных представителей казачьего общества (по словам Терентьева, «бездомные да порочные казаки»),

чьё поведение во многом провоцировало стычки с местным населением. Более или менее значительное число вольных поселенцев появилось в Средней Азии только в конце XIX в. вследствие голода в Европейской России. А по-настоящему массовый приток вольных поселенцев, сделавший колонизацию Средней Азии близкой к колонизации своих владений европейскими державами, начался только с 1907 г., после Столыпинской аграрной реформы.

Издатели труда Терентьева отмечают, что в Центральной Азии антиколониальное движение развивалось первоначально под лозунгом восстановления независимости прежних ханств, а также под исламистскими и пантюркистскими лозунгами. И с точки зрения этих антиколониальных движений, воспринятой позднее национальными историографиями центрально-азиатских государств, Российская империя с самого начала своего существования была «тюрьмой народов», обреченной на разрушение. Если принять национальную точку зрения на историю Центральной Азии в имперский период, то Российская империя предстает неким уродливым образованием, препятствовавшим нормальному развитию поработанных народов. Если же встать на имперскую точку зрения, то все антиколониальные движения предстают как преступные мятежи и бунты. Именно так их называет Терентьев, а их участников — разбойниками. В рамках имперской идеологии империя предстает лучшим в мире государственным устройством, а все национальные и антиколониальные движения — разрушителями идеального государственного устройства, которое в будущем непременно должно восстановиться. На самом деле истина заключается в том, что империи — это преходящие формы государственного устройства. К концу XX в. они практически исчезли с карты мира (т. 1. с. 6) Также обращает на себя внимание вывод о том, что возникновение национальных государств вместо

империй было исторически неизбежным, хотя, что вполне естественно, в конце XIX — начале XX в. ни правители, ни идеологи, ни просто сторонники империй еще не догадывались об этом. А вот «как долго просуществуют национальные государства, когда и во что они могут трансформироваться, сегодня сказать решительно невозможно» (т. 1, ч. 7).

Терентьев, человек энциклопедического склада ума, разработал собственную методику обучения языкам народов Востока. Вот ее основные принципы, не утратившие своей пользы и сегодня: в учебнике грамматики не давать ни одного слова без транскрипции, так как «транскрипция служит учащемуся для проверки, так ли он читает, и потому заменяет ему учителя»; каждую фразу стремиться сначала перевести буквально или подстрочно, и только если окажется, что смысл не передается с достаточной ясностью, тогда необходимо существенно редактировать перевод; к каждой грамматике нужно приложить небольшую хрестоматию, состоящую из молитв, нескольких десятков пословиц и анекдотов, отдавая предпочтение пословицам, которые легко запоминаются благодаря своей краткости, меткости выражений, живости содержания, а также рифме, которая в них часто встречается (т. 1, с. 10).

В отличие от факсимильного издания трехтомника Терентьева, осуществленного в Казахстане в 2012 г., в данном случае «История завоевания Средней Азии» осуществлена в современной орфографии, снабжена не только именными и географическими указателями, но и подробными постраничными комментариями, где объясняются среднеазиатские реалии и даются краткие биографические справки на упоминаемых исторических лиц. Из этих комментариев следует, например, что большинство

российских офицеров, участвовавших в завоевании Средней Азии, были не русскими, украинцами или белорусами, а немцами, поляками, финскими шведами, армянами и грузинами. Это обстоятельство подчеркивает многонациональность правящего слоя Рос-

сийской империи, особенно среди военного сословия.

Ж. КУНДАКБАЕВА

(д.и.н., проф. Казахского нац. ун-та им. Аль Фараби)

Примечания

1. Его биографию см.: БАСХАНОВ М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г. Библиографический словарь. М. 2005, с. 233—235.

2. АБАШИН С.Н. Этнографическое знание и национальное строительство в Средней Азии: проблема сартов в XIX — начале XXI в. Автореф. дис. докт. ист. наук. М.

2008; ЕГО ЖЕ. Ислам в бюрократической практике царской администрации Туркестана (Вакуфное дело дахбитского медресе. 1892—1900). Сб. Русского исторического общества. Т. 7. М. 2003; ЕГО ЖЕ. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи». — *Ab Imperio*. 2008, № 4, С. 456—471.

В.И. ГОЛДИН. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918: монография. Архангельск. САФУ. 2018. 623 с.

Сложные противоречивые процессы 1917—1920 гг., оказавшие существенное влияние на судьбы мирового сообщества, России, ее регионов, конкретного человека, вызывают беспрецедентный интерес российских и зарубежных исследователей даже по прошествии 100 лет. Попытки концептуального переосмысления этого драматического периода, вобравшего в себя события Февраля и Октября 1917 г., гражданскую войну и иностранную интервенцию, активизировались в контексте приобретенного жизненного опыта, когда страна на новом историческом витке вновь оказалась в условиях кардинальных общественных трансформаций, которые проходили весьма болезненно, а распад мощного государства и постсоветское становление государственности нередко сопровождалось острыми конфликтами.

В настоящее время пласт научных работ, посвященных теоретическому и конкретно-историческому анализу революционных процессов 1917 г. и гражданской войны в России, которые фактически являются самостоятельными направлениями исследований, колоссален. Отличительной особенностью постсоветской историографии проблемы является множественность концептуальных обоснований исторического феномена — от ультраправых до леворадикальных толкований. Процессы демократизации, новое видение системы управленческого взаимодействия между центром и регионами через призму межсубъектных отношений, отказ от однолинейности общественного развития в пользу культурно-цивилизационных теорий активизировали научный поиск проблемы на региональном и локальном уровнях.

В числе последних научных новинок — монография известного российского

исследователя В.И. Голдина «Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918». Это, с одной стороны, своеобразный итог многолетней работы автора, с другой — прелюдия предполагаемого трехтомного исследования, посвященного осмыслению процессов, происходивших на Русском Севере в эпоху великих потрясений 1900—1920 годов.

Задуманная трилогия является продолжением научной работы по истории революционного процесса и гражданской войны на Севере, ведущейся автором рецензируемого издания с середины 1980-х годов. За это время по обозначенной теме у Голдина вышли две монографии, опубликованы три подборки документов и мемуаров, серия сборников статей и материалов, а также более ста научных статей¹. Ученый шел от первоначального изучения истории интервенции и антибольшевистского движения на Русском Севере к комплексному исследованию гражданской войны с участием всех социально-политических сил в указанном регионе.

В предполагаемом трехтомнике планируется дать анализ истории Русского Севера с начала столетия до начала 20-х гг. XX века. В вышедшем томе автор перелистывает страницы сложной и противоречивой истории Русского Севера в начале XX в., увязывая их с процессами, происходившими в стране и мире, выявляет диалектику реформ и революций, влияние первой мировой войны на развитие края, исследуют истоки и начальный период международной интервенции и гражданской войны на Севере России.

СOLIDная по объему монография состоит из 7 глав. Сюжеты, раскрывающиеся в каждой из них, являются самостоятельной темой исследования. Анализ исторической канвы событий предваряет обширная историография поставленной проблемы.

Автор рецензируемого издания известен российской научной общественности работами историографического характера, которые посвящены осмыслению итогов развития исследовательской мысли в области изучения гражданской войны. Среди них «Россия в Гражданской войне. Очерки новейшей историографии (вторая половина 1980-х — 90-е годы)» (Архангельск. 2000), «Гражданская война в России сквозь призму лет: историографические процессы» (Мурманск. 2012). Принципиальная новизна историографического очерка настоящего издания — весьма успешная попытка дать комплексное представление о вековом опыте изучения истории Русского Севера первых десятилетий XX в. как российскими, так и зарубежными учеными. Автором выделены этапы развития исследовательской мысли, выявлены научные достижения каждого из них, обозначены перспективные направления дальнейших исследований. Ценность главы — совмещение отечественных и зарубежных научных разработок, что позволяет представить историю Русского Севера в условиях гражданской войны в органичном единстве с общероссийскими и международными процессами и тенденциями.

Содержательную часть исследования открывает глава «Российская империя и Русский Север в начале XX века: попытки модернизации, диалектика реформ и революций». Под Русским Севером автор понимает историческое и географическое пространство северных территорий европейской части России. В административно-территориальных рамках начала XX в. это были Архангельская, Вологодская и Олонецкая губернии, а затем и те администра-

тивно-территориальные и государственные образования, которые возникли здесь в условиях революции и гражданской войны. В настоящей главе представлена динамика социально-экономического и культурного развития региона в конце XIX — начале XX в., его особенности, обусловленные спецификой географического расположения, климатическими условиями и приграничным статусом. Выявляются масштабы вовлеченности населения края в политическую жизнь и революционные процессы 1905—1907 годов. Комплексная характеристика внутренней социальной среды европейского Севера России представлена на фоне общероссийских тенденций и явлений. Не вызывает сомнения общее заключение автора о том, что этот своеобразный, отдаленный уголок России в начале XX в. находился на стадии сложного исторического перехода от традиционного к раннеиндустриальному обществу. На обширном пространстве, равном территориям Англии, Франции, Бельгии и Голландии, своеобразно соприкасались и приживались традиции и тенденции архаики и инноваций, преимущественно аграрного общества с крестьянскими корнями приграничного региона, население которого исторически, на протяжении веков общалось и вело трансграничную торговлю с североевропейскими соседями, поддерживало экономические и культурные связи со странами Западной Европы.

Трудно не согласиться с утверждением автора рецензируемого издания о том, что в регионе в начале XX в. нарастал конфликтогенный потенциал, обусловленный его неразвитостью и отсталостью, нерешенностью многих актуальных вопросов, низким уровнем жизни, отсутствием продуманной государственной политики в отношении Севера, вследствие столкновения ценностей модернизации и традиционализма. Однако в целом обществен-

но-политическая ситуация на европейском Севере в начале XX в. вполне правомерно характеризуется лишь как начальная стадия развития конфликта, когда появлялись условия, создававшие возможности для его возникновение в будущем.

В третьей главе, хронологически связанной с периодом первой мировой войны, представлена характеристика северного театра военных действий, выявляется значимость региона для России, его роль и место в геополитической игре противоборствующих блоков. Детальная историческая реконструкция событий, представленная в монографии в широком международном контексте, свидетельствует о противоречивом воздействии первой мировой войны на Русский Север. С одной стороны, эти годы стали суровым испытанием для региона и населения, с другой — существенно возросло стратегическое значение Севера для России, который в условиях военных действий на Балтийском и Чёрном морях превратился в единственную морскую артерию, через которую осуществлялись поставки важных военных грузов от союзников. Одновременно на этом театре военных действий явно проявлялись внешнеполитические амбиции стран противоборствующего лагеря — Великобритании и Германии, которые пытались втянуть в орбиту своих интересов североευропейские страны. Как следствие, в европейской части Арктики завязался сложный узел военных, политических, экономических, дипломатических интересов противоборствующих военных коалиций и нейтральных стран.

Февральские события 1917 г. в Петрограде, открывшие новые страницы истории страны и региона, трактуются исследователями с крайне полярных позиций. С одной стороны, как величайший шанс для утверждения либеральных ценностей, свободы и демократии, прерванный переворотом

большевиков. С другой, как катастрофа для страны, заговор оппозиционных власти групп интересов, перечеркнувших динамичный процесс развития страны на модернизационных основаниях. В четвертой главе рецензируемого издания представлена реальная панорама событий от февраля к октябрю 1917 г. в его региональном преломлении, что позволяет прийти к обоснованным авторским заключениям.

Основываясь на широкой источниковой базе, Голдин справедливо отмечает, что Февральская революция 1917 г., реально распространившаяся на Север в мартовские дни, вызвала массовое воодушевление, поддержку и наивные ожидания чудесного преобразования всего уклада жизни общества и трансформации модели взаимодействия государства и общества. Настроения северян, находившие выход в ежедневных собраниях, митингах, манифестациях и шествиях, в которых принимали участие все слои общества, средства массовой информации окрестили «Праздником революции».

Автор детально описывает процесс конструирования новых органов власти, восстановления деятельности региональных отделений политических партий, создания профессиональных союзов, которые свидетельствовали о росте общественно-политической активности населения. Значительный интерес представляют материалы о создании земских учреждений в Архангельской губернии, которой в этом праве было отказано царским правительством в связи с малочисленностью дворянского сословия.

Однако, по утверждению Голдина, эйфория первых месяцев революции уже летом сменилась фрустрацией по поводу несбывшихся надежд и обострением партийно-классовых и социально-экономических противоречий в связи с ростом социальной дифференциации в региональном сообществе, обусловленном сверхприбылями тех,

кто наживался на военных поставках. Действительно казавшаяся единой революция распадалась на разные потоки. Пассионарии различной политической ориентации начали борьбу за право именоваться истинными революционерами и носителями идеалов революции, друзьями народа, называя своих противников изменниками и контрреволюционерами. Среди населения Русского Севера, которое традиционно в городах тяготело к кадетским лозунгам, а на селе — к эсеровским, постепенно стали проявляться симпатии к большевикам. Их лозунги были привнесены в местное сообщество демобилизованными солдатами и рабочими из других регионов, которых массово направляли в Архангельский морской порт для погрузочно-разгрузочных работ.

Ситуацию осени 1917 г. в России Голдин характеризует как поток российских революций, в каждой из которых начинали преобладать радикальные, разрушительные тенденции: рабочая революция — антибуржуазная, антикапиталистическая, сориентированная в перспективе на социализм, солдатская — антивоенная, крестьянская — антипомещичья, антифеодальная, национальная (революция национальностей) — антиимперская и, наконец, региональная — революция локальных миров, которые имели ярко выраженную антицентралистскую, антибюрократическую окраску. Провинция же в условиях ослабления центральной власти и распада государственности, сама участвуя в этих процессах в большей или меньшей степени, стремилась перераспределить в свою пользу властные полномочия, пытаясь самостоятельно решать многие вопросы политики и повседневной жизни.

В главе «Октябрьский разлом и Русский Север» автор рассматривает сложные процессы утверждения власти большевиков в регионе, которые были отягощены противоречивыми отношениями советского правитель-

ства со странами Антанты на Мурмане, входившем в состав Архангельской губернии.

Отношение общественно-политических кругов региона к событиям октября 1917 г. в столице автор рецензируемого издания характеризует как настороженное и часто откровенно неприязненное, враждебное, что в целом соответствует действительности. Захват власти большевиками осудили не только кадеты, эсеры и меньшевики, органы, подконтрольные им (губернские земства, городские думы), но и губернские советы рабочих и солдатских депутатов, советы крестьянских депутатов, преобладающее большинство общественных объединений. События октября 1917 г. в Петрограде расценивались как «преступление против воли народа, завоеваний революции», как явление, ведущее страну «к анархии и развалу». В средствах массовой информации большевики именовались «могильщиками русской свободы», бросающими в «непросвещенную толпу» демагогические лозунги, пробуждающие в массах «бунтарские» инстинкты².

Исключением являлся Мурманский совет, который высказался в пользу новой власти уже 26 октября. Его социальной опорой являлись радикально настроенные моряки, солдаты и рабочие, прибывшие в край для осуществления погрузочно-разгрузочных работ. Процесс утверждения власти советов на территориях Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний растянулся практически до лета 1918 года.

Но Русскому Северу, по справедливому замечанию Голдина, была уготована иная судьба, которую готовило ему руководство стран Антанты, недобровольное планами советского правительства вывести страну из войны, так как Восточный фронт оттягивал на себя до 40% немецких войск. Эти сюжеты истории края получили отражение в па-

раграфе пятой главы «Россия и Русский Север в планах Антанты».

Как отмечает автор, правящие круги Франции и Великобритании уже в ноябре-декабре 1917 г. активно обсуждали вопросы поддержки антисоветских сил и начала интервенции в Мурманск. Вынашивались замыслы по использованию Севера России, где находились огромные военные склады союзников, а также имелась возможность поддержания прямой связи с границей, как своеобразного плацдарма в борьбе с большевизмом и создания в Архангельске нового правительства в противовес большевикам. Одновременно в регион стягивались сторонники антибольшевизма. Противники советской власти внутри региона в частности вынашивали идею создания Северо-восточной области, куда должны были войти восемь губерний (Архангельская, Вологодская, Олонецкая, Новгородская, Ярославская, Костромская, Вятская, Пермская). Обосновывалось это катастрофическим экономическим положением Севера, которое тормозилось центральными органами правления. Надежды на доставку продовольствия из стран Антанты объективно способствовали укреплению их влияния среди населения.

Взаимоотношения руководства Советской России, стран Антанты и местных органов советской власти на Севере в конце зимы — весной 1918 г. раскрываются в главе «Мурманский гамбит: Север России на пути к интервенции и Гражданской войне».

Следует отметить, что в условиях многовластия, тотальной реорганизации и обновления центрального аппарата управления, который зачастую не имел четкого и ясного видения механизмов реализации поставленных целей, наблюдался полный развал системы управленческого взаимодействия. Центр и регионы практически жили в разных измерениях. Центру,

занятому своими проблемами, было не до регионов, он зачастую не владел достоверной информацией о состоянии дел в них. В свою очередь, на местах население слабо понимало суть происходивших процессов, полномочия многочисленных вновь созданных органов, различия между ними. В результате значительное влияние на ход событий на Русском Севере оказывали внешнеполитические силы, что воплотилось в крайнюю противоречивость и сложную динамику процессов в северо-европейском арктическом регионе, где проявлялись национальные интересы противоборствовавших в первой мировой войне государств и стран Северной Европы. В условиях отсутствия четкого понимания политики центра, который нередко принимал противоречивые управленческие решения, продиктованные конкретной ситуацией, существенно возросла роль местных органов управления, автономность принятия решений. Своеобразие развернувшихся процессов на местах во многом также определялось личностными мотивами и амбициями, персональным видением перспектив развития страны, региона и территории непосредственного проживания.

В этой главе рецензируемого издания представлен процесс кардинальной трансформации политического облика гражданских и военных органов управления Мурманского края к началу 1918 года. В числе первых признавшие советскую власть, они пошли на союз с силами антибольшевизма и при посредничестве представителей Антанты вынашивали планы обособления от Центра. Обусловлено это было, по мнению автора рецензируемого издания, сменой состава руководства края и размытием социальной опоры советской власти. Дело в том, что три четверти населения Мурманска составляли военные моряки, солдаты и рабочие-железнодорожники, приехавшие в город в годы первой мировой войны. Они и обеспечили преобладание большевиков

в Мурманском совете. Зимой 1917 — весной 1918 г. в связи с завершением сроков контрактов 90% матросов и солдат выехало из Мурманска, и фактически сразу упало влияние большевиков, изменился состав Совета, который пошел на сотрудничество с представителями Антанты.

В монографии раскрывается сложная и противоречивая политика Москвы по отношению к союзникам. С одной стороны, на фоне попыток выйти из войны проявляется стремление прекратить с ними всяческие отношения. С другой, в условиях нависшей угрозы северным рубежам страны со стороны Германии и белофиннов, местным органам управления было рекомендовано принятие всякого содействия со стороны союзных миссий для обороны Мурманска, которое было воспринято политиками и дипломатами стран Антанты как согласие на всемерное сотрудничество и основание для высадки своих войск на мурманской земле, иначе говоря, на интервенцию. На основании данного согласия Москвы в лице наркома иностранных дел Л.Д. Троцкого и «Словесного, но дословно запротоколированного соглашения о совместных действиях англичан, французов и русских по обороне Мурманского края», подписанного в Мурманске, в городе 6 марта 1918 г. высадился первый отряд британских морских пехотинцев численностью в 170 человек. А в конце марта — апреле 1918 г. в Лондоне уже приступили к рассмотрению плана союзной интервенции в Россию.

Как отмечает Голдин, в движении России от локальных проявлений к широкомасштабной гражданской войне особую роль сыграли события и процессы, протекавшие на Мурмане, которые приобрели общероссийское и международное значение.

Трудно не согласиться с автором рецензируемого издания, что мурманские события этого периода сложны, своеобразны и во многом уникальны. В них противоречиво переплелись откровенный и завуалированный анти-

советизм, местничество и сепаратизм, оскорбленный патриотизм и великодержавные амбиции, тонкий расчет и политическое коварство, революционная нетерпимость и попытки компромисса, лавирование советского правительства между противоборствующими империалистическими группировками, попытки противодействия иностранному вмешательству и наивная вера в честоту помыслов союзников.

Наконец, в последней главе — «Кровавое северное лето восемнадцатого» — автор представленной монографии анализирует события конца весны — начала лета 1918 г. на Русском Севере в контексте общероссийских процессов, которые характеризуются им как переход к широкомасштабной и фронтовой войне в России.

Один из центральных сюжетов главы — взаимоотношения Центра и местной власти со странами Антанты, с их представителями и вооруженными силами, оказавшимися к лету 1918 г. на Мурмане.

Автор раскрывает официальную позицию Москвы по отношению к странам Антанты, которая считала возможным сохранение союзнических отношений лишь на основе дипломатического признания советского правительства. Представлены все сложности, с которыми сталкивался СНК Советской России, пытавшийся в надежде на выигрыш времени для создания боеспособной армии, проводить политику равноудаления и лавирования между противоборствующими военными коалициями, не допуская их столкновения на русской земле и, в частности, на Севере.

В свою очередь, детально описываются декларируемые и фактические планы стран Антанты, объясняемые военно-стратегическими мотивами, проистекавшими из первой мировой войны, а де факто преследовавшие комплекс политических, геополитиче-

ских и экономических целей и задач, направленных в конечном счете на ослабление и возможный раздел России, укрепление влияния или установление контроля со стороны иностранных держав за ее политикой и приведение к власти нужных для этого людей и правительств.

Детально описан процесс подготовки Мурманским советом разрыва отношений с Москвой, решение о котором было принято 30 июня 1918 г. и доведено до Центра. Автор вполне правомерно констатирует, что Центр к сожалению, долго не понимал истинных намерений Мурманского совета.

В рецензируемом издании широко представлены процессы, разворачивавшиеся на Русском Севере в июле — первых числах августа 1918 г., которые фактически заложили основы широкомасштабной и кровавой гражданской войне на Русском Севере. Действительно, именно в этот период начались открытые вооруженные столкновения между союзными и советскими войсками. Введение войск Антанты в Мурманск явилось толчком к концентрации антисоветских сил на Севере, костяк которых составляли иногородние лица, связанные с различными российскими антибольшевистскими организациями. Представлен детальный анализ планов подготовки антибольшевистского переворота в Вологде и Архангельске, который в Архангельске увенчался успехом и был синхронизирован с вступлением войск интервентов в город 2 августа 1918 года.

Военное вторжение стран Антанты, в свою очередь, по мнению Голдина, вело к обострению общественно-политической борьбы в России и на Русском Севере и втягивало северян в смертоносную пучину братоубийственной гражданской войны. Действительно, отсутствие четкого понимания политики Центра, политическая практика первых месяцев советской власти на

Севере (заключение унижительного Брестского мира, введение продовольственной диктатуры в условиях обострения продовольственного кризиса, деятельность Советской ревизии под руководством М.С. Кедрова, которой предоставлялись широкие полномочия в «борьбе с контрреволюцией») усиливали антисоветские настроения среди местной общественности, размывая тем самым социальную базу большевизма на Севере. Как следствие, отдельные попытки оказать сопротивление антибольшевистским силам, захватившим Архангельск, наблюдались лишь со стороны военных моряков.

Вместе с тем, автор справедливо отмечает, что война на Русский Север была принесена на иностранных штыках, ибо без вторжения интервентов антибольшевистские силы здесь имели минимальные шансы прийти к власти и не смогли бы удержать ее длительное время. Недовольство положением дел и политикой большевиков в России и на Русском Севере еще не означало готовности северян подняться на борьбу с ними с оружием в руках. Напротив, расширение интервенции, действия и политика стран Антанты и их командования на Севере и в России будут способствовать быстрому освобождению жителей северных губерний от иллюзий в отношении держав «Согласия».

Резюмируя, следует отметить, что первый том трилогии является весьма удачной попыткой осмысления процессов, происходивших на Русском Севере в эпоху великих потрясений 1900—1918 годов. Несомненным достоинством рецензируемого издания и научным достижением автора является системный подход к исследованию проблемы. Русский Север, с одной стороны, рассматривается как самостоятельная социальная подсистема, имеющая политическую, социально-экономическую и культурно-духовную

специфику, с другой, — как часть целого, единого, который проживает драматические страницы истории вместе со всей страной и мировым сообществом. Анализ проблемы в данном контексте позволил автору выявить региональную специфику происходивших процессов и одновременно сфокусировать внимание на общероссийских и мировых тенденциях.

Пожалуй впервые концепт северный регионализм трактуется как конструктивное явление, направленное на поиск оптимальной модели взаимодействия с Центром и путей преумножения могущества страны и региона. Раскрывается геополитическая роль Русского Севера как исторического центра освоения Арктики, региона приграничного сотрудничества и центра международных взаимодействий России с зарубежными странами.

Несомненным достоинством работы является разноуровневый подход к исследованию поставленной проблемы. В рецензируемой монографии наряду с процессами, происходившими на мировом, общенациональном и региональном уровнях, широко представлен личностный компонент. В частности, даны характеристики ключевых политических деятелей эпохи, анализ их жизненного пути, индивидуальные представления и оценки происходивших событий, модели поведения, что существенно обогащает видение и понимание исторической эпохи, позволяет прочувствовать ее дух, выявить соотношение объективного и субъективного в историческом развитии.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что рецензируемая монография является значительным вкладом в осмысление процессов, происходивших в мире, стране, регионе в 1900—1918 годах. Вышедшая в свет монография будет полезна широкому кругу исследователей и читателей,

интересующихся проблемами российской и региональной истории, международными процессами в данном регионе. Хотелось бы пожелать автору дальнейших творческих успехов в реализации поставленной цели, в частности, успешного завершения работы над задуманной трилогией.

Ф.Х. СОКОЛОВА

(д.и.н., проф. Северного (Арктического) фед. ун-та им. М.В. Ломоносова)

А.Е. ШАПАРОВ

(д. полит. н., проф. Северного (Арктического) фед. ун-та им. М.В. Ломоносова)

Примечания

Рецензия подготовлена в рамках исследования, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 18—09—00237 «Глобальные изменения в локальном измерении: население северной провинции и события 1917—1918 гг.»)

1. ГОЛДИН В.И. Интервенция и антибольшевистское движение на русском Севере: 1918—1920. М. 1993; ГОЛДИН В.И., ЖУРАВЛЁВ П.С., СОКОЛОВА Ф.Х. Русский Север в историческом пространстве российской Гражданской войны. Архангельск. 2005; ГОЛДИН В.И. Контрреволюция на Севере России и ее крушение (1918—1920). Вологда. 1989; Белый Север. 1918—1920 гг. Мемуары и документы. В 2-х вып. (Сост., авт. вступ. ст. и коммент. В.И. Голдин). Архангельск. 1993; Заброшенные в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918—1919) глазами ее участников (Сост. В.И. Голдин, предисл. В.И. Голдин и Дж.У. Лонга). Архангельск. 1997.

2. Архангельск. 1917. 28 октября, 1 ноября; Воля Севера. 1917. 8 ноября.

Историческая паранаука и краеведение

В. А. Бердинских

Аннотация. В полемической заметке поставлены некоторые проблемы псевдонаучной исторической литературы, широко издающейся в современной России. Особенности развития краеведения в российской провинции тесно связаны с общественными процессами и крахом Советского Союза. Требуют нового осмысления и связи паралитературы с менталитетом основных слоев читающего российского общества.

Ключевые слова. паранаука, краеведение, проблемы формирования тематики и проблематики краеведческих исследований.

Abstract. In polemic note some problems of the pseudoscientific historical literature which is widely published in modern Russia 21 centuries are considered. Features of development of study of local lore in the Russian province are closely connected with public processes and crash of the Soviet Union. Demand new judgment and communication of para-literature with mentality of the main layers of the reading Russian society.

Key words: para-science, study of local lore, problems of formation of subject and perspective of local history researches.

Работа историка требует определенного уровня профессионализма, созданного базовым образованием в молодости и длительной практикой в научной (не только преподавательской) деятельности впоследствии. Любительские занятия наукой (чаще всего альтруистичные и бездоходные) в российской провинции с IX в. принято называть краеведением. Десятки, если не сотни людей занимаются на свой страх и риск (в качестве хобби) краеведением и приносят этим своей малой родине много пользы. Но краеведение наших дней сильно отличается от краеведения XX века. Это, в некотором роде, уже другой жанр. Точнее всего его можно определить как folk-history.

В провинции это направление имеет черты, отличные от столичного уровня. Отмена советской цензуры и крах государства сыграли важную роль в развитии паралитературы. Появились тысячи краеведов, журналистов, коллекционеров, писателей районного и областного масштаба и, наконец, просто графоманов.

Бердинских Виктор Аркадьевич — доктор исторических наук, профессор Вятского государственного университета. E-mail: bva.prof@mail.ru.

Berdinskikh Viktor A. — doctor of historical sciences, professor at the Vyatka State University. E-mail: bva.prof@mail.ru.

Folk-history российского масштаба — это физики, математики, биологи, журналисты и писатели, играющие в историю. Эти люди, моделируют прошлое, ничуть не интересуясь полнотой исторической действительности, достижением научной истины. Им важно с помощью подбора строго определенных фактов доказать свою, заранее ясную им идею, гипотезу или концепцию, чаще всего весьма сенсационную и опрокидывающую традиционные воззрения на эту тему ¹.

К фолк-историкам такого типа примыкают националисты, доказывающие древность и героичность своего этноса в истории, «скрытую» ранее происками врагов или другими причинами. В этой группе немало журналистов и писателей.

Folk-history — это особый литературно-публицистический жанр массовой культуры. Сюжет здесь строится по законам беллетристики (но отнюдь не научно-популярной литературы). При этом происходит тенденциозный отбор лишь тех фактов, которые укладываются в схему или концепцию автора. Часть фактов откровенно додумывается, то есть происходит фальсификация истории при сохранении внешнего наукообразия. Произведение в подобном жанре мимикрирует под научное.

Среди предшественников подобного жанра иногда называют Льва Гумилёва, писателя В. Чивилихина и поэта Олжаса Сулейменова ². Сегодня к фолк-историкам, заполонившим своей печатной (и иной) продукцией полки наших магазинов, обычно относят Г. Носовского и А. Фоменко, В. Суворова, А. Бушкова, И. Бунича, М. Аджи, А. Асова, В. Кандыбу, Ю. Мухина, Ю. Петухова, Э. Радзинского, В. Щербакова, В. Кожина, Н. Шамагонова, В. Чудинова и т. д.

Преднамеренность искажения фактов, сенсационность, игра с датами основания городов, цифрами, событиями, историческими персонажами отличают folk-history и областного уровня. Все, что не работает на гипотезу (открытие) автора, отсекается изначально. Стремление доказать свою талантливость (или гениальность) выводит такого автора на теорию заговора профессионалов против «честных людей», которые хотят знать истину.

Замечу, что это касается работ не всех краеведов. Но заикленность на нескольких довольно узких научных проблемах (мало интересных современной науке) характерна для многих любителей. Для Вятского края, например, это, прежде всего, такие темы, как даты основания древних вятских городов (непреренно хочется их удревить), заселение русскими Вятского края (очень сильная героизация прошлого и внесение духа сенсационности), идеализация вятскости вообще (в духе В.Н. Крупина) и конкретных вятских уроженцев в частности (разного рода знатных земляков, крупных директоров, космонавтов, маршалов и т. д.) ³.

Хочется отметить что краеведческий отдел нашей областной научной библиотеки стал центром научной деятельности всех исследователей края (а не только любителей-краеведов). Его «вятика» — полное собрание печатной продукции, изданной в губернии (области) в XIX—XX вв., — является основой для научной работы всех профессиональных исследователей, соприкасающихся с нашим краем. И в этом — его будущее.

Любительские работы могут дать интересные факты и источники науке, но не могут ее развивать. Поэтому ритуальные обращения библи-

отеки и отдела к краеведам — это, в значительной мере, дань прошлому веку. Лучший краеведческий проект библиотеки (в содружестве с местными учеными) последнего десятилетия — это альманах «Герценка», 30 выпусков которого существенно обогатили местное краеведение. Качественный (хотя местами узко субъективный и однообразный) подбор материалов, пропущенных через некий фильтр, обеспечил неожиданный взгляд на прошлое, интересный современной молодежи ⁴.

Краеведение в значительной мере остается уделом людей пенсионного и предпенсионного возраста, не сумевших реализовать себя в рамках основной профессии, отчего проистекают многочисленные фобии и комплексы многих из них. Не случайно, с ними зачастую очень сложно общаться профессиональным историкам.

Справедливости ради стоит отметить, что уровень историков-профессионалов, занимающихся местной историей, чаще всего весьма далек от современного уровня развития российской науки. Наукообразие, скучная и весьма устаревшая по методике, отсталая по мысли манера изложения отвращают массового читателя от научных сборников, монографий и статей. В общем-то нередко происходит своеобразная деградация преподавателей местных вузов как исследователей, не перешагнувших порог своей кандидатской диссертации в течение всей жизни. Это вполне объяснимо. С них прежде всего требуют (и за это платят жалованье) проведение лекций и семинаров в вузе. А научно-исследовательская работа является «пятым колесом» в профессиональной «телеге». При этом нередко хороший преподаватель может быть плохим исследователем и наоборот.

Напомню: научно-популярная литература находится в поле науки, а folk-history — нет. Поэтому роль хороших научно-популярных книг в борьбе за умы народа сильно выросла. Стремительно поднимается интерес к документальной книге. И это хорошо. Но пока пара-литература победила на полках книжных магазинов качественную научную и научно-популярную. Стоит задуматься над этим. Менталитет читающих слоев населения требует того, что могут дать параисторики и чего при любом стечении обстоятельств не могут дать профессионалы, изоляция коих от общества стремительно возрастает все постсоветские годы.

Нельзя обойти здесь и проблему интернета с его диктатом любителей над профессионалами. «Желтая» литература пользуется большей благосклонностью читателей Сети. И все же — надежда есть. Инфраструктура исторической науки (вузы и академические центры, архивы и библиотеки, журналы и издательства, разного рода научные конференции и конгрессы — так называемая «устная наука»), существенно окрепшая при поддержке властей в XX в., создала массовое сословие российских историков очень разного уровня дарования, профессиональной подготовки, амбиций и общественной значимости. Но это сословие готово отстаивать свои интересы в обществе (прежде всего материальные) всеми возможными способами. И пока у него это получается. Так что опасность паралитературы в сознании большинства современных историков — скорее мнимая. Ее авторы не претендуют на рабочие места и гранты, должности в органах власти и общественное признание. Во всяком случае — пока...

Примечания

1. См., например: НОСОВСКИЙ Г.В., ФОМЕНКО А.Т. Античность — это Средневековье. СПб. 2004.
2. ЧИВИЛИХИН В.А. Память. М. 1984.
3. КРУПИН В.Н. Вятская тетрадь. М. 1987.
4. См., например: Герценка. Вятские записки. Вып. 28. Киров. 2015.

Возвращаясь к напечатанному

В содержании журнала «Вопросы истории» № 3 за 2019 г. в разделе «Историография» вместо фамилии автора книги Р.Ю. Погадаев следует читать: Р.Ю. Почекаев.

Contents

The political archives of the Twentieth century: **P. A. Iskenderov**. Chronicle of the Great Victory (1941–1945). Articles: **Z. R. Zinnatullina, I. A. Popp**. Volost justice in the Russian Empire after the abolition of serfdom. Contributions: **S. V. Tkachev**. Stages of Colonizations Process; **V. D. Puzanov**. Children boyar and nobles of Western Siberia in XVII century. Discussion issues: **A. N. Nesterenko**. Why History is not Science. Diplomacy in history: **M. M. Agazade**. The problem of the status of Azerbaijani Turks in Iran. History and fates: **S. I. Munzhukova**. The history of creation of memoirs of B. A. Engelgardt. For teacher of history: **S. B. Borisov**. Everyday life of the Chinamen in Russia in 1890s-1950s. International scientific cooperation: **E. Madatli**. Problems of the formation of the Azerbaijani people, their language and culture in the Iranian historiography. Peoples of Russia: **A. I. Prishchepa**. Formation of social infrastructure in new cities of the North of Western Siberia (1960s-1980s). People. Events. Facts: **M. B. Shaveleva**. The peculiarities of the agricultural development and rural population status in the Arzamas uyezd in 1779–1860; **M. – P. B. Abdusalamov, N. D. Chekulayev**. Agrakhansky Cossack army in plans of the Russian Empire in the North Caucasus (1722–1735); **M. A. Gizbulaev**. Dagestan in arabic historical sources: “Kitab al-Futuh” by al-Kufi. From history of religions: **A. N. Andreev**. Missionary activities of Moscow Jesuits in the late XVII century. Historiography: *M. A. Terentiev*. History of the conquest of Middle Asia (by **Zh. Kundakbaeva**); *V. I. Goldin*. Russia’s North on the road to the Civil War (by **F. Kh. Sokolova, A. E. Shaparov**). Letters to the Editor: **V. A. Berdinskikh**. Historical “para-science” and study of local lore. Returning to the printed

---

Учредитель: Искендеров Пётр Ахмедович

**Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати 11 сентября 1996 г.
Регистрационный номер № 894**

Главный редактор П.А ИСКЕНДЕРОВ

Редакционная коллегия:

**М.Ц. Арзаканян, Б.Д. Гальперина, Г.А. Гребенщикова, В.Г. Кикнадзе, М.А. Лагода,
Р.Г. Ланда, Е.П. Лебедева, Е.А. Мельникова, З.И. Перегудова, В.В. Поликарпов,
О.А. Ржешевский, А.Н. Цамутали, В.Л. Янин**

Перепечатка допускается по соглашению с редакцией, ссылка на «Вопросы истории» обязательна

Присланные материалы после рецензирования не возвращаются

Редакция не имеет возможности вступать в переписку

Мнение редакции может не совпадать с позицией авторов опубликованных материалов

«Вопросы истории» № 4, 2019

Адрес: Журнал «Вопросы истории».

Селезнёвская улица, дом 11А, строение 2, 7-й этаж, офис 14, Москва, 127473.

Телефоны: (495) 741-65-18, (495) 741-65-17. E-mail: 095history@mail.ru

Оригинал-макет номера подготовлен в редакции

Подписано в печать 25.03.2019. Формат 70x108/16. Бумага газетная. Гарнитура Таймс. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 15,4. Уч-изд. л. 18,00. Тираж 900. Заказ 0015-2019. Индекс 70145.

Цена свободная.

ООО Журнал «Вопросы истории»

Отпечатано в АО «Красная Звезда».

Тел.: (495) 941-32-09, (495) 941-34-72, (495) 941-31-62

125284, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38.

E-mail: kr_zvezda@mail.ru <http://www.redstarprint.ru>

Дорогие читатели!

**Подписку на журнал «Вопросы истории»
можно оформить
в любом почтовом отделении
Российской Федерации:**

**по Объединенному каталогу «Пресса России»
на второе полугодие 2019 г., т. 1.
Подписка проводится
Агентством «АРЗИ»
Подписной индекс для подписчиков
70145**

ВИ
**ВОПРОСЫ
ИСТОРИИ**